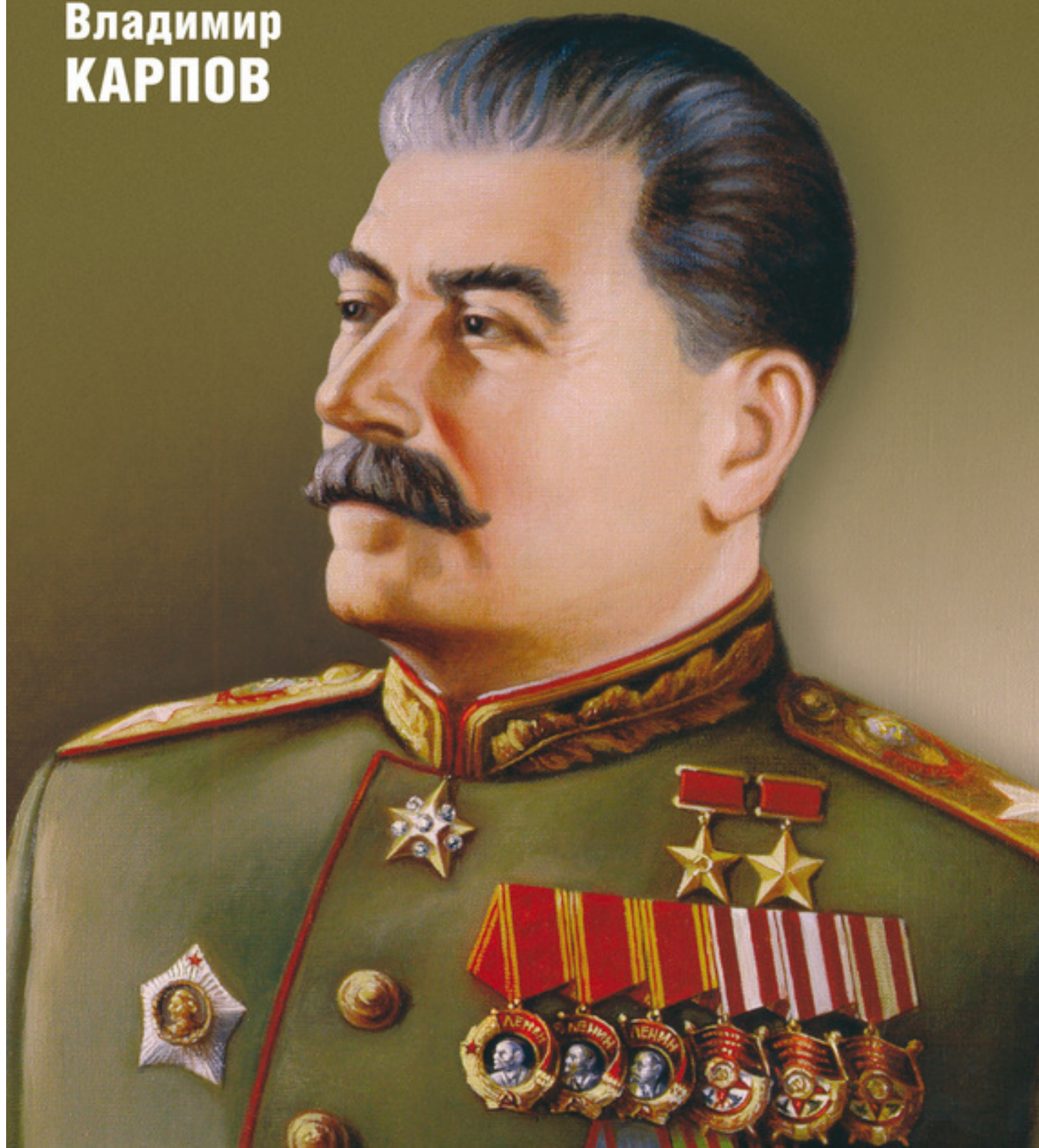


ГЕНЕРАЛИССИМУС

Владимир
КАРПОВ



Владимир Карпов
Генералиссимус

«ВЕЧЕ»

2013

Карпов В. В.

Генералиссимус / В. В. Карпов — «ВЕЧЕ», 2013

ISBN 978-5-4444-1067-7

Историко-документальное исследование «Генералиссимус» известного русского писателя В.В. Карпова посвящено И.В. Сталину – одному из самых выдающихся деятелей мировой истории, внесшему колоссальный вклад в укрепление СССР и победу советского народа в Великой Отечественной войне. Особое внимание автор уделяет полководческому таланту Сталина, его деятельности в качестве Верховного Главнокомандующего. Писатель, по его словам, не претендует «на эпическое полотно: эта книга не роман и не повесть». Она представляет собой мозаику, собранную из найденных В.В. Карповым и другими авторами, известными и малоизвестными, деяний Сталина. Главная забота писателя – воссоздание как можно более полной объективной картины жизни И.В. Сталина. Издание осуществлено к 90-летию со дня рождения В.В. Карпова (1922-2010).

ISBN 978-5-4444-1067-7

© Карпов В. В., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

От автора	6
Революционеры	9
Начало биографии. (Факты без комментариев)	9
Гражданская война. Бои за Царицын	12
На Западном фронте. Разгром Деникина	18
Советско-польская война 1920 года	22
Сталин – наследник Ленина	27
Главный оппонент. (Начало биографии)	33
Важное предупреждение	46
Сталин и Русская Православная Церковь	53
О стратегии	69
Борьба за армию	75
Коллективизация	78
Выстрел в спину	89
Убийство Кирова	93
Военный заговор	101
О репрессиях	122
Дамоклов меч войны	133
Сближение с Германией. Секретный договор. (Август – сентябрь 1939 года)	133
Мирные дни	153
Война с Финляндией. (Осень 1939-го – начало 1940 г.)	165
Война в Европе. (Разгром Франции: май – июнь 1940 г. Война с Англией)	172
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Владимир Карпов

Генералиссимус

©Карпов В.В., наследники, 2013

©ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

К работе над этой книгой я приступил после долгих размышлений и сомнений. Грандиозны события и дела, которые вершил Сталин. Очень он сложен, противоречив и многогранен как личность.

Поэтому прежде всего предлагаю читателям обратить внимание на две особенности. Первая: несколько десятилетий при жизни Сталина многое гипертрофировалось в сторону преувеличения, приукрашивания его заслуг. Вторая: после смерти Сталина началось и продолжается по сей день «развенчание» и «ниспровержение» его как исторической личности, всего, что связано с ним, путем переукрашивания в один черный цвет, подачи в негативном виде.

Где же правда?

Придется разгребать горы противоположных по оценкам книг, исследований, статей, большей частью необъективных, несправедливых.

В одних Сталин – великий вождь, отец народов, мудрый государственный деятель, в других – кровожадный злодей, преступник с параноидальной психикой.

Первое, что хочется сказать об этих «жизнеописаниях»: все, кто восхвалял или очернял Сталина, делали это, движимые своими идеологическими партийными позициями или групповыми убеждениями. Кое-кто просто зарабатывал деньги на «горячей теме» – мог подавать в любом ракурсе, лишь бы платили. Вчера они писали диссертации о «преимуществах развитого социализма», а сегодня взахлеб расхваливают прелести «свободного предпринимательства». В свое время указания вождя были для них основополагающими во всем и навсегда, а теперь они утверждают, что у него не было никакой теории и философии, а практика сводилась только к репрессиям.

Надо, надо в этом разобраться.

Не берусь анализировать, оценивать и описывать всю жизнь и деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина, попытаюсь осветить его политическую и военную деятельность.

Работая над книгой «Полководец», и особенно над трилогией о маршале Жукове, я был как бы на подступах к книге о Сталине. Во всех стратегических вопросах, касающихся хода войны, принятия решений на проведение крупнейших операций – всюду роль Сталина как Верховного Главнокомандующего была первостепенной. Правильны или ошибочны были его решения – другой вопрос, но то, что его мнение и приказы являлись определяющими, – это однозначно.

Я включил в это издание некоторые главы из моего трехтомника о маршале Жукове, касающиеся действий противника, в большинстве случаев оставил это все неизменным, добавить пришлось только реакцию Сталина, по сути дела, на то же поведение противника. Я не считал необходимым радикально перерабатывать эти главы.

В ходе работы над теми книгами накапливались материалы и размышления о военной деятельности Сталина. Кроме того, в личных беседах со многими видными военачальниками и в сотнях писем читателей мне постоянно советовали подумать и взяться за создание книги о Сталине. Многие считали, что я подготовлен к ней своей предыдущей работой, военным образованием и осведомленностью в делах архивных. Придавало мне силы не только то, что я владел необходимым материалом, но и то, что имел опыт работы в Генеральном штабе с 1947 года по день смерти Сталина в 1953 году.

С ним я лично не встречался, но видел и слышал его много раз. Мне знакома обстановка, атмосфера деятельности Генерального штаба при непосредственном руководстве Сталина. И вообще, первая половина моей жизни прошла в те годы, когда все вершил «великий вождь и учитель».

Некоторые читатели могут заподозрить меня в необъективности. Для тех, кто этой подробности из моей жизни не знает, сообщаю: в 1941 году я, курсант-выпускник Ташкентского военного училища, был арестован и осужден Военным трибуналом Среднеазиатского военного округа за якобы антисоветскую агитацию и пропаганду (статья 58–10 УК СССР).

Главный вопрос, который мне задал следователь, был:

– Кто вам давал задания компрометировать вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина?

Проявилась моя «преступность» в том, что я сказал:

– Ленина забывают, все Сталин да Сталин, а он не был вторым после Ленина в революции и в годы гражданской войны.

Следователь утверждал:

– Такими разговорами в военной среде ты порождает сомнения, подрывал авторитет вождя народов.

В довоенные годы это был страшный криминал. Многих за подобные разговорчики расстреляли. Мне повезло, «смиловатился» трибунал, оставил в живых.

Потом были Тавдинлаг, лесоповал, далекий Север, где я едва не погиб. Затем (в октябре 1942 года) – штрафная рота, после моих писем Калинин с просьбой отправить на фронт. В штрафной, как известно, надо было искупить свою вину кровью. Я уцелел в нескольких рукопашных схватках, когда от «шурочки» (так называли штрафные роты) оставалось несколько человек. Последовало такое вот решение Военного совета Калининского фронта:

«...За проявленное красноармейцем Карповым Владимиром Васильевичем отличие в боях с немецкими захватчиками судимость по приговору Военного трибунала Среднеазиатского военного округа... с него снята... 20. 02. 1943 г.»

В общем, есть у меня все основания обижаться на Иосифа Виссарионовича. И тем не менее...

Мои предыдущие книги были честными и правдивыми, не изменяю себе и в этом повествовании – о Генералиссимусе. Не ставлю перед собой цели оправдывать или осуждать Сталина. Я намерен, как всегда, изложить все объективно.

Несколько слов о стиле и конструкции этой книги.

Все изложенное строго документально. Может быть, кому-то покажется, что документов и цитат многовато, но я исходил из того, что сами-то читатели не могут познакомиться с многими первоисточниками, которые существуют, но, как говорится, простому смертному недоступны. Что касается моих бесед с людьми, окружавшими Сталина (друзья и враги), то эти, в том числе магнитофонные, записи поистине уникальны, потому что собеседники мои оставили наш бранный мир.

Заранее соглашаюсь со всеми возможными замечаниями по части множества цитат и заимствований из различных публикаций и поясняю: я хотел написать более полную книгу о Сталине, поэтому и включил широко известные старшему поколению, но неизвестные новому эпизоды из его жизни и деятельности.

В чем заключается особенность этого жанра? Я не претендую на эпическое полотно: эта книга не роман и не повесть. Она представляет собой мозаику, собранную из найденных мною и другими авторами, известными и малоизвестными, деяний Сталина. Главная забота моя – создание как можно более полной картины жизни нашего именитого соотечественника.

Многие участники войны, зная, что я пишу книгу о Генералиссимусе, прислали пожелания, советы, эпизоды из жизни Сталина. Все это я с благодарностью использую.

Мозаика, как и другие жанры, имеет право на существование. В этом отношении опорой для меня служит мнение Белинского: «Кажется, что бы делать искусству (в смысле художества) там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно вернее? Но в том-то и дело, что верное воспроизведе-

ние фактов невозможно при помощи одной эрудиции, а нужна еще и фантазия. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание».

Я, современник Сталина, пережил те же исторические события, поэтому имею все основания на то, чтобы высказывать свои суждения по поводу поступков и событий, которые совершали их участники. Я веду прямой разговор с читателями потому, что это мой стиль. В таком сложном сооружении, каким является мозаика с огромным количеством документов, фактов, действующих лиц и их поступков на протяжении почти ста лет, я считаю, должен быть поясняющий «поводырь» – собеседник.

Порой подробно излагаются поиски документа, рассказ очевидца, подступы к событию или даются мои комментарии – это необходимая атмосфера мозаики, она как воздух объединяет все в единое целое и не оставляет неясностей, недоговоренности, разночтений.

Пять лет я работал над этой рукописью, можно, да и нужно бы, еще потрудиться, подшлифовать язык, кое-что сократить, кое-что добавить. Но... Я решаюсь на эту публикацию по совету и добрым отзывам друзей, которые прочитали рукопись. Уходят из жизни боевые друзья и писатели, младше меня по возрасту. А у меня за плечами восемьдесят очень трудных лет. Может и меня подстеречь печальная неожиданность. А книгу эту – самую значительную в моем творчестве – очень хочется (не скрываю этого) подержать в руках, полистать в тиши кабинета, еще раз пройти вместе с читателями по грозным, трудным и радостным годам XX века, в котором жил и работал не только Сталин, но и мы, старшее поколение. Это и наша жизнь.

И последнее.

На фронте мы ходили в атаки и рукопашные. В кровавые схватки нас поднимали навстречу пулям и возможной смерти не только призывы: «За Родину! За Сталина!» Каждого из нас поднимало извечное русское «Надо!»

Вот и я мысленно сказал себе это емкое слово «Надо!», приступая к работе над «Генералиссимусом» с полным пониманием сложности, тяжести и ответственности, которые я взваливаю на свои плечи, не только перед читателями, но и перед историей.

Революционеры

Ни о классах, ни о партиях нельзя судить только по тому, что они сами о себе говорят, по тем лозунгам, которые они в данный момент выдвигают...

...В конечном итоге все противоречия сходились в борьбе за власть.
Л. Троцкий

Борьба между троцкистами и Советским правительством не борьба за власть, а борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом.
И. Сталин

Начало биографии. (Факты без комментариев)

Никто не рождается на свет ни злодеем, ни праведником. Мне кажется, будет верным, если мы начнем наше знакомство со Сталиным с этой объективной исходной позиции.

Начать придется издалека, без такого «предполя» нельзя понять, как формировались личность и способности будущего Генералиссимуса.

Иосиф Джугашвили родился 21 декабря 1879 года в небольшом городке Гори Тбилисской губернии в семье сапожника Виссариона Ивановича и Екатерины Георгиевны Джугашвили. Крещен в православной церкви. В 1888 году его отдали в Горийское духовное училище, после окончания которого в 1894 году он поступил в Тифлисскую духовную семинарию, причем как отличник был принят «на казенный счет». Готовился стать священником, но знакомство с модной тогда революционной литературой увлекло Иосифа, и он стал посещать марксистские кружки. А вскоре проявил себя таким их активистом, что 27 мая 1899 года (на пятом году учебы) его исключают из духовной семинарии.

После этого устроился на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию – вычислителем-наблюдателем – и с той поры повел жизнь революционера-профессионала. Он был смелый, с горячим кавказским характером. Книжной революции ему было мало – участвовал в экспроприациях. Здесь, наверное, впервые и проявились его лучшие бойцовские качества.

Но «боевая деятельность» была недолгой – понял: надо просвещать, поднимать трудящихся на борьбу за лучшее будущее.

5 апреля 1902 года последовал первый арест и заключение в Батумскую тюрьму за революционные выступления среди рабочих и статьи в нелегальной газете «Брдзола». Осенью 1903-го он был сослан на три года в Восточную Сибирь, в село Новая Уда Иркутской губернии. Здесь получил первое письмо от Ленина. 5 января 1904 года бежал из ссылки и вернулся на Кавказ, где организовал широкое издание нелегальных прокламаций, газет, брошюр, книг, в которых выступил как единомышленник Ленина в борьбе с меньшевиками.

В декабре 1905 года Сталин – делегат от кавказских большевиков на Всероссийской конференции большевиков в Таммерфорсе (Финляндия). Здесь он впервые лично познакомился с Лениным. В апреле 1906 года участвует в работе IV съезда РСДРП в Стокгольме. На V Лондонском съезде Сталин активный участник борьбы и победы Ленина над меньшевиками.

И вновь Кавказ. Об этом периоде Сталин вспоминал: «Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических местных руководителей...

Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение».

25 марта 1908 года – второй арест. Восемь месяцев в тюрьме. Ссылка в Вологодскую губернию. Но 24 июня 1909 года Сталин совершает побег и возвращается в Баку.

23 марта 1910 года – опять арест, полгода в тюрьме и ссылка в Сольвычегодск. 6 сентября 1911 года Сталин нелегально уезжает в Петербург. Но уже 22 сентября он водворен на место ссылки.

По поручению Ленина в Вологду приехал Серго Орджоникидзе и сообщил Сталину о заочном избрании его членом ЦК партии на Пражской конференции.

В феврале 1912 года Сталин совершает очередной побег.

5 мая 1912 года, согласно указаниям Ленина, выходит первый номер газеты «Правда» – его готовил в России со своими товарищами Сталин.

22 апреля 1912 года Сталина арестовали и сослали на три года в Нарымский край. Но уже 1 сентября того же года – новый побег!

В петербургском подполье Сталин продолжает руководить изданием «Правды», ведет подготовку к избирательной кампании в IV Государственную думу, пишет «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», который Ленин высоко оценил и рекомендовал газете: «Непременно поместите этот наказ на видном месте крупным шрифтом». Выборы увенчались победой – кандидаты от рабочих были избраны в Думу.

Ленин одобряет работу Сталина в переписке с ним. В ноябре и декабре 1912 года Сталин выезжал к Ленину в Краков на совещание ЦК.

За границей Сталин написал работу «Марксизм и национальный вопрос». Ленин сообщал Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все авторские и прочие материалы...»

23 февраля 1913 года Сталина арестовали в Петербурге. На этот раз, учитывая его побег, сослали в далекий Туруханский край, к самому Полярному кругу, в селение Курейка, где Сталин и пробыл до Февральской революции 1917 года.

12 марта 1917 года он уже в Петербурге. Здесь его кооптировали в состав русского Бюро ЦК РСДРП и в редакцию «Правды».

2 апреля 1917 года Ленин пересек границу Финляндии, на первой же станции Белоостров его встречали Сталин, Каменев, Коллонтай, Раскольников.

4 апреля Ленин в Таврическом дворце изложил свои исторические апрельские тезисы – программу немедленных действий. Сталин был рядом.

24 апреля 1917 года на VII Всероссийской партийной конференции Сталина избирают членом ЦК, в который входили: Ленин, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Ногин, Смигла, Федоров.

4 июля, после расстрела по приказу Керенского мирной демонстрации, партия ушла в подполье, организация безопасности Ленина была возложена на Сталина.

Сталин постоянно встречается с Лениным в Разливе, готовит VI съезд партии, на котором в отсутствие Ленина делает основной доклад о политическом положении и курсе на вооруженное восстание.

25 октября это вооруженное восстание происходит, и Ленин провозглашает лозунг: «Вся власть Советам! Долой временное правительство!»

Октябрьская революция свершилась: 26-го вечером на II Всероссийском съезде Советов создано первое Советское правительство во главе с Лениным. Сталина назначают народным комиссаром по делам национальностей.

В эти дни многим коммунистам пришлось стать военными. Тут и для Сталина открылись самые широкие возможности.

На совещании ЦК еще 16 октября по предложению Ленина создается «Военно-революционный центр» из пяти членов, в который входили Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Бубнов и Сталин.

Вообще, было два руководящих центра: «Военно-революционный комитет» в Петербурге и «Военно-революционный центр» всероссийского масштаба.

Всероссийским восстанием руководил Ленин, а в Петербурге – Троцкий, председатель Петроградского совета.

В первом издании сочинений Ленина сказано: «После того, как Петербургский совет перешел в руки большевиков, был избран его председателем Троцкий, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября».

Сталин после революции, в юбилейной статье 1918 года говорил о Троцком: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета товарища Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом товарищу Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками товарища Троцкого».

Таким образом, в двух крупнейших событиях начала XX века – Первой мировой войне и Октябрьской революции – Джугашвили-Сталин прошел не на уровне второго лица, как это утверждают его услужливые биографы, а как член руководящей команды большевиков-революционеров.

Он был в числе близких к Ленину единомышленников – член ЦК, член «Военно-революционного центра», но роль его в этот период, как видим, была еще скромной. Пока на Сталина лишь падал отблеск «костра», разжигаемого Лениным.

Такова правда о начале биографии Иосифа Джугашвили. Я не пытаюсь ни унижить, ни возвысить его, привожу только факты – ни больше ни меньше.

Гражданская война. Бои за Царицын

Где и как развивались военные способности Сталина, когда и как он накапливал боевой опыт?

Первое событие стратегического масштаба, в котором Сталин не только принимал участие, но и сыграл руководящую роль, произошло в 1918 году под Царицыном. Причем началось его участие в том большом сражении не в положении военачальника, а всего лишь продовольственным комиссаром.

Напомню, что, окруженный тогда со всех сторон фронтами, Петроград оказался отрезанным от губерний, которые снабжали столицу хлебом и другими продуктами. Голод начинал душить не только жителей огромного города, но и саму революцию. Надо было предпринимать срочные меры по налаживанию снабжения продовольствием. Одной из таких акций было решение ЦК направить Сталина продовольственным комиссаром в Царицын, через который можно было везти хлеб с Волги и Северного Кавказа в обход деникинской армии, занимавшей Украину и донские хлеботородные просторы.

Понимая и подчеркивая значение этого мероприятия, председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) подписал особый мандат:

«Член Совета Народных Комиссаров, народный комиссар Иосиф Виссарионович Сталин, назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на Юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации и эмиссары обязываются исполнять распоряжение товарища Сталина».

Описывая дела исторических личностей, обычно опускают детали из их личной жизни. И напрасно: порой бытовые, чисто личные моменты оказывают определенное влияние на поведение исторических личностей и, следовательно, на ход событий.

Здесь, мне кажется, уместным будет рассказать о малоизвестном факте из жизни Иосифа Виссарионовича. Этот случай, несомненно, оказал определенное психологическое влияние на поведение Сталина в Царицыне. Дело в том, что Сталин, возвратясь из ссылки в 1917 году, поселился в семье старых своих знакомых Аллилуевых. Они один раз уже предоставляли приют Сталину – после побега из ссылки в 1915 году. После Февральской революции он опять жил у Аллилуевых как на конспиративной квартире, а потом, в горячке Октябрьской революции, так и оставался в этой семье – не до квартирных забот было в то время.

Но есть основание, и довольно убедительное, считать, что Джугашвили оставался у Аллилуевых не только из-за отсутствия своей собственной квартиры. Дело в том, что у Аллилуевых росла дочка Наденька, шел ей в ту пору семнадцатый год. Воспитываясь в семье революционера, она, чистая и пылкая натура, считала приходивших в дом отца товарищей по партии романтическими героями, они ей очень нравились, и она мечтала быть похожей на них. И вдруг в квартире поселяется один из таких легендарных героев. Он много раз бежал из ссылки и однажды уже скрывался в этой семье.

Она все это помнила, поэтому глядела на таинственного черноволосого Джугашвили восхищенными глазами, с гулко бьющимся сердцем.

Все это не мог не заметить 38-летний «дяденька-революционер». Дело зашло так далеко, что несмотря на разницу в возрасте и не считаясь с тем, как расценят все это товарищи по партии, Сталин увез с собой Надю в Царицын. Наверное, Сталину хотелось покрасоваться

перед юной возлюбленной своей значительностью: он вез ее в персональном салон-вагоне и предвкушал, как Надя увидит его в больших делах, которые он едет вершить с мандатом самого Ленина.

Сталин прибыл в Царицын 6 июня 1918 года. Он остался жить в салон-вагоне, который охраняли приехавшие с ним питерские красногвардейцы. На правах чрезвычайного комиссара Сталин стал вызывать к себе для доклада не только руководителей местных партийных и советских органов власти, но и военных. Последние, не понимая поначалу, какое к ним имеет отношение штатский продовольственный комиссар, не очень-то ему подчинялись и продолжали заниматься своими делами.

Командующий Северо-Кавказским округом, бывший генерал-лейтенант царской армии Снесарев умело руководил действиями подчиненных ему войск и создал надежную оборону Царицына. Андрей Евгеньевич был опытный генерал-фронтовик, окончил до войны Академию Генерального штаба. По своим прогрессивным убеждениям, которые сложились, наверное, в годы, когда он был студентом Московского университета, Снесарев решил послужить революции и добровольно пришел в Красную Армию. Он был очень нужен и полезен революции. Ленин высоко ценил таких людей, он рекомендовал на всех фронтах использовать знающих свое дело бывших офицеров-военспецов», а для того чтобы предотвратить возможную измену некоторых из них, назначать к военспецам комиссаров.

У Сталина отношение к бывшим офицерам было однозначно подозрительное. Он считал их заговорщиками. И в этом отношении расходился с мнением Ленина по вопросу использования военных специалистов. Встретив прохладное отношение военных в Царицыне, Сталин дал телеграмму в ЦК Ленину, требуя себе полномочий на вмешательство и в дела военные, потому что обнаружил здесь большие беспорядки.

Центральный Комитет сначала не дал Сталину таких полномочий, посчитав, что он должен заниматься главным делом, ради которого направлен, – продовольствием.

Сталин успел отправить несколько эшелонов с хлебом в голодающий Петербург, чем оказал большую услугу революции.

Но в конце июля противник перешел в наступление. Генерал Краснов намеревался силами белоказахской армии овладеть Царицыном и соединиться с восставшим чехословацким корпусом, уральскими и оренбургскими белоказаками. Объединение сил контрреволюции отрезало бы северную часть России от южной, откуда поступало продовольствие в Петроград и Москву. Потеря Царицына была бы труднопоправимой катастрофой.

Отрезав Царицын от северного Кавказа, белые лишили Сталина возможности выполнить его основную задачу, ради которой он был сюда направлен, то есть мобилизовать продовольственные ресурсы и направить их в Москву и Петроград. Хлеб остался на юге, а изолированный от него Царицын своего хлеба не имел. Сталин прилагает все силы, чтобы выполнить поручение ЦК и Ленина:

«Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого – ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им...

Что касается истеричных, будьте уверены, у нас рука не дрогнет, с врагами будем действовать по-вражески».

11 июля 1918 года Сталин телеграфирует Ленину:

«Дело осложняется тем, что штаб Северокавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы

переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел...

Смотреть на это равнодушно считаю себя не вправе. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями».

Снабжение центра страны хлебом было прервано. Ленин передал Сталину: «...о продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо кроме как от Вас добыть неоткуда...»

Сталин ответил, что «до восстановления пути доставка хлеба немыслима... в ближайшие дни не удастся помочь хлебом. Дней через десять надеемся восстановить линию...» Но шли не дни, а месяцы, и положение все ухудшалось.

Обстановка была крайне напряженной не только на фронте, но и в тылу: в Петрограде произошло восстание эсеров, покушение на Ленина. В Царицыне скопилось очень много враждебных новой власти элементов: эсеры, террористы, анархисты, монархисты, бывшие офицеры. Существовало организованное контрреволюционное подполье.

Мне кажется, роль Сталина в борьбе с внутренней контрреволюцией более наглядно будет представлена в устах участника событий тех дней, бывшего начальника оперативного отдела армии полковника Носовича, который перебежал к белым и 3 февраля 1919 года опубликовал в белогвардейском журнале «Донская волна» следующее:

«Главное значение Сталина было снабжение продовольствием северных губерний, и для выполнения этой задачи он обладал неограниченными полномочиями...

Линия Грязи – Царицын оказалась окончательно перерезанной. На севере осталась лишь одна возможность получать припасы и поддерживать связь: это – Волга. На юге, после занятия «добровольцами» Тихорецкой, положение стало тоже весьма шатким. А для Сталина, черпающего свои (хлебные) запасы исключительно из Ставропольской губернии, такое положение граничило с безуспешным окончанием его миссии на юге. Не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, отступать от раз начатого им дела. Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим.

Постепенно, по мере того, как он оставался без дела, вернее, попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин начал входить во все отделы управления городом, а, главным образом, в широкие задачи обороны Царицына в частности и всего Кавказского фронта вообще.

К этому времени в Царицыне атмосфера сгустилась. Царицынская чрезвычайка работала полным темпом. Не проходило дня без того, чтобы в самых, казалось, надежных местах не открывались различные заговоры. Все тюрьмы города переполнились...

Борьба на фронте достигла крайнего напряжения...

Главным двигателем и главным вершителем всего с 20 июля оказался Сталин. Простой разговор по прямому проводу с центром о неудобстве и несоответствии для дела настоящего устройства управления краем привел к

тому, что Москва отдала приказ, которым Сталин ставился во главе всего военного и гражданского управления...»

Носович признает дальше: репрессии имели основание. Вот что он пишет о контрреволюционных организациях Царицына:

«К этому времени и местная контрреволюционная организация, стоящая на платформе Учредительного собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына.

К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и его два сына были мало знакомы с настоящей обстановкой, и из-за неправильно составленного плана, основанного на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, состоявшего при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой...

Резолюция Сталина была короткая: «расстрелять». Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними и значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно без всякого суда расстреляны».

Об очищении от белогвардейцев Носович пишет:

«Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначную надпись на телеграмме: «Не принимать во внимание!»

Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне».

Сталин же телеграфировал в Москву:

«...Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей, свергать всех командиров и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».

Под «отсутствием бумажки» Сталин имел в виду то, что Троцкий как председатель Реввоенсовета республики не дал Сталину полномочий вмешиваться в дела военного командования.

И действительно, его «не остановило» отсутствие «законных» полномочий, по приказу Сталина был арестован Снесарев и почти все бывшие офицеры из штаба. Несколько сот арестованных офицеров были водворены на баржу и содержались там под охраной.

О судьбе этих офицеров, а точнее, о применении Сталиным таких крутых мер в Москву писалось не раз: с баржи было выведено и расстреляно несколько групп офицеров, и вообще эту баржу намеревались затопить. В Царицын была даже направлена специальная комиссия во главе с А. И. Окуловым для расследования этого факта.

Комиссия разобралась с обвинением арестованных, большинство из них были освобождены, в том числе и генерал Снесарев. Чтобы развести Снесарева со Сталиным, генерала назначили командующим Западным фронтом.

Но пока ехала комиссия, Сталин, Ворошилов и другие приближенные сумели спрятать концы в воду, в самом прямом смысле этого слова.

Долго ходили слухи о том, что комиссии стало известно тогда не все. Например, о затоплении другой баржи я слышал от пожилых командиров в 1939 году, когда стал курсантом военного училища.

Осенью 1918 года войска белых вышли на подступы к Царицыну и кое-где прорвались к Волге. Самое критическое положение создалось в январе 1919 года, когда генерал Краснов ввел свежие силы и, прорвав оборону красных, двинулся к Царицыну. У командующего созданного к тому времени Южного фронта Сытина и у члена Реввоенсовета Сталина никаких резервов для противодействия прорыву не было.

В этой сложнейшей обстановке Сталин не растерялся, проявил твердость и нашел выход. Здесь впервые проявляется его способность мыслить в оперативно-стратегических масштабах.

Находившиеся в те дни рядом со Сталиным в салон-вагоне вспоминают, что Сталин был возбужден гораздо более обычного, почти не переставал дымить трубкой, но говорил своим ровным твердым голосом, и это успокаивало окружающих.

Сталин понимал: коль скоро он сосредоточил в своих руках все руководство, то и ответственность за поражение ляжет на него. Но что же делать? Резервов нет. Противник почти беспрепятственно возьмет Царицын.

Сталин предположил: части генерала Краснова, наверное, уже готовы отпраздновать победу. Это всегда усыпляет бдительность. Немало примеров в истории, когда преждевременное торжество приводило к потере успеха, добытого в сражении.

– Что сейчас происходит в расположении генерала Краснова? – спросил Сталин, не обращаясь ни к кому конкретно. Присутствующие притихли. Представитель из штаба фронта доложил:

– Там готовятся к вступлению в Царицын, главные силы строятся в колонны в районе Дубовки. Впереди пойдет небольшой авангард, чтобы сбивать остатки наших войск.

Сталин зло стукнул трубкой по столу.

– Превосходно! Авангард пропустить и расправиться с ним в нашей глубине.

– Но это значит открыть дорогу и главным силам противника...

– Совершенно справедливое замечание, – сказал Сталин. Он чувствовал себя уверенно, потому что нашел выход из создавшегося безвыходного положения. Сталин даже улыбнулся: – Главные силы противника пойдут не в город, а к своей гибели.

– Но кто...

– Начальник артиллерии, товарищ Кулик, сколько у вас в районе Дубовки пушек?

– У меня здесь ничего... – начал оправдываться Кулик.

– На всем фронте сколько? – нетерпеливо перебил Сталин.

– Орудий сто наберется...

– Все эти орудия немедленно, не теряя ни минуты, начать сосредоточивать к Дубовке. Пошлите надежных людей в батареи. Гнать всех в хвост и в гриву! Чтобы в течение ночи сосредоточились к Дубовке. Сюда же свезти все снаряды. Вы поняли меня? Противник в эйфории. Победа вскружила им головы. Вот мы и ударим всей артиллерией по этим глупым головам! А сводную кавалерийскую дивизию Думенко сосредоточить сюда же, к Дубовке. Ее задача – бить и преследовать противника, после того как его опрокинет артиллерия!

В течение ночи вся артиллерия была стянута и заняла огневые позиции у Дубовки. Дивизия Думенко вышла в назначенный район. Психологический анализ Сталина относительно противника полностью подтвердился. Войска генерала Краснова шли колоннами по дорогам за авангардом. Кавалерия, тоже в строю, двигалась вдоль дорог. Тяжелая, огромная масса войск густым потоком текла к Царицыну.

Удар артиллерии, в таком сконцентрированном, невиданном ранее количестве, да еще с предельной скорострельностью, был не только неожиданным, но и уничтожающим. Снаряды рвали в гуще людей, в несколько минут огромное пространство покрылось трупами, бежали

в разные стороны солдаты. Дивизия Думенко под командованием Буденного (Думенко заболел) лихо преследовала отступающих. Перешли в наступление и другие части фронта. Войска Краснова были отбиты от Царицына.

Эта блестящая победа укрепила авторитет Сталина. Город отстояли, белые отброшены. А кто все это возглавлял? – Сталин! И еще один человек очень помог – Кулик. И это естественно: решающую роль в этом сражении сыграла артиллерия, использованная оригинальным, не применявшимся ранее сосредоточением ее на главном направлении и массированным огнем. А кто командующий артиллерией? – Кулик! Слава Кулика после этого тоже была устойчива многие годы.

Ну а отношения на уровне руководства фронтом развивались своим чередом, Сталин продолжал показывать свой характер. Вернее, он оставался самим собой и не мог вести себя иначе.

Как было сказано выше, в сентябре 1918 года новым командующим созданного Южного фронта был назначен Павел Павлович Сытин, тоже бывший царский генерал, генштабист, тоже добровольно в январе 1918 года вступивший в Красную Армию.

С первых же дней Сталин начал конфликтовать с новым командующим Сытиным. И даже самостоятельно отстранил его от командования фронтом. Тем самым Сталин отказался подчиняться приказу председателя Реввоенсовета республики Троцкого о невмешательстве в оперативные распоряжения командующего фронтом. Троцкий апеллировал в ЦК. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов телеграфировал Сталину и Ворошилову в Царицын: «Все решения Реввоенсовета (республики) обязательны для военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии... Никаких конфликтов не должно быть». Но Сталин не посчитался с указанием ВЦИК и продолжал действовать по своему усмотрению.

Для того чтобы исправить это положение, Центральный Комитет вынужден был отозвать Сталина в Москву. Командующим войсками фронта был оставлен Сытин.

Подводя итог первого самостоятельного соприкосновения Сталина с военной стратегией, отметим его мудрость, энергичность, решительность, твердость, особенно в сложных ситуациях. Все это хорошие качества военачальника. Сталин получил опыт в организации и проведении крупных армейских операций. Познакомился с деятельностью штабов, роли которых, однако, явно не понял. Наряду с этим стало очевидным, что широкими полномочиями, властью Сталин не всегда пользовался умеренно. Это уже давало повод ЦК, товарищам по партии насторожиться. Но в напряженные дни гражданской войны было не до того. А кое-кто считал все это в той ситуации не пороками, а достоинствами, тем более что это подтверждалось реальным результатом – Сталин отстоял Царицын. Победителей не судят, а победа под Царицыном действительно имела стратегические масштабы.

На Западном фронте. Разгром Деникина

В мае 1919 года перешли в наступление войска Юденича, и создавалась угроза Петрограду. ЦК партии и Совет обороны направили Сталина на Петроградский фронт. Это назначение было не случайным – учли его военные способности и проявленные решительные действия на фронте ранее. Ленин предупредил Сталина: «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть, и на самом фронте, организованного предательства... Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров».

И Ленин не ошибся – 13 июня 1919 года вспыхнул контрреволюционный мятеж на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Сталин снова проявил смелость и решительность: он понимал, что нельзя позволить мятежу разгореться, так как наготове к вторжению стояла английская эскадра. В течение трех дней мятеж был подавлен.

Сталин доложил Ленину:

«Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая Лошадь. Оружие на них в полном порядке. Идет быстрая проверка всех фронтов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я буду впредь действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».

Явное торжество победителя и даже некоторое отсутствие скромности отчетливо видятся в его донесении. Спишем их на возбужденность после боя. Но не только это следует отметить. Сталин проявил дальновидность и понимание фактора времени, не дал мятежу разгореться. В такой ситуации так быстро овладеть мощными стационарными крепостными фортами надо было суметь. Гордость Сталина оправданна.

Мятеж мог повлечь непоправимые последствия для революционной республики в случае объединения сил мятежников с английской эскадрой. Но англичане так и не решились начать крупные операции, узнав о подавлении мятежа.

5 июля 1919 года Сталина назначают членом РВС Западного фронта. Он прибыл в штаб фронта в Смоленск и вскоре доложил Ленину: «Положение фронта под Минском пока неважное... Командарм никуда не годится, только портит дело».

А через некоторое время у Сталина возник конфликт и с членом РВС Западного фронта А.И. Окуловым. Это был тот самый Окулов, который приезжал под Царицын председателем комиссии по расследованию арестов военспецов. Сталин не пытался даже маскировать свою неприязнь и требовал отозвать Окулова.

Ленин был вынужден предупредить Сталина:

«...думаю, что Вы должны помочь Реввоенсовету фронта объединить все армии... Надо, чтобы конфликт с Окуловым не разросся. Обдумайте хорошенько, ибо просто отозвать его нельзя».

Но Сталин вновь не внял корректным просьбам Ленина, настойчиво добивался отстранения тех, кто ему мешал, и все же добился отзыва Окулова. Обстановка того требовала, а результат оправдывал и подтверждал правоту Сталина. Наступление противника было отбито. Западный фронт выстоял с теми, кого считал необходимым оставить Сталин.

27 сентября 1919 года Сталин назначается членом РВС уже Южного фронта, который действовал против войск Деникина. На этом фронте Сталин участвовал в весьма крупной, даже не операции, а целой военной кампании.

Еще до приезда Сталина на Южный фронт, для отражения опасности, нависшей от продвижения войск Деникина в центр страны, Главком Каменев, согласно плану Троцкого, разработанному в Москве, дал указание командующему Юго-Восточным фронтом Шорину нанести удар в направлении Царицын – Новороссийск, то есть выйти в тыл всей деникинской армии. Этот замысел с военной точки зрения был весьма эффективным, но явно не учитывал политическую ситуацию. Нанося удар от Волги к Новороссийску, красным войскам пришлось бы двигаться через донские просторы, заселенные враждебным, в большинстве мест, революции казачеством. Оно оказало бы яростное сопротивление, защищая свои земли, что могло сорвать успех наступления.

Новый командующий Южным фронтом Егоров и член Реввоенсовета Сталин не были согласны с этим планом и предложили свой вариант: наносить удар со стороны Воронежа на Харьков, Донбасс, Ростов, где ожидалась поддержка пролетарского населения, составляющего большинство в этих промышленных районах.

9 октября в 3 часа ночи командующий Южным фронтом Егоров получил от Главкомандующего Каменева директиву, в которой главком соглашался с новым планом и ставил задачу наступать и наносить главный удар вдоль Курской железной дороги, в направлении Донбасса, чем разъединить донскую армию и войска Деникина и разгромить их.

В этот же день, а точнее, в ту же ночь, 9 октября в 5 часов 25 минут, командующий фронтом издал свою директиву № 10726 оп, в которой поставил конкретные задачи соединениям во исполнение полученной директивы Главкома (и своего решения, принятого раньше и отправленного на утверждение Главкома).

Эту директиву подписали: командующий Егоров, члены РВС Южного фронта Сталин, Лашевич, наштабуж Пневский.

У меня на столе лежит книга «Разгром Деникина в 1919 году». Это капитальный исследовательский труд, изданный в 1931 году бывшим командующим Южным фронтом А.И. Егоровым. Здесь на 230 страницах детально, со схемами и точными цифрами, этап за этапом, день за днем анализируется подготовка и проведение операции по разгрому войск Деникина. В предисловии к этой книге приведена цитата из статьи Ворошилова, в которой есть такие слова:

«Ознакомившись с положением, товарищ Сталин немедленно принимает решение. Он категорически отвергает старый план, выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину в... записке».

Эти слова Ворошилова и «записка» впоследствии были возведены подхалимами в «гениальный план разгрома Деникина».

Я не случайно выше приводил не только дни, но даже часы издания документов. Из них видно: командующий Южным фронтом Егоров вместе со Сталиным, Лашевичем и начальником штаба Пневским спланировали операцию по разгрому Деникина и доложили свой план Главкому, который его утвердил. Директива Главкома Южному фронту поступила в 3 часа ночи 9. 10. 1919 г. Директива командующего фронтом войскам подписана в 5 часов 25 минут той же ночью. А «записка» Сталина была составлена 15 октября 1919 года! Сталин в ней излагал Ленину то же, что он, наверное, говорил при разработке плана в штабе Южного фронта. Возможно, высказывал эти мысли и в предварительных беседах с Егоровым. Но, как видим, «гениального плана Сталина» по разгрому Деникина не было. Однако суждения Сталина в стратегических и оперативных вопросах, изложенные в «записке», весьма и весьма компетентны и убедительно показывают возросший уровень военной грамотности Сталина. Вот полный текст этой «записки»:

Товарищ Ленин!

Месяца два назад Главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донской бассейн как основного. Если он все же не пошел на такой удар, то потому, что ссылаясь на «наследство», полученное в результате отступления южных войск летом, то есть на стихийно создавшуюся группировку войск в районе нынешнего Юго-Восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к большой трате времени, к выгоде Деникина. Только поэтому я не возражал против официально принятого направления удара. Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменилась в основе: VIII армия (основная на бывшем Южном фронте) передвинулась в район Южфронта и смотрит прямо на Донецкий бассейн; конкорпус Буденного (другая основная сила) передвинулся в район Южфронта; прибавилась новая сила – латдивизия, которая через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу.

Вы видите, что старой группировки («наследство») не стало. Что же заставляет Главкома (Ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно – фракционность, самая тупая и самая опасная для Республики фракционность, культивируемая в Главкоме «стратегическим» петушком Гусевым. На днях Главком дал Шорину директиву о наступлении с района Царицына на Новороссийск через донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уж невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предлагаемый) поход в среде, враждебной нам, в условиях абсолютного бездорожья – грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, то есть лишь усилить Деникина.

Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара из района Воронежа через Харьков – Донецкий бассейн на Ростов. Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот – симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, – линию Воронеж – Ростов (без этой линии казачье войско лишается на зиму снабжения, ибо река Дон, по которой снабжается донская армия, замерзнет, а Восточно-донецкая дорога Лихая – Царицын будет отрезана). В-третьих, с этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл. В-четвертых, мы получаем возможность посорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет, если, конечно, к тому времени поставим перед казаками вопрос о мире, о переговорах насчет мира и пр. В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля.

С принятием этого плана нельзя медлить, так как главкомовский план переброски и распределения полков грозит превратить наши последние успехи на Южном фронте в ничто. Я уже не говорю о том, что последнее решение ЦК и правительства – «Все для Южного фронта» – игнорируется Ставкой и фактически уже отменено ею.

Короче: старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, – это опасно для Республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктуют такую замену. Тогда и распределение полков пойдет по-новому.

Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте.

Ваш Сталин

Серпухов, 15 октября 1919 г.

Как видим, суждения Сталина грамотны, убедительны и полезны. Наверное, он их высказывал при разработке плана разгрома Деникина командованием и штабом Южного фронта. Но нельзя принимать этот документ за самостоятельный «гениальный план», он и по дате написания – 15 октября – отражает события постфактум: к этому дню войска Южного фронта уже неделю осуществляли предлагаемый в «записке» новый вариант наступления.

Ну а поскольку мы не хотим ни приукрашивать, ни чернить Сталина, кратко подведем итог: Сталин сыграл значительную роль в разгроме деникинской армии, проявил себя как политик и организатор, грамотно разбирающийся в стратегических вопросах. Он получил новый весомый опыт в проведении крупнейших армейских и фронтовых операций, в практическом руководстве боевыми действиями войсковых объединений в сложных условиях превосходства противника и очень неполного обеспечения своих войск. Сталин действительно участвовал в разработке нового, более рационального плана и успешно осуществил его вместе с другими руководителями Южного фронта.

Советско-польская война 1920 года

Деникин разгромлен, его войска понесли большие потери в боях и еще большие от разложения и дезертирства. Часть его военных сил отходила в Крым, где вливалась в армию барона Врангеля. 4 апреля 1920 года Деникин ушел в отставку, Главнокомандующим белой армии стал Врангель. При штабе были представители командования Англии, Франции, США, Японии. Антанта не отказалась от намерения уничтожить революционную республику, которая, как казалось, дестабилизировала капиталистический мир и грозила зажечь вселенский пожар: «Мы на гибель всем буржуйам мировой пожар раздуем!» Об этом не только пели, но почти все выступления коммунистов заканчивались призывом: «Да здравствует мировая революция!» Ленин в речи на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде сказал: «...мы подходим к последней, решительной битве, не за русскую, а международную социалистическую революцию!»

Троцкий писал: «Что война... закончится рабочей революцией в Польше, в этом не может быть никакого сомнения, но в то же время нет никаких оснований полагать, что война начнется с такой революции...» То есть надо было начинать войну против Польши, чтобы там началась и победила рабочая революция. Замысел рассчитывался более глобально: Польша представлялась Троцкому запалом революции во всей Европе. В Германии, Австро-Венгрии, Франции уже всюду разгоралось пролетарское движение.

Летом 1920 года, потерпев поражение на Украине и в Белоруссии, польские войска отходили на запад. 20 июля Главком Каменев и председатель Реввоенсовета Троцкий дали указание начать наступление на Варшаву по сходящимся направлениям – Западному фронту, которым командовал Тухачевский, и Юго-Западному под командованием Егорова, где членом Военного совета был Сталин.

Выполняя эту директиву, Юго-Западный фронт перешел в наступление, освободил Киев и вышел к Львову.

Западный фронт Тухачевского достиг подступов к Варшаве, но дальше произошла катастрофа.

Оппоненты Сталина пишут об этом очень пространно и доказывают, что Сталин был главным виновником поражения в том периоде советско-польской войны.

Вот цитата из книги Троцкого «Сталин»:

«К решающему моменту операционная линия Юго-Западного фронта разошлась с операционной линией главного Западного фронта под прямым углом. В то же время, как фронт Тухачевского приближался к Варшаве, Юго-Западный фронт, в состав которого входил Сталин, двигался на Лемберг. Сталин вел свою собственную войну, он хотел во что бы то ни стало войти во Львов, в то время как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву. Когда предстоящий контрудар под Варшавой окончательно выяснился, главное командование приказало Егорову, командующему Юго-Западным фронтом: круто переменить направление, чтобы ударить во фланг польских войск под Варшавой и поддержать Тухачевского с фланга. Но Юго-Западное командование, поощряемое Сталиным, продолжало двигаться на запад: разве не более важно самим завладеть Львовом, чем «другим» взять Варшаву? В течение трех или четырех дней ставка не могла добиться исполнения приказа. Только в результате повторных приказов и угроз Юго-Западное командование переменило направление. Но несколько дней запоздания сыграли роковую роль».

Кто же прав? Чтобы установить истину, придется нам самим восстановить обстановку и ход событий, для чего вернемся к началу советско-польской войны.

Польша осталась последним плацдармом для очередной интервенции Антанты. В качестве вознаграждения польским шовинистам были обещаны обширные советские территории, что отвечало их извечному стремлению создать «великую Польшу от моря до моря». С конца 1919 года Антанта начала подготовку польской армии к большому наступлению на Советскую страну.

Помощь Антанты позволила польскому правительству создать к весне 1920 года армию численностью 738 тысяч человек. Боевой подготовкой польской армии занимались французские инструкторы. План польского наступления на Россию разрабатывался по указаниям французского маршала Фоша и под непосредственным руководством главы французской миссии в Варшаве генерала Анри. 25 апреля польские войска, обладавшие пятикратным превосходством против советских войск на Юго-Западном фронте, начали наступление вместе с петлюровцами. 26 апреля они захватили Житомир и Коростень, 6 мая – Киев и вышли на левый берег Днепра. Однако разбить 12-ю армию противнику не удалось. В середине мая фронт стабилизировался на линии южнее Киева – Ямполь.

24 июля Красная Армия перешла в контрнаступление, провела несколько успешных операций, освободила Украину и Белоруссию и вступила на польскую территорию.

Вот на этом наступательном подъеме и было решено провести Варшавскую операцию, разгромить польскую армию и «принести на штыках революцию в Европу».

Даже не будучи стратегами, читатели без труда увидят, что после затяжных боев (Киевская, Новгород-Волынская, Ровенская и другие операции) Красная Армия понесла большие потери, силы многих частей иссякли, тылы растянулись на огромные пространства, продовольствие и боеприпасы закончились. За короткое время восстановить все это было невозможно.

В общем, реальных сил для осуществления Варшавской операции не хватало. «Классовый фактор», «пролетарская солидарность» не сработали, польские пролетарии взялись за оружие и – пошли бить «русских захватчиков». Операция была обречена на провал из-за неправильной оценки обстановки и сил противника Троцким, Каменевым и Тухачевским.

Председатель Реввоенсовета Троцкий, желая увенчать лаврами будущего победителя, своего выдвиженца Тухачевского (да и свои собственные заслуги были бы очевидны!), убедил Ленина и Главнокомандующего Каменева в необходимости ликвидировать Юго-Западный фронт (Егоров, Сталин) и передать его войска Западному (Тухачевский), чтобы он самостоятельно завершил разгром польской армии. Без труда проглядывается желание Троцкого избавиться от Сталина, с которым у него постоянные конфликты, лишить его заслуг, которые возникнут в результате победы в советско-польской войне и продвижения революции на Запад.

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение объединить все армии, действовавшие против Польши, в составе Западного фронта (командующий М. Тухачевский). Одновременно было решено создать самостоятельный Южный фронт. Сталину было предложено сформировать РВС нового фронта, о чем Ленин сообщил ему телеграммой:

«Спешно. Шифром. Сталину. Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, а внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение».

Одновременно Главком С. С. Каменев, на основании директивы ЦК, предложил передать Первую конную армию и 12-ю армию Юго-Западного фронта в распоряжение командования Западного фронта, чтобы укрепить войска Тухачевского на главном Варшавском направлении.

Нетрудно понять состояние Сталина: вот-вот будет взят Львов, так много вложено сил в почти достигнутую победу, и вдруг все насмарку. Сталин, минуя служебные инстанции –

Главкома Каменева и Председателя Реввоенсовета Троцкого, обращается прямо к Ленину. В его телеграмме видна обида за то, что не оценены заслуги не только его, Сталина, но и всего фронта, дело до конца не доведено, а уже идет разговор о мире с Польшей. «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте максимум еще две недели, нужен отдых, поищите заместителя. Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов».

Ленин не стал отговаривать Сталина от возможной его замены и просил подобрать заместителя. А Каменев и Троцкий подтвердили свое прежнее решение: «Западный фронт приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения варшавским районом. Ввиду этого теперь же приходится временно отказаться от немедленного овладения на вашем фронте львовским районом».

Но Сталин и Егоров не вняли и этому приказу. Напротив, они отдали приказ Первой конной армии «в самый кратчайший срок мощным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов».

Выполнить этот приказ Первая конная не смогла.

А Западный фронт Тухачевского к этому времени полностью израсходовал все свои силы, иссякли боеприпасы и продовольствие, тылы отстали, фронт растянулся и представлял собой нечто рыхлое и плохо управляемое.

Польское командование, напротив, сжало как пружину свои отступающие части. Антанта помогла им вооружением и техникой. Была проведена дополнительная мобилизация, она дала пополнение. В стране была развернута широкая и энергичная шовинистская пропаганда – защита от «русских поработителей» затмила классовые и пролетарские идеи.

Контрудар польских армий был настолько силен, что фронт Тухачевского буквально развалился. Опрокинутые войска спасались бегством, две армии отошли в Пруссию, где были интернированы.

Анализируя источники неудачи, В.И. Ленин говорил, что «когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватало сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил».

Одной из причин поражения Западного фронта Троцкий и Тухачевский считали невыполнение Егоровым и Сталиным приказа о передаче Первой конной и 12-й армий для удара во фланг польским частям, теснившим войска Тухачевского, но справедливости ради следует напомнить, что Первая конная армия находилась в 300 километрах от уже отступающих частей Западного фронта и не могла успеть им на выручку, к тому же и сами конники увязли в безуспешных боях под Львовом.

Ссылки Сталина на усталость и нездоровье были обоснованны, нервное напряжение в боях сочеталось с предельным физическим переутомлением: Юго-Западный фронт был развернут на огромной территории и фактически состоял из двух фронтов – один против Польши, второй на юге, против Врангеля. Сталин буквально разрывался между этими двумя фронтами.

В дни поражения фронта Тухачевского армия Врангеля, выйдя из Крыма, уже овладела большой территорией и готовилась к захвату Донбасса и соединению с восставшими казаками на Дону и Кубани.

Сталин уделял большое внимание Крымскому фронту. Он неоднократно выезжал на ответственные участки врангелевского фронта и проводил там работу. С 24 июня по 3 июля

он находился в Синельниково. С 7 по 11 июля – в Москве, на совещании с Главкомом, начальником полевого штаба у заместителя председателя Реввоенсовета республики по вопросу о переброске подкреплений на Крымский участок Юго-Западного фронта. 14 июля он выезжает на станцию Волноваха, расположенную на левом фланге Крымского фронта. Через день (16 июля) посещает Мариуполь, где знакомится с состоянием Азовского флота. Два раза – 19 и 31 июля – Сталин выезжает на станцию Лозовая, где шли тяжелые бои. С 9 по 14 августа совершает поездку по Крымскому участку Юго-Западного фронта.

Обратите внимание на даты – они совпадают с днями напряженных боев на Западе, и еще представьте, какие большие расстояния приходилось преодолевать Сталину за короткое время (а самолетами тогда не летали).

Одним из очень важных дел, осуществленных во время этих поездок, было создание Второй конной армии, которая сыграла большую роль в дальнейших боях. Заслуга в этом Сталина очевидна.

Сталин отстоял командующего Юго-Западным фронтом Егорова, которого Троцкий намеревался заменить своим ставленником.

«Москва, ЦК РКП, Троцкому.

Решительно возражаю против замены Егорова Уборевичем, который еще не созрел для такого поста, или Корком, который как комфронта не подходит. Крым проморгали Егоров и Главком вместе, ибо Главком был в Харькове за две недели до наступления Врангеля и уехал в Москву, не заметив разложения Крымской армии. Если уж так необходимо наказать кого-либо, нужно наказать обоих. Я считаю, что лучшего, чем Егоров, нам сейчас не найти. Следовало бы заменить Главкома, который мечется между крайним оптимизмом и крайним пессимизмом, путается в ногах и путает комфронта, не умея дать ничего положительного.

Сталин».

14 июня 1920 г.

Как видим, авторитет Сталина в те дни был достаточно высок, он считает возможным высказать свое предложение даже о замене Главкома.

После катастрофы у Тухачевского на Западном фронте Сталин получил из Секретариата ЦК телеграмму:

«Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что... необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву».

17 августа Сталин выехал в Москву. Беседы в ЦК, видимо, были для него неблагоприятны, и он подал просьбу об освобождении от военной работы.

На этот раз Ленин не поддержал Сталина, на IX партийной конференции он взял под защиту действия Главкома и Троцкого, а поведение Сталина осудил.

Но неприятный эпизод на польском фронте не поколебал авторитета Сталина. Ленин продолжал высоко ценить его энергию и твердость. Приведу только несколько документов.

Телеграмма И.В. Сталину в Баку 29 октября 1920 года: «...Антанта пойдет в Баку. Обдумайте и приготовьте спешно меры по укреплению подступов к Баку с суши и с моря, подвоза тяжелой артиллерии и прочее. Сообщите Ваше мнение».

Телеграмма Сталину в Баку 13 ноября 1920 года: «Как идет борьба с бандами?.. Считаете ли возможным мирное улаживание отношений с Грузией и Арменией и на какой основе?.. Ведутся ли вполне серьезно работы по укреплению подходов к Баку? Прошу также сообщить о Турции и Персии».

Сталин сообщал Ленину об успешной борьбе с контрреволюцией, о происках грузинских меньшевиков и армянских дашнаков, просил подкреплений. В ноябре он говорит с Лениным по прямому проводу, дает ему ответы на вопросы о положении в Закавказье, Персии, Турции, об активности англичан, зарившихся на нефтяные богатства Азербайджана, снова просит подкреплений. Вот какую записку направил Ленин Троцкому относительно этой просьбы: «т. Троцкий! Распорядитесь, пожалуйста, тотчас усилить и ускорить переброску...» Сталину же он советует немедленно внести конкретные предложения для рассмотрения в Политбюро, ускорить приезд в Москву.

Готовится чистка учреждений, как московских, так и местных, Ленин дает указание: «решим это после приезда Сталина».

Из письма Ленина Молотову 1 сентября 1921 года: «Надо все эти вопросы... быстро решить в Политбюро... Надеюсь, вы втроем (Молотов + Каменев + Сталин) сойдетесь и решите». Надо подготовить постановление VIII Всероссийского съезда Советов «О советском правительстве».

Ленин высоко ценил Сталина как хорошего работника и единомышленника, заботился о нем, беспокоился даже о его личных нуждах.

Телеграмма Г.К. Орджоникидзе в Тифлис, 4 июля 1921 года: «Удивлен, что Вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы еще отдохнуть не меньше 4 или 6 недель...»

Телеграмма Г.К. Орджоникидзе, 17 июля 1921 года: «Первое: прошу сообщить как здоровье Сталина и заключение врачей об этом».

Телеграмма А.С. Енукидзе в ноябре 1921 года: «т. Енукидзе! Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, намеченной Сталину?...»

А.С. Енукидзе, 13 февраля 1922 года: «... квартира Сталина. Когда же? Вот волокита!»

Подведем итог участия Сталина в гражданской войне. Без всякой натяжки и преувеличения его заслуг отметим: во многих крупных операциях он правильно оценивал обстановку, решительно влияя на ход боевых действий, которые завершались успешно.

Что касается преувеличений или желания опорочить деятельность Сталина в годы гражданской войны, то эти инсинуации оставим на совести других авторов, а с течением времени, как это часто бывало и раньше, ветер истории отсеет зерна от плевел.

Сталин – наследник Ленина

30 декабря 1922 года Ленин, несмотря на запрет врачей, начал диктовать дежурному секретарю заметки «К вопросу о национальностях или об «автономизации».

В дальнейшем урывками диктовал он свое выступление на предстоявшем весной 1923 года XII съезде партии. Все это впоследствии было объединено под названием «Письмо к съезду». Поскольку в этих заметках Ленин высказывал оценки ближайших соратников и размышлял о том, кто бы мог его заменить, заметки называли «Завещанием».

Ленин особенно точно и глубоко оценил Сталина как личность, когда встал вопрос о замене руководителя партии и государства. Покушение на Ленина, его болезнь вынудили подумать о преемнике.

Почему Ленин, выбирая кандидата на пост Генсека ЦК, остановился на кандидатуре Сталина?

Прежде всего следует отметить, что к 1922 году его ближайшими соратниками были члены Политбюро ЦК: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин. Они проявили максимум энергии и способностей в первые дни советской власти, в годы гражданской войны и в наступивший послевоенный период.

Из членов Политбюро на первый план в качестве преемника Ленина выходил Троцкий. Он занимал пост председателя Реввоенсовета республики, ведал военными вопросами на протяжении всей гражданской войны, в партии имел ореол выдающегося революционера, «красного Наполеона», а в армии у него было много своих соратников и выдвиженцев.

Но Ленин хорошо знал всю предреволюционную деятельность меньшевика-центриста Троцкого, лавирующего между большевиками и их противниками. И к тому же имеющего свою очень амбициозную линию.

Ленин писал о Троцком, что «он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Между тем Троцкий открыто рвался к власти. Поэтому, несмотря на его высокую активность и большие способности, умение показать себя и блеснуть звонкими фразами, Ленин не мог рекомендовать Троцкого в качестве своего преемника. Да и личные отношения между Троцким и Лениным никогда не были близкими и товарищескими. Об этом говорит такой факт: когда Ленин умер, Троцкий находился в Сухуми на отдыхе. Несмотря на то, что похороны Ленина состоялись 27 января, т. е. через 5 дней после смерти, Троцкий так и не приехал в Москву, чтобы отдать последние почести вождю партии. Ничего, кроме своей неприязни к Ленину, он этим не показал.

У Троцкого не было товарищеских отношений и со Сталиным. Эти два человека неоднократно сталкивались между собой, вместо совместной работы ставили вопрос о невмешательстве в дела друг друга.

Когда на Восточном фронте возникла катастрофическая ситуация со сдачей Перми, наводить порядок туда поехали Сталин и Дзержинский, а Троцкий, ответственный за провал на фронте, был отстранен. Когда осложнилась обстановка на Южном фронте в борьбе с Деникиным, туда был направлен Сталин и другие члены ЦК, и опять поставлен вопрос о том, чтобы Троцкий, как председатель РВС республики не вмешивался в дела Южного фронта.

По всему видно, что Сталин и Троцкий не терпели друг друга. Скрытая борьба между ними шла постоянно, но Лениным смягчалась, порой подавлялась и поэтому не получала крайнего обострения. Ленин не случайно писал: «...думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения (соображений чисто личного свойства) являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности

того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК от 50 до 100 человек...»

Наиболее близким к Ленину по своей революционной деятельности был Зиновьев. Об этом говорил и сам Ленин. Но когда Зиновьев вместе с Каменевым выдал буржуазии подготовку вооруженного восстания в 1917 году, Ленин прямо заявил, что товарищами их больше не считает.

Зиновьев, так же как и Троцкий, претендовал на роль вождя партии. До революции ставил себя рядом, наравне с Лениным, а когда в 1919 году был избран председателем Исполкома Коминтерна, то неоднократно пытался показать себя вождем в мировом масштабе. Давал Ленину разные поручения Исполкома Коминтерна и подчеркивал свою независимость, противопоставляя себя партии.

Что касается Каменева, то Ленин считал, что и этот претендент, несмотря на свои незаурядные способности и организаторский талант, на высший пост в партии не подходит. В острый момент борьбы может поступиться своими принципами, заколебаться и стать штрейкбрехером. «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, – писал Ленин, – конечно, не является случайностью».

После революции Каменев снова вошел в доверие, Ленин в последние годы своей работы поручал ему ряд ответственных заданий. Однако это был человек, однажды уже запятнавший себя, поэтому Ленин не мог доверить ему продолжить свое дело.

Таким образом, среди членов Политбюро не было человека, кроме Сталина, на которого Ленин мог бы положиться и передать ему роль вождя партии. Были молодые члены ЦК партии, выделявшиеся своими способностями и энергией, но их Ленин не рассматривал как своих преемников, оставляя для них эту возможность в будущем. В «Письме к съезду» он продиктовал:

«Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо иметь в виду следующее: Бухарин ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большими сомнениями могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал диалектики).

Затем Пятаков – человек, несомненно, выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить своей «односторонности»...

Такие суждения, возможно, объяснялись довольно узким составом членов ЦК (всего полтора десятка), которые окружали Ленина. Малочисленность ЦК являлась одной из слабых сторон тогдашнего партийного руководства. Несколько позже Ленин отмечал эту слабость, даже предлагал увеличить состав ЦК до 100 человек, а ЦКК – до нескольких сотен, но это было уже в 1922 году, когда Ленин был прикован к постели и не мог оказать должного влияния на подбор и расстановку кадров.

Ленин стремился обеспечить преемственность своего дела и незыблемость революционных идей коммунизма, оградить свое учение от извращений и ревизии. А прямая угроза этому исходила прежде всего со стороны Троцкого и недалеко отставших от него Каменева, Зиновьева, Бухарина.

На роль преемника более других подходил Сталин, который никогда не выступал со своими теориями, соблюдал верность идеям Ленина, твердо следовал за ним и, если допускал ошибки, то быстро исправлял, не усугубляя их. Можно было надеяться, что он не свернет с революционного ленинского пути.

В лице Сталина Ленин видел человека, который может постоять за себя и не уступит ни Троцкому, ни Зиновьеву и Каменеву в борьбе за власть. Ленин считал Сталина «вернейшим и деятельнейшим революционером», смелым и решительным человеком. Сталин обладал природным умом, хорошей памятью и твердой волей, организаторским талантом и большой энергией. Но...

22 декабря произошла ссора Крупской со Сталиным. Сталин был ответственным, по поручению Политбюро, за соблюдение режима лечения Ленина. Обнаружив, что Крупская, вопреки запрещению врачей, позволяет Ленину диктовать, Сталин сделал ей замечание. Она ответила ему довольно резко. Сталин напомнил, что она не только жена, но и коммунист, за нарушение дисциплины ее могут привлечь к ответственности в Контрольной комиссии.

По рассказу сестры Ленина Марии Ильиничны, Крупская так обиделась на Сталина, что дома впала в истерику, «рыдала, каталась по полу».

На следующий день Крупская написала письмо Каменеву:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей. Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и, во всяком случае, лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву), как более близким товарищам В.И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

5 марта Крупская рассказала Ленину о размолвке со Сталиным.

Ленин тут же продиктовал письмо с грифом «строго секретно», в копиях Каменеву и Зиновьеву.

«Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться, или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением, Ленин».

За два месяца после инцидента у Крупской, наверное, утихла обида, и она, опасаясь разрыва Ленина со Сталиным, попросила секретаря Володичеву не отправлять это письмо адресату. Но секретарь не захотела нарушать просьбу Ленина и отправила письмо Сталину.

Сталин еще 1 февраля 1923 года обратился к Политбюро с просьбой освободить его от полномочий «по наблюдению за исполнением режима, установленного врачами для т. Ленина». Получив грозное послание Ильича, Сталин 7 марта продиктовал ответ. Он объяснял, что произошло недоразумение, что, если нужно, может взять назад сказанные слова, но не понимает, «в чем тут дело, где моя вина и чего, собственно, от меня хотят».

Ленин не прочитал ответа Сталина, было не до того, болезнь обострилась. Она дошла до такой степени, что Владимир Ильич просил, чтобы прекратили его невыносимые страдания и дали ему цианистый калий.

23 марта 1923 года Сталин написал обращение в Политбюро:

«Строго секретно.

Членам Пол. Бюро

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что Вл. Ильич «переживает неимоверные страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина»), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

И. Сталин».

21 марта 1923 г.

Ниже приводится реакция членов Политбюро на записку:

«Читал. Полагаю, что «нерешительность» Сталина – правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.).

Томский. Читал: Г. Зиновьев. Молотов. Читал: Н. Бухарин. Троцкий. Л. Каменев».

По-видимому, в этот же день Сталин пишет:

«Строго секретно.

Зин., Каменеву.

Только что вызывала Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном» состоянии и требует цианистого калия, обязательно. Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Сталин».

«Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды – как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!

Г. Зиновьев. Л. Каменев».

Ленин, как известно, скончался 24 января 1924 года. О причинах его смерти существуют официальные медицинские заключения.

Но Троцкий, еще раз подтвердив свою натуру авантюриста, ослепленный злобой к Сталину, в октябре 1940 года, исказив вышеописанный эпизод, написал статью в американский журнал «Лайф», в которой заявлял, что Сталин «ускорил конец вождя», намекая на отравление. Даже далеко не дружественный к СССР «Лайф» отказался печатать эту «утку» «за неимением неоспоримых фактов». Отказались это печатать и другие солидные американские жур-

налы. Но Троцкий все же опубликовал свой вымысел в малоизвестном журнальчике «Либерти» в августе 1940 года.

В угаре разоблачительства Троцкий передергивает факты, заявляя: «Замечательно, что об обращении к нему Ленина Сталин не предупредил ни Крупскую, ни сестру Ленина Марию. Обе они бодрствовали у изголовья больного. Если Ленин действительно обратился к Сталину и если он действительно хотел предупредить выполнение просьбы больного, то, прежде всего, предупредил бы жену и сестру. На самом деле обе они узнали об этом эпизоде только после смерти Ленина». (Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2, с. 256–257).

Как мы видели, необычную просьбу Ленина Сталину передала именно Н.К. Крупская. Ложь Троцкого очевидна.

Сталин не только сделал все возможное для лечения Ленина, он и после кончины вождя приложил все силы для сохранения доброй памяти о нем. Именно Сталин предложил сберечь облик Ленина в том виде, в каком люди видели его в Мавзолее.

На узком заседании Политбюро, когда встал вопрос о захоронении Ленина, мнения разделились. Сталин был категорически против кремации.

– Нужно забальзамировать тело Ленина. Существуют на сей счет новейшие методы, таким образом, сохранить Ленина на многие годы. Это не противоречит и старым русским обычаям. Поместить его в специально оборудованный склеп.

Тут же стал горячо возражать Троцкий, так много сил приложивший к истреблению русской церкви и веры:

– Бальзамировать останки Ленина – это значит под коммунистическим флагом воскресить практику русской православной церкви поклонения мощам святых угодников!

– Делать из Ленина мумию – значит оскорблять его память, – поддержал Бухарин, – это противоречит его материалистическому мировоззрению.

Каменев предложил:

– Я думаю, если мы издадим собрание сочинений миллионными тиражами, это будет достойно закреплять о нем память. Я против бальзамирования, это отголосок поповства.

Конкретное решение не было принято, отложили до съезда.

26 января на II Всероссийском съезде Советов Сталин от имени партии дал широко известную клятву верности Ленину из семи заветов. Свою речь Сталин завершил словами:

«Вы видели за эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира».

Съезд принял предложение Сталина – переименовать Петроград в Ленинград и соорудить для будущих потомков Мавзолей на Красной площади в Москве, поместив в нем Ленина, а также поставить памятники в столицах союзных республик, в Ленинграде и Ташкенте.

Незадолго до смерти Ленин увидел, что он, судя по всему, ошибся в оценке достоинств и недостатков Сталина. Сыграла пагубную роль Крупская своей размолвкой со Сталиным и жалобой на него Ленину. Под впечатлением этой жалобы Ленин написал «добавление к письму от 24 сентября 1922 года», в котором предложил освободить Сталина от должности Генерального секретаря и назначить вместо него другого человека.

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между ними, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на его место дру-

того человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом – более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д...».

Предлагая заменить Сталина, Ленин не указал другого кандидата, и, когда полный текст «Письма к съезду» в мае 1924 года был доведен до делегатов XIII съезда партии, ленинское предложение не было принято.

Письмо обсуждалось по делегациям, а не на заседании. Делегаты съезда понимали, что главный вопрос состоял в том, чтобы не допустить к власти Троцкого, который еще при жизни Ленина объявил поход против ленинского ЦК, обвинив ленинскую гвардию в перерождении.

Кто мог противостоять Троцкому? Только человек с железной волей, непримиримым характером и верный ленинизму. В то время Сталин был именно таким. Другого такого человека в составе ЦК не было. Советы Ленина являлись священными для каждого члена партии, но делегаты съезда, учитывая обстановку в стране и в партии, оставили Сталина Генеральным секретарем.

После кончины Ленина, как он и предвидел, началась ожесточенная борьба внутри партии, между правыми и левыми. Главный удар оппозиционеры наносили по руководящей группе ЦК, возглавляемой Сталиным.

После XII и XIV съездов партии на пленумах ЦК Сталин дважды ставил вопрос об освобождении его от должности Генсека, но большинство членов ЦК с этим не соглашалось и его вновь избирали Генсеком. Атакам троцкистов и зиновьевцев, рвавшимся к власти, нужно было противопоставить твердую волю Сталина.

Главный оппонент. (Начало биографии)

В дальнейшем повествовании придется уделить много внимания Троцкому, основному противнику Сталина в борьбе за власть. Поэтому как в начале книги я касался биографии Сталина, так теперь считаю необходимым рассказать вкратце о его главном оппоненте.

Лейба Давидович Бронштейн родился в 1879 году в семье земельного арендатора в деревне Яновка Херсонской губернии, на Украине. Получил среднее образование – учился в Одессе и Николаеве. Одаренный от природы юноша, с блестящей памятью и ораторскими способностями, мечтал стать литератором и поэтому искал сближения с богемствующей одесской средой. Ходил он в те годы в голубой блузе, модной соломенной шляпе и с тросточкой. Читать революционную литературу, рассуждать о свободе и народе тогда было модно, увлекался этим и Лева, за что, с группой других занимавшихся революционным делом, в январе 1898 года (в 17 лет) был арестован. Склонность к саморекламе и авантюризму проявилась уже тогда: Лева затеял свадьбу в Бутырской тюрьме, с религиозной процедурой и раввином. Женился он на Александре Соколовской, которая затем последовала с ним в ссылку. Там в течение шести лет она родила двоих детей. Однако Лева, с его широкой деятельной натурой, жить в ссылке не хотел, он сбежал – оставил жену, детей и уехал за границу.

Во Франции Лев Давидович сблизился с богачами-сионистами. Энергичный, умный, красноречивый, он очень понравился своими выступлениями в кругу закулисных политико-махеров, они сделали на него ставку.

Лева опять женился, теперь на дочери миллионера Животовского, который в компании с банкирами Варбургом, Шиффом финансировал революционное брожение в России.

Чтобы не быть голословным, приведу рассказ одного из самых близких единомышленников Троцкого в те годы и позже – Раковского:

«Я во всем этом лично принимал участие. Но я вам скажу еще больше. Знаете ли вы, кто финансировал Октябрьскую революцию? Ее финансировали «Они» (под «Они» Раковский имеет в виду лидеров сионизма. – В.К.), в частности, через тех же самых банкиров, которые финансировали революцию в 1905 году, а именно Якова Шиффа и братьев Варбургов: это значит, через великое банковское созвездие, через один из пяти банков – членов Федерального Резерва – через банк «Кун, Леб и К°», здесь же принимали участие и другие американские и европейские банкиры, как Гуггенгейм, Хенауэр, Брайтунг, Ашберг, «Ниа-Банкен» – это из Стокгольма. Я был там, в Стокгольме, и принимал участие в перемещении фондов. Пока не прибыл Троцкий, я был единственным человеком, который выступал посредником с революционной стороны...

...Как и почему возвышается неведомый Троцкий, одним взмахом приобретающий власть более высокую, чем та, которую имели самые старые и влиятельные революционеры? Очень просто, он женится. Вместе с ним прибывает в Россию его жена – Седова. Знаете вы, кто она такая? Она дочь Животовского, объединенного с банкирами Варбургами, компаньонами и родственниками Якова Шиффа, то есть той финансовой группы, которая, как я говорил, финансировала также революцию 1905 года. Здесь причина, почему Троцкий одним махом становится во главе революционного списка. И тут же вы имеете ключ к его настоящей личности».

Финансовые покровители, как только получили информацию в 1905 году о назревшем революционном взрыве в России, запустили туда Троцкого и дали команду своей сионистской «пятой колонне» поддержать его и подчиняться ему.

Троцкий в книге «Моя жизнь» несколько иначе объясняет эту ситуацию:

«Я приехал в Россию в феврале 1905 года. Другие главари эмиграции вернулись лишь в октябре и ноябре. Среди русских товарищей не было ни одного, у кого бы я мог чему-нибудь поучиться. Напротив, мне пришлось самому взять на себя роль учителя... события 1905 года выявили во мне, как мне кажется... революционную интуицию, и на протяжении моей дальнейшей жизни я мог опираться на ее твердую помощь... Со всей ответственностью заявляю, что в анализе политического положения в целом и его революционных перспектив я не могу обвинить себя в каких-либо серьезных ошибках суждения».

Как говорят шутники – такой человек не умрет от скромности. Но это слова самого Троцкого, и нет смысла опровергать его высокомерную самохарактеристику.

После поражения революции 1905 года, в которой Троцкий был председателем появившегося тогда Петроградского совета, он эмигрировал за границу. Здесь его покровители проанализировали создавшееся положение. «Они» пришли к выводу: продолжать поддержку Троцкого как руководителя революционного движения и всячески компрометировать его главного конкурента Ленина.

Троцкому организовали, для повышения его популярности, поездки и выступления по всей Европе, с целью привлечения сторонников из числа социалистов, меньшевиков, эсеров и всех левачки настроенных элементов. «Они» готовили своего вождя для будущей революции и щедро финансировали штаб и деятельность Троцкого.

Все выступления Троцкого, устные и печатные, до его возвращения в Россию проходили в полемике с Лениным в теоретических и практических вопросах, касающихся революционного движения. Лев Давидович постоянно затевал дискуссии, в которых всегда был против Ленина и большевиков.

Вот как писал Троцкий о Ленине в 1913 году: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения». «Ленин – профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении».

В 1916 году шла война, и выступления Троцкого, как пораженца, являлись криминальными, поэтому его высылают из Франции – союзника России. «Хозяева» решили воспользоваться этим и показали своего «избранника» американским коллегам. Троцкий и там понравился, он начинает издавать газету «Новый мир». На чьи деньги? Разумеется, на деньги своих соплеменников-банкиров.

Кстати, в Нью-Йорке оказался тогда и стал сотрудничать с Троцким еще один антиленинец – Бухарин. В Америке Троцкий и Бухарин работали до Февральской революции, свершившейся в России, после чего «Они» сразу же дали команду Троцкому немедленно направляться в Россию и брать руководство революцией в свои руки с целью реализации сионистских замыслов.

На пути произошел казус – Троцкого арестовали в Канаде. Немедленно «Они» предприняли меры, и Троцкий был освобожден по личной просьбе премьер-министра Временного правительства Керенского. Это убедительно показывает, что хозяевами последнего и первого были одни и те же люди.

В Петербурге Троцкий начинает создавать свою партию из прибывших с ним «эмигрантов» и различных левачких групп. Но вскоре, убедившись, что революционная ситуация под контролем большевиков, Лев Давидович забывает о своих многолетних разногласиях с Лениным и подает заявление о вступлении в РКП(б).

Ленин стремился объединить в единый фронт все партии и политические группы в борьбе за создание Советского правительства. Троцкого поддержали многочисленные единомышленники по взглядам (и по крови!), его не только приняли в партию, но даже ввели в ЦК!

Очень любопытно, предельно откровенно по этому поводу показание Раковского: «Троцкий имеет возможность «неприметным образом» оккупировать весь государственный аппарат. Что за странная слепота! Вот это-то и есть реальность в столь воспеваемой Октябрьской революции. Большевики взяли то, что «Они» им вручили».

Ну а дальше энергичный, красноречивый, нахрапистый, самолюбивый, не останавливающийся ни перед чем Троцкий начал делать головокружительную карьеру (опять-таки при поддержке своих единокровных братьев – об этом нельзя забывать). Он быстро стал председателем Реввоенсовета, по сути верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами республики. Не будем разбирать боевые действия фронтов в годы гражданской войны, были у Троцкого и победы и поражения. В целом молодая Советская республика выстояла, отбилась от многочисленных внешних и внутренних врагов, и в этом, несомненно, была заслуга и Льва Давидовича Троцкого.

Он был блестящий оратор, очевидцы свидетельствуют, что Троцкий своим сочным громким голосом, с великолепной дикцией, зажигательным темпераментом и неотразимой революционной логикой, буквально завораживал, гипнотизировал слушателей. И даже те, кто несколько минут назад были настроены против него, перевоплощались под влиянием его речи и готовы были идти за ним в огонь и воду.

«Свои» боготворили его, да и как не боготворить, когда он в порыве откровенности, в митинговом запале, выкрикивал такие слова в адрес царской России:

«Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, – о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию – офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!»

Не Jakobсона ли имел в виду Троцкий, когда любовался, как лихо расстреливают офицеров «сынки часовых дел мастеров»? Именно Jakobсон ни за что расстрелял бывшего блестящего офицера, гениального русского поэта Николая Гумилева. Jakobсон приговорил Гумилева к смерти лично, являясь даже не судьей, а следователем. Он не установил за четыре коротких допроса никакой вины Гумилева, но написал: «Заключение:... Считаю необходимым применить по отношению к гр. Гумилеву Николаю Станиславовичу (очень спешил Jakobсон, даже отчество спутал: вместо Степановича сделал Станиславовичем. – В.К.), как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции, высшую меру наказания – расстрел».

И Гумилев был расстрелян.

Семья Меньшиковых уехала на Валдай из Петербурга, подальше от «кровавой бани» в столице, но в провинции и вообще по всей России «сынки одесских часовщиков» правили кровавый бал Троцкого.

Считаю необходимым напомнить читателям (молодым и пожилым), кто был Меньшиков. Вот что напечатано о нем в дореволюционном издании энциклопедии Брокгауза и Ефрона:

«Меньшиков Михаил Осипович – известный публицист и гидрограф. Родился в 1859 г., кончил курс в морском техническом училище. Писать начал в 1879 г., поместив в «Голосе», «СПб. Вед.» и «Кронш. Вестн.» ряд очерков заграничного плавания по Атлантическому океану и Средиземному морю на фрегате «Князь Пожарский» (вышли отдельной книгой: «По портам Европы», 1879). По гидрографии Меньшикову принадлежат два оригинальных труда: «Руко-

водство к чтению морских карт» (СПб, 1891), часть которого, «Отдел русских карт», переведена на французский язык для употребления во французском флоте (П., 1892).

Как сотрудник «Недели», Меньшиков выдвинулся рядом талантливых литературно-публицистических статей, между которыми особенно обращают на себя внимание «Думы о счастье». Меньшикова занимают по преимуществу вопросы нравственности. Счастье достижимо только тогда, когда человек, ведя простой образ жизни, по возможности у земли, и стремясь к самоусовершенствованию, познает главную задачу человеческого существования – великий завет любить ближнего. Любовь – единственное животворящее и зиждущее начало даже в неорганической природе, в которой организующую роль играют на катаклизмы и перевороты, а взаимное притяжение. Из вопросов государственной жизни Меньшиков живо интересуется только веротерпимостью и народным образованием. Лучшая сторона статей Меньшикова – глубоко искреннее стремление автора познать истину и выработать миросозерцание, достойное нравственно-чуткого человека».

Далее привожу очень сокращенно воспоминания жены Меньшикова «Как убили моего мужа в г. Валдае Новгородской губернии». (М.О. Меньшикова арестован неизвестно за что комиссар и председатель местного суда Давидсон.)

«Дети с няней дошли до Штаба и остановились в воротах. Няня услышала тут, что сейчас идет суд над моим мужем. Не прошло и десяти минут, как дети услышали громкое бряцание оружия, говор и смех, и на улицу высыпало человек 15 вооруженных солдат-красногвардейцев. Это была стража, окружающая мужа. Он шел среди них в одном пиджаке и своей серенькой шапочке. Он был бледен и поглядывал по сторонам, точно искал знакомого доброго лица. Неожиданно увидав детей так близко, он просиял, рванулся к ним, радостно схватив на руки самую маленькую Танечку и крепко-крепко прижал ее к груди. Муж поцеловал и перекрестил ее, хотел поцеловать и благословить и тянущуюся к нему Машеньку, которая с волнением ждала своей очереди, но его грубо окрикнули, приказывая идти вперед без проволок. Муж гордо посмотрел на них и сказал:

– Это мои дети. Прощайте, дети...

Он успел сказать няне, что его ведут на расстрел. Пораженная ужасом, няня замерла на месте, затем убедилась, что его ведут действительно на расстрел переулочком к берегу озера, которое он так любил. Придя под стражей на место казни, муж стал лицом к Иверскому монастырю, ясно видимому с этого места, опустился на колени и стал молиться. Последовал залп. Стреляли в спину. Муж упал на землю. Лежа на земле, он конвульсивно бился, он бил руками об землю, судорожно схватывая пальцами ее. Сейчас же к нему подскочил Давидсон (будь он навеки проклят) с револьвером и выстрелил в упор два раза в левый висок.

Слова свои Давидсон наконец привел в действие. Как рассказывали после мне вместе сидевшие с мужем, при допросе (это было в тюрьме), при котором был и Давидсон, он сказал:

– Я сочту за великое счастье пустить вам (мужу) пулю в лоб.

Дети расстрел своего папы видели и в ужасе плакали. Извергам было мало одной казни. Через четверть часа после расправы с мужем на то же место привели другого невинно осужденного молодого человека, почти мальчика, сына уважаемого М.С. Савина. Восемнадцатилетний юноша, только что окончивший реальное училище, он тоже выслушал смертный приговор. Выйдя из Штаба, молодой человек увидел своего несчастного отца, который подошел к Давидсону и просил у него разрешения проститься с сыном. Давидсон учтиво ответил:

– Сделайте одолжение, если желаете, чтобы в результате оказалось два трупа, а не один.

А бедного юношу повели на то же место, где только что убили моего мужа. Несчастный старый отец шел сзади, издали благословляя сына и горестно выкрикивая сквозь слезы:

– Прощай, дитя мое ненаглядное. Прощай, моя радость, дорогой мой сын. Да благословит тебя Христос... Прощай, сынок.

Но сын его шел храбро на расстрел. Встречаясь со знакомыми, он улыбался и прощался с ними. При повороте за угол в переулок, к месту казни, молодой Савин снял фуражку и в последний раз поклонился своему отцу, прощаясь с ним. Молодой человек просил, чтобы ему не стреляли в спину, говорил, что он готов встретить смерть лицом к лицу.

Этот мученик также был убит с нескольких залпов. Но когда этот юноша упал на землю, к нему тоже подбежал Давидсон и еще раз выстрелил в упор в висок. Мозги вылетели у молодого человека.

После свершения казни Давидсон подошел к убитому горем старику и сказал ему с изысканной любезностью:

– Ваш сынок прислал вам последний привет. – И он сделал жест рукой, означавший, что сына уже нет в живых.

Отец-Савин стал просить, чтобы ему выдали тело убитого. Давидсон разрешил это, а затем отправился еще в квартиру казненного, чтобы передать последний привет сына несчастной матери. Отцу убитого юноши, когда он увозил тело сына домой, пришлось мозг подбирать в платок...»

Вот так, как пишет сам Троцкий, «с наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию...» по всей стране. Общее число истребленных троцкистами составляет два с половиной миллиона. И все это «демократы» сегодня относят к «сталинскому террору».

* * *

Здесь я напомним традицию, которая сложилась во многих странах: после завершения эпохи царствования или ухода с политической арены крупной исторической личности через некоторое время начинают издаваться различные мемуары, воспоминания и даже разоблачения о недавно минувших событиях и людях. В этих книгах, теперь без опаски попасть в опалу или кому-то навредить, открываются тайны и ранее скрытые рычаги и пружины прошлых закулисных дел.

Обычно это довольно правдивые документы. Напоминаю об этом для того, чтобы без каких-то доказательств и аргументов привести несколько цитат из такой вот мемуарной книги.

Широко известный британский разведчик Брюс Локкарт, разоблаченный и высланный из России за организацию антисоветского заговора, в своей книге «Английский агент» пишет: «...английская разведка рассчитывала использовать в своих интересах разногласия между Троцким и Лениным».

Локкарт установил с Троцким постоянную связь, он встречался с ним очень часто прямо в кабинете Троцкого (который был тогда наркомом иностранных дел) и получал от него «из первых рук информацию о положении в правительстве и его решениях по всем вопросам». Локкарт откровенно пишет в своей книге о том, что «мечтал устроить с Троцким грандиозный путч».

В марте 1918 года англо-французские разведчики вели подготовку высадки военного десанта в Мурманске. Руководил этой операцией английский военно-морской атташе Кроми.

План операции предполагал сосредоточить в Мурманске значительные силы белогвардейцев и перебросить туда Чехословацкий корпус. Этот корпус находился на Украине и должен был вывестись в Европу через Сибирь и Дальний Восток. В нем было 50 тысяч человек. Заговорщики хотели использовать чехов в своем восстании.

Для осуществления этого Локкарт обратился к Троцкому за помощью, и, по словам Локкарта, Троцкий «согласился послать Чешский корпус в Мурманск и Архангельск». «Троцкий показал свою готовность работать с союзниками... он всегда предоставлял нам то, что мы хотели, всячески облегчал сотрудничество с союзниками в Мурманске».

Все это грозило серьезными осложнениями для Советской республики. Чехословацкий корпус в тот период был уже подготовлен к антисоветскому мятежу и мог оказаться в непосредственной близости к Москве и Петрограду.

Ленин категорически запретил направлять Чехословацкий корпус в Мурманск и предотвратил тем самым осуществление замысла Троцкого и Локкарта.

Летом 1918 года чехословацкие офицеры и солдаты подняли мятеж при проезде через Сибирь и захватили ряд важнейших городов. Возвращаясь на запад, они овладели городами Урала и Среднего Поволжья, заняли Самару и Сызрань.

Все это могло произойти (так было и рассчитано) в Мурманске – недалеко от Петербурга, благодаря «помощи» Троцкого.

6 июля 1918 года эсером Блюмкиным был убит германский посол Мирбах (чтобы спровоцировать возобновление боевых действий с Германией). Это убийство стало началом мятежа левых эсеров. Они арестовали председателя ВЧК Дзержинского и готовились ворваться в Большой театр, где заседал V Всероссийский съезд Советов.

Однако Ленин опередил их и приказал арестовать всех левых эсеров, находившихся в Большом театре.

Заговор провалился. ВЧК арестовало многих. Но надо отметить некоторые детали: готовил мятеж Савинков на деньги Локкарта и Рейли, французского посла Нуланса, чешского националиста Масарика.

Любопытно мнение Троцкого о том, кто убил Мирбаха и начал тем самым крупную контрреволюционную акцию: «...он состоял членом моего секретариата и был лично связан со мной... Он был членом левозэсеровской оппозиции и участвовал в восстании против большевиков. Это он убил немецкого посла Мирбаха... Всегда, когда я нуждался в храбром человеке, Блюмкин был в моем распоряжении».

Но и это был не тот заговор, о котором, как пишет Локкарт, он «мечтал с Троцким».

Впоследствии эта затея получила название «Заговор послов», его готовили Локкарт и Рейли. Кстати, Рейли (Розенблюм) – одессит, сын ирландского моряка и одесской еврейки. Он был резидентом англичан, опытным разведчиком, владел семью языками. Именно Рейли разработал «план грандиозного путча».

План был дерзок и реален, он предусматривал: 28 августа 1918 года, во время чрезвычайного заседания ЦК большевиков в Большом театре (откуда была известна точная дата? Это же решалось на Политбюро!), начальник охраны Кремля, подкупленный Рейли за два миллиона рублей, расставит латышских стрелков (соответственно проинструктированных) во всех дверях. По определенному сигналу эта «охрана» закроет все двери и направит оружие на участников заседания. Предполагалось: особый отряд во главе с Рейли врывается на сцену, арестовывает руководителей партии и убивает здесь же Ленина. Одновременно в городе начинают действовать подготовленные к этому 60 тысяч офицеров, а союзные войска и армия Юденича делают бросок на Петербург.

План был хорошо продуман, тщательно подготовлен. Учен опыт неудачного мятежа эсеров в июне.

На этот раз Рейли, Локкарт и другие разведчики поработали усердно. У Рейли имелось удостоверение на имя сотрудника ВЧК. Он был вхож всюду. Его агенты работали в Кремле, в штабе Красной Армии, он имел полную необходимую информацию.

Но мятеж сорвался. Дзержинский перехитрил английских заговорщиков, они были арестованы. Состоялся суд, Локкарт и другие английские разведчики попали за решетку. Позднее их обменяли на большевиков, находившихся под арестом в Англии (в их числе был М. Литвинов – будущий советский нарком иностранных дел).

Локкарт очень обиделся на Троцкого. Вот его окончательная оценка Троцкого после провала заговорщических планов – все в той же книге «Английский агент»: «Троцкий был так же не способен равняться с Лениным, как блоха со слоном».

Нужны ли к вышесказанному какие-то особые комментарии?

Не будем пока навешивать на Льва Давидовича и обидный ярлык предателя. Составим окончательное мнение о нем на основании самых надежных аргументов – по делам.

А многие дела в его бурной и многогранной политической деятельности, прямо скажем, не украшают. Взять хотя бы историю с Брестским миром.

В тяжелейшей для Советской России обстановке Ленин видел только один выход: чтобы спасти ее, надо заключить мир с Германией. Вопрос о мире обсуждался в ЦК неоднократно. Точку зрения Ленина тогда твердо поддерживали Зиновьев, Сокольников, Сталин, Артем (Сергеев). За революционную борьбу были Троцкий, Бухарин, Урицкий, апеллируя при этом к мировой революции. Сталин, обосновывая необходимость подписания сепаратного мира, заявил, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». Он оказался прав, хотя Ленин от второй части его высказывания отмежевался.

Советская делегация во главе с Троцким выехала в Брест-Литовск, где находилась ставка германской армии генерала Гофмана. Троцкий имел указание ЦК и Ленина – подписать мир во что бы то ни стало. Но он не только отказался подписать перемирие, а стал демагогически пугать немцев и призывать пролетариат Европы к революции против своих правительств! Подписание мира Троцкий считал предательством мировой революции. Он выдвинул лозунг: «Ни мира, ни войны!», объявил о демобилизации армии, чем открыл дорогу германской армии в глубь России, к Петрограду и на Украину.

Ленин назвал поступок «Иудушки Троцкого» безумием. Его вероломство обернулось стране огромными потерями: немцы перешли в наступление от Балтийского до Черного моря.

Делегация была вынуждена подписать унижительный Брестский мир, по которому немцам передавались Польша, Украина, Финляндия, Кавказ, огромные контрибуции золотом, нефтью, углем, хлебом и прочими природными богатствами.

А что же с Лейбой Бронштейном? Назовем его здесь подлинным именем, потому что в этом предательстве он открывается в своем подлинном облике – как исполнитель указаний и единомышленник тех, кто скрывается под понятным местоимением «Они».

Почему же Ленин, ЦК, партия не привлекли Троцкого к ответственности? Ленин, может быть в силу своей интеллигентности, не хотел проявить себя как мститель за многолетние оскорбления Троцкого до его вступления в партию.

Был у Троцкого еще один надежный спасательный круг – это кровное родство со многими единомышленниками, они дружно стали выступать в защиту Троцкого, опять-таки разглагольствуя о мировой революции. Сообщник по оппозиции Бухарин даже заявил: «В интересах мировой революции мы считаем целесообразным идти на возможные утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной».

Троцкого все же сняли с поста наркома иностранных дел. Он публично признал свою вину и обещал Ленину безоговорочное сотрудничество. В общем, выкрутился. Время было горячее, надо было остановить наступление немцев. И вроде бы для исправления ошибки Троцкого назначили наркомом по военным делам, председателем Революционного Совета.

Заслуги Троцкого как военного деятеля сильно преувеличены. Об этом очень заботились «Они». Троцкого знал весь мир, он был персоной номер один в зарубежной прессе. Его именовали не иначе как «Красный Наполеон». Только Троцкому приписывались победы, одержанные в боях Егоровым, Фрунзе, Ворошиловым, Буденным и другими красными полководцами.

Но объективности ради надо сказать – Лев Давидович был абсолютно штатский человек. Как он сам признавался: «Писатели, журналисты, художники всегда представляли для

меня мир более привлекательный, мир, доступный только избранным». Если бы не революция, наверное, он прожил бы жизнь в этом притягательном мире и добился бы немалых успехов, благодаря своей несомненной одаренности.

Но... Что предшествовало этому «но», я кратко изложил. А дальше сменил Лева штатский костюм на длиннополую шинель, зеркально начищенные сапоги, повесил на ремень «маузер» и стал повелевать армиями. Сел в комфортабельный бронепоезд, окружил себя многочисленной охраной из «мальчиков в кожанках», «сынков часовых дел мастеров из Одессы». О стратегии, тактике и прочих военных атрибутах он не имел ни малейшего представления.

О победах Троцкого на фронтах гражданской войны трубили во всех странах и на всех континентах все те же родственники по крови, у которых уже тогда была в руках вся пресса.

Архивные документы говорят об ином. Рассмотрим, очень кратко, главные военные кампании гражданской войны.

Летом 1919 года, когда Колчак двигался к Волге, Троцкий заявил, что Колчак не опасен и надо с Востока перебросить часть сил против Деникина. ЦК партии, Ленин не согласился с председателем РВС, его план отклонили и заявили, что это открывает Колчаку дорогу от Волги на Москву. Троцкий был отстранен от руководства боевыми операциями на Восточном фронте. Широко известно – не стану углубляться в подробности – о том, как Сталин выправлял положение под Царицыном.

Осенью 1919 года также был отвергнут план Троцкого о наступлении против Деникина ударом на Новороссийск, через нелояльные к Советской власти донские и кубанские казачьи территории.

И вновь ЦК направляет на Южный фронт своих людей – Егорова и Сталина, с новым планом, который принес победу. Троцкого ЦК отстранил уже от руководства операциями на Южном фронте.

В 1920 году начатая Троцким и его любимчиком Тухачевским операция на польском фронте провалилась, принесла огромные потери – людские, материальные и территориальные. Вместо того чтобы позаботиться о резервах, Троцкий больше митинговал, утверждая, что Красная Армия на своих штыках принесет революцию в Европу.

Объективность вышеизложенного подтверждает сам Троцкий:

«В современных исторических исследованиях можно на каждом шагу встретить утверждения: в Брест-Литовске Троцкий не выполнил инструкций Ленина, на Южном фронте Троцкий пошел против директивы Ленина, на Восточном фронте Троцкий действовал вразрез указаниям Ленина и пр. и пр. Прежде всего, надо отметить, что Ленин не мог давать мне личных директив. Отношения в партии были совсем не таковы. Мы оба были членами ЦК, который разрешал все разногласия. Если между мной и Лениным было то или иное разногласие, а такие разногласия бывали не раз, вопрос автоматически переходил в Политбюро, и оно выносило решение. Следовательно, с формальной стороны тут не шло никаким образом речи о нарушении мною директив Ленина. Никто не отважился сказать, что я нарушал постановления Политбюро или ЦК».

Обратим внимание еще раз на «скромность» Льва Давидовича, но, главное, на то, что факты крупнейших неудач он не отрицает.

Одним из ближайших помощников Троцкого был полковник царской армии Вацетис. Он занимал при нем пост главнокомандующего. Советские чекисты установили, что Вацетис участвовал в интригах против командования Красной Армии, и был смещен с должности.

Но сколько «тонкой» иронии можно услышать в словах Троцкого, если продолжить приведенную выше цитату из его книги «Моя жизнь»: «Вацетис в минуты вдохновения издавал приказы, таким образом, словно не существовало ни Совнаркома, ни Центрального Исполнительного Комитета...»

Троцкий руководил фронтами, имел колоссальную власть и популярность. Фактически он стал вторым человеком после Ленина. Но даже такое высокое положение его не устраивало – не для того он приехал (заслан) в Россию, чтобы быть вторым. Оставался всего один шаг до положения главы государства. Но на этом пути стояли два человека, которые своим существованием не позволяли осуществить заветные планы, – это были Ленин и император Николай II. Ленин имел всероссийское и международное признание как лидер партии, революции и глава правительства, он пользовался феноменальным авторитетом в партии и любовью народа. В открытом соперничестве с Лениным у Троцкого было мало шансов на победу, и поэтому Лев Давидович принимает решение «убрать Ленина» давно проверенным и надежным путем. Разумеется, это было сделано очень и очень осторожно, чтобы не повредить репутации будущего лидера партии и главы государства. Троцкий только дал команду, а исполнители замаскировали покушение на Ленина под политическую акцию эсеров, которые якобы вложили пистолет в руки члена своей организации Фанни Каплан.

Покушение удалось только наполовину: Ленин остался жив, но почти выбыл из строя как руководитель всех партийных и государственных дел страны. Троцкий обрел еще большую власть.

Сталин тогда как соперник еще не просматривался, его положение Генерального секретаря расценивалось в качестве общего руководителя канцелярии партии. В Политбюро большинство были сторонниками Троцкого, и он считал, что вывести Сталина за штат будет несложно, только нельзя этого делать, пока жив Ленин, который выдвигал Сталина на этот пост и будет защищать его.

Вторым и не менее серьезным препятствием на пути Троцкого к единовластию в России был царь. Он был изолирован, находился в Екатеринбурге, но шла гражданская война, белые обложили молодую республику со всех сторон. В случае их победы будет реставрирована монархия и Николай II как символ, как законный глава государства может снова занять трон.

Значит, надо «убрать царя Николая». И Троцкий дает тайную команду (то, что покушение Каплан на Ленина и уничтожение царской семьи совершилось по указанию Троцкого, было выявлено и доказано на судебных процессах 1935–1938 годов).

Волю Троцкого по расстрелу царской семьи выполняли те, кому можно было доверять, – то есть его единомышленники. Указание дал председатель ВЦИК Яков Соломонович Мовшевич (он же Свердлов). Исполнителями были: Янкель Вайсбарт (он же Белобородов, председатель Уралсовета), Яков Мовшевич Юровский (лично стрелял в царя), Шая Исакович (он же Голощекин), Тинкус Лазаревич Вайнер и другие.

12 июля 1918 года Уральский Совет под председательством Белобородова (Вайсбарта) принимает решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда. В ночь с 16 на 17 июля царская семья была расстреляна. 18 июля 1918 года Белобородов доложил о содеянном Свердлову, председатель ВЦИК одобрил действия Уралсовета.

Троцкий не забыл эту услугу Белобородова: в марте 1919 года его «продвинули» – избрали членом ЦК. В апреле 1919 года Белобородов вместе со Свердловым, с благословения Троцкого, осуществлял «расказачивание». Он подавлял восстание в Вешенской и истреблял казаков, находясь на Дону с мандатом, дающим ему неограниченные полномочия «по ускорению ликвидации этого восстания», «отстранять и предавать суду Революционного трибунала» всех, кого он посчитает нужным.

Троцкий двигал своего протеже дальше и выше: с 1921-го Белобородов – зам. наркома НКВД РСФСР, а с 1923 по 1927 год – уже нарком.

Таким образом, репрессии против русских в тот период лежат на совести этого троцкиста.

В статье В. Сироткина «Еще раз о белых пятнах» («Неделя», 1989, №№ 24, 25) приводятся слова из письма Г.Я. Сокольникова Н.Н. Крестинскому: «Белобородов, в отсутствие Дзержинского... пробует вести себя так, как в Екатеринбурге». Что имеется в виду под этим

намеком, профессор Сироткин уточняет: «пришла целая команда «белобородовых», и фабрикация дел против инакомыслящих в партии была поставлена на поток».

Кого Белобородов считал в те годы инакомыслящими, видно из его биографии, написанной в перестроечное время и опубликованной в 1995 году в книге В. Некрасова «Тринадцать «железных наркомов».

«В политическом отношении в бытность наркомом внутренних дел РСФСР А.Г. Белобородов больше поддерживал взгляды Троцкого, чем позицию Сталина. В октябре 1923 года он среди других видных партийных и советских работников подписал троцкистское «Заявление 46-ти», которое было направлено против «режима фракционной диктатуры внутри партии», т. е. против сторонников Сталина.

В 1927 году А.Г. Белобородов также подписывает две троцкистские платформы: летом – платформу «83» и 3 декабря 1927 года – заявление 121 деятеля троцкистской оппозиции. Обе платформы выражали несогласие с позицией Сталина по важнейшим партийным и государственным вопросам.

О близости А.Г. Белобородова к Л.Д. Троцкому свидетельствует такой факт, приведенный Троцким в автобиографической книге «Моя жизнь» (события относятся к 1927 году): «Я жил уже не в Кремле, а на квартире у моего друга Белобородова, который все еще числился народным комиссаром внутренних дел».

Таким образом, убийца царской семьи расчищал дорогу Троцкому к власти сознательно и был его близким соратником.

Коль скоро я заговорил о доверенных соратниках Троцкого, дополню еще несколькими штрихами портрет Я.М. Свердлова. Он тоже был очень энергичный и распорядительный человек, Ленин высоко ценил его и даже называл «Мотором революции». Должность председателя Всесоюзного Исполнительного Комитета, прямо скажем, очень сложная и беспокойная, организовать исполнение решений Политбюро, правительства, съездов и пленумов партии в то время было невероятно трудно. Но Свердлов с этим справлялся и пользовался всеобщим уважением. Он сгорел на работе, умер в 1919 году от туберкулеза. По другой версии, его убил в Москве рабочий за расстрел царской семьи. По сей день я не встречал исследований и документов на эту тему.

Все было бы хорошо, остался бы Яков Михайлович в памяти людей честным революционером и прекрасным организатором, если бы не отравили его сионистские идеи Троцкого.

Троцкий сказал: «Восстание на Дону надо пресечь каленым железом – безжалостно уничтожить не только мятежников, но и жителей казачьих хуторов и станиц...»

Свердлов, как говорится, поднял руку под козырек и принял указанное к исполнению.

2 сентября 1918 года ВЦИК объявил массовый красный террор против буржуазии и ее агентов (как бы в ответ на покушение на Ленина). Истреблялись русские офицеры, священники, чиновники, ученые, писатели.

Ничем иным, как геноцидом, не назовешь исполнение сионистского завета об очищении российской земли от русских, физическое уничтожение – смертный приговор казачеству.

Вот собственноручное творение Свердлова (Яноша Соломона Мовшевича): «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их полностью, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое участие в борьбе с Советской властью... Расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи».

Этот, по сути дела, террористический, варварский акт, названный «Решение орг. Бюро ВЦИК, от 24 января 1919 года», подписали: Свердлов, его жена Новгородцева, Володарский (Голдштейн), Крестинский.

Были расстреляны десятки тысяч казаков, женщин, детей, стариков.

Вершилось это опричниками Троцкого, теми самыми «сынками часовых дел мастеров» в кожанках, с маузерами, которыми гордился и любовался Троцкий.

Вскоре в Крыму по прямому приказу Троцкого без суда и следствия было расстреляно десять тысяч русских офицеров как превентивное мероприятие, – чтобы они не ушли в белое движение. Эти действия Троцкий обосновал уже теоретически: «У нас нет времени выискивать действительных активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения физического всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти».

...Господи, как же мне быть объективным, и возможно ли это при описании таких злодеяний?! Не стану искать эпитеты к ним, оставляю это на усмотрение Читателей. Скажу только одно: ради сокращения текста я еще многое убавил, не изложил (расстрелы каждого пятого или десятого перед строем, уничтожение талантливых русских командующих – Думенко, Миронова – по ложным обвинениям).

Сами вершители этих злодеяний в глубине души понимали, что творят страшные преступления и, возможно, придется отвечать. И чтобы избежать этого, на черный день готовили пути отхода. У Якова Свердлова, после его смерти, в сейфе обнаружили 7 заготовленных заграничных паспортов и 7 бланков чистых паспортов. И к ним солидное финансовое подкрепление – золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 рублей, 705 золотых изделий с драгоценными камнями.

Заметим еще, что жена Свердлова К.Т. Новгородцева была тайной хранительницей алмазного фонда Политбюро (был спрятан на ее квартире). Он предназначался для того, чтобы «в случае крушения власти, обеспечить членам Политбюро средства для жизни и продолжения революционной деятельности».

Каких членов Политбюро, я думаю, разъяснять не следует. Сталин и его окружение в их число, конечно же, не входили.

В общем, на всех этапах жизни: до революции и после вступления в партию большевиков – Троцкий был оппозиционером, боролся за власть в партии и государстве, а вернее, за захват России. Во всей деятельности Троцкого отчетливо просматривается прямое выполнение указаний сионистских финансовых и политических хозяев, у которых он был на содержании. Да и теория Троцкого о мировой революции (при практическом осуществлении ее еврейскими кадрами) прямо смыкается с сионистскими поползновениями овладеть Россией. В этом отношении просто вырисовывается между ними большой знак равенства.

В 1920 году в Нью-Йорке была издана брошюра «Кто правит Россией», в ней приведены списки руководящих органов «Рабоче-крестьянской Социалистической России» на 1920 год.

Вот как укомплектовал Троцкий порученный ему Военный комиссариат.

Комиссар армии и флота – Бронштейн-Троцкий еврей

Председатель революционного штаба Северной армии – Фишман еврей

Комиссар военно-судебный 12-й армии – Ромм еврей

Политический комиссар 12-й армии – Мейчик еврей

Политический комиссар штаба 4-й армии – Ливенсон еврей

Председатель совета армий Западного фронта – Позерн еврей

Политический комиссар Московского военного округа – Губельман-Ярославский еврей

Политический комиссар Витебского военного округа – Дейб еврей

Комиссар военных реквизиций города Слуцка – Кальманович латыш

Политический комиссар Самарской дивизии – Глузман еврей

Военный комиссар той же дивизии – Бекман еврей

Комиссар реквизиционного отряда

Московского военного округа – Зузманович еврей

Председатель Главного Московского военного совета – Бронштейн-Троцкий еврей

Его помощники
Гиршфельд еврей
Склянский еврей
Члены того же совета
Шородак еврей
Петч еврей
Военный комиссар Московской губернии – Штейнгардт немец
Его помощник – Дулис латыш
Комиссар Школы пограничной стражи – Глейзер латыш
Политические комиссары 15-й дивизии Советов
Дзеннис еврей
Полонский латыш
Комиссар Военного совета Кавказских армий – Лехтинер еврей
Чрезвычайные комиссары Восточного фронта
Бруно еврей
Шульман еврей
Члены Кавказского военного совета
Розенгольц еврей
Мейгоф еврей
Назенгольц еврей
Командующий Красной Армией в Ярославле – Геккер еврей
Начальник Петроградского Военного комиссариата – Нейгер еврей
Политический комиссар Петроградского военного округа – Цейгер еврей
Политический комиссар Петроградского военного округа – Гиттис еврей
Командующий Западным фронтом против Чехо-Словакии – Вацетис латыш
Член Совета Военной коммуны – Назимер еврей
Начальник Военной коммуны – Кольман, бывший австрийский офицер еврей
Начальник Московского военного округа – Бицис латыш
Военный комиссар Московского военного округа – Метказ еврей
Начальник обороны Крыма – Зак еврей
Командующий Курским фронтом – Служин еврей
Его помощник – Зильберман еврей
Политический комиссар Румынского фронта – Сниро еврей
Уполномоченный для мирных переговоров с Германией – Давидович еврей
Кандидат в члены Военного комиссариата – Шисур латыш
Солдат Военного комиссариата – Смидович еврей
Итого: из 43 членов:
русских – 0, латышей – 8,
немцев – 1, евреев – 34.

Комментарий? Высказывайте сами.

Чтобы суждения ваши и мои были абсолютно объективными, подкрепим их голосом с третьей стороны. Причем голос этот принадлежит Уинстону Черчиллю, который в те годы прилагал все силы (поход Антанты!) к уничтожению молодой Советской республики.

На Черчилля работала лучшая в мире разведка, он прекрасно знал, что происходит в России.

Вот цитата из речи Уинстона Черчилля, произнесенной 5 ноября 1919 года в палате представителей в Лондоне:

«Нет надобности преувеличивать роль, сыгранную в создании большевизма и подлинного участия в русской революции интернациональных евреев-атеистов. Более того, главное вдохновение и движущая сила исходят от еврейских вождей. В советских учреждениях преобладание евреев более чем удивительно. И главная часть в проведении системы террора, учрежденного Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, была осуществлена евреями и в некоторых случаях еврейками.

...Всемирный заговор для ниспровержения культуры и переделки общества на началах остановки прогресса, завистливой злобы и немыслимого равенства продолжал непрерывно расти. Он был главной пружиной всех подрывных движений 19-го столетия. Сейчас эта шайка необычных личностей, подонков больших городов Европы и Америки, схватила за волосы и держит в своих руках русский народ, фактически став безраздельным хозяином громадной империи. Нет нужды преувеличивать роль этих интернациональных и большей частью безбожных евреев в создании большевизма и в проведении русской революции. Их роль несомненно очень велика, вероятно, она значительно превышает роль всех остальных».

Уинстон С. Черчилль. Полное собрание речей 1887–1963 гг. Издательство Ed. R.R. Games, 1974 г.

Важное предупреждение

Прежде чем перейти к изложению роковых событий, происходивших в стране и партии в тридцатые годы, считаю необходимым признаться, что я никогда не был антисемитом. Никогда не страдал этим комплексом. Считаю недопустимым предубежденный подход к оценке событий и деяний отдельных личностей, исходя из их национальности. Антисемитизм так же вреден и порочен, как русофобия, неприязнь к лицам кавказской, любых других национальностей и т. п.

Одновременно уточняю: я четко различаю и отделяю антисемитизм от сионизма. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своей резолюции № 3379 в ноябре 1975 года осудила германский фашизм и сионизм как формы расизма и расовой дискриминации, поставив между ними знак равенства. То есть сионизм – это тот же фашизм, но только когда вместо немцев претендуют на мировое господство евреи-экстремисты. Сионизм является одной из разновидностей человеконенавистнической теории и практики, ставящей своих сторонников в расовом отношении выше всех других наций и стремящейся к мировому господству путем геноцида, истребления целых народов.

Сионизм придуман и реализуется самим «богом избранным народом» для оправдания его господства над другими, «более низкими расами».

Сионизм является монополией евреев-экстремистов, но сотни и тысячи представителей других национальностей служат, а точнее, прислуживают сионистам, являются их верными пособниками, получая за это вознаграждение высокими должностями, допуском в политические и коммерческие структуры, в СМИ, кино, литературу, на эстраду, телевидение, радио.

Все это проявилось в тридцатые – сороковые годы, но особенно жестко осуществлено сионистами в нашей стране в перестроечные и постперестроечные годы – годы так называемых реформ. Мне кажется, нет необходимости убеждать в этом читателей и доказывать правдивость вышеизложенного – зрячий видит, не глухой слышит: все происходящее с нами и вокруг нас сейчас наглядное тому доказательство.

Прежде чем повести разговор о конкретных событиях, необходимо уточнить еще одно очень важное маскировочное обстоятельство, которое применяют сионисты, – хотя это и не является их изобретением, оно бытует в разных слоях общества. Я имею в виду замену национальности, имени, фамилии. Псевдонимы обычно берут артисты, писатели, подбирая себе для большей популярности броские, звучные, красивые имена. Несколько фамилий обычно придумывают себе уголовники, чтобы скрыть свои прежние судимости и преступления. Революционеры-профессионалы для конспирации тоже скрывались под разными фамилиями. Во всех случаях, когда человек прячется под псевдонимом, имеется намерение скрыть свое подлинное лицо, а иногда и прошлое.

Еврейские фамилии в годы перед Октябрьской революцией не вызывали антипатии, наоборот, евреи как сословие, отчасти притесняемое царизмом, встречали сочувствие у прогрессивно настроенных людей. Обстоятельства вынуждали революционеров брать другие фамилии. Так появились Ленин (Ульянов), Сталин (Джугашвили), Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), Свердлов (Бухман), Мартов (Цедербаум), Ярославский (Губельман), Молотов (Скрябин) и многие другие.

Почему они не вернули свои подлинные фамилии после победы революции? Можно это объяснить тем, что они вошли в жизнь, обрели популярность под псевдонимами. Только Ленин, подписывая документы, ставил рядом с псевдонимом в скобках фамилию «Ульянов».

Если бы желание других партийных функционеров сохранить свой псевдоним ограничивалось только популярностью, можно было бы и не заводить об этом разговор. Но в деятельности некоторых членов партии обнаруживается «второе дно», т. е. необходимость спрятать

свое двуличие. С русским псевдонимом сионистам было спокойнее маскироваться, превращать свои идеи в антипартийные дела. Истинная же национальная принадлежность, видная по фамилии, выдавала, настораживала, лишала конспирации сионистов, потому что было известно: сионистом мог быть любой еврей. Вот и меняли они фамилии на русские, грузинские, армянские и по сей день суетливо требуют исключить из паспорта и из всех анкет «пятый пункт» – о национальной принадлежности.

Еще раз повторяю: при всем уважении к евреям я вынужден писать о сионизме и не ставлю знака равенства между каждым евреем и сионистом. Еврей – понятие национальное, природное, как и русский, татарин или чукча. Сионист – категория политическая, такая же, как гитлеровский нацист, чеченский национал-террорист, американский куклусклановец. Потому еще раз прошу учесть эту мою, вообще-то официальную, трактовку и оценку сионизма и не принимать всем евреям на свой счет негативные высказывания, касающиеся только сионистов.

Своими расистскими идеями об избранности евреев, о превосходстве их над другими народами, о «богоизбранности» и праве на мировое владычество сионизм компрометирует прежде всего еврейский народ. Это противопоставление оскорбляет другие расы. Порождает ненависть к евреям. Антисемитизм – не что иное, как результат порочной теории и практики сионистов.

Талантливость, энергичность, предприимчивость многих евреев сионисты поставили на службу своим расистским, человеконенавистническим устремлениям.

Но... вспомните гитлеровскую кинохронику – лица немцев, искаженные в зверином реве «Хайль Гитлер!» Они слепо верили в свою исключительность. Орала не только фашисты и солдафоны. Так орал весь немецкий народ, одурманенный идеями своей «богоизбранности» на мировое господство. Они взяли на себя грех уничтожения миллионов людей, в том числе и шести миллионов евреев (может быть, особая к ним ненависть была как к конкурентам на владение миром?)

Чем все это кончилось, известно. Немцы дорого заплатили за увлечение расистской теорией и практикой, желанием построить свое безбедное существование за счет других народов мира. Сегодня они с большим стыдом вспоминают свой фашистский угар.

Несомненно, такая же участь ожидает в итоге и сионистов. Тысячи еврейских душ они отравили своей преступной идеологией. Больших успехов они уже, похоже, достигли, осуществляя свои планы о мировом господстве, в том числе и в нашей России.

Но гитлеровцы тоже владели Европой и дошли до Волги. Сионизм сегодня – раковая опухоль человечества. Что он несет для людей, очень хорошо видно из происходящего в России: развал промышленности, культуры, геноцид местного населения, голод, болезни, вырождение.

Сионизм в Россию начал проникать еще до Октябрьской революции, в царские времена. Уже тогда им ставилась задача овладения огромным Евразийским материком. Эмиссары сионизма внедрялись во все политические партии и движения, в том числе и в коммунистическую, большевистскую. В революционные коммунистические дела и преобразования вносился очень ощутимый сионистский акцент. Борьба за власть между троцкистами и сталинистами носила его постоянно.

Ленина, например, обвиняют в связях с немецким военным руководством – якобы он прибыл в Россию со своими единомышленниками для разложения царской державы и армии с тыла, чем обеспечил победу немцев в Первой мировой войне.

С таким же успехом можно обвинить Троцкого в том, что он – агент сионистского руководства, потому что прибыл в 1917 году из Америки, где общался с этим руководством и получил от него все необходимые инструкции и финансовое обеспечение. Борьба Троцкого с Лениным, а затем со Сталиным, за власть проходила весьма успешно, в том числе и в смысле продвижения сионистских замыслов.

Чтобы читатели поняли явный национальный перебор, при описании событий я привожу иногда рядом с псевдонимами подлинные фамилии.

Читатели должны видеть, что идет разговор и оценка действий личностей не только с двойной фамилией, но и двуличных, с двойным дном, то есть действующих как большевики в открытой повседневной работе (под псевдонимом) и занимающихся тайными делами для достижения оппортунистических целей, очень часто смыкающихся с сионистскими идеалами.

Итак, с полным уважением к евреям – нашим соотечественникам, которые честно трудились и переживали все радости и беды вместе со всеми народами Советского Союза, а также с особой любовью к евреям – моим боевым друзьям на фронте и сослуживцам в мирные годы, но с таким же полным неприятием сионизма вернусь в двадцатые годы.

* * *

Был в истории Советского государства такой исторический момент, который предопределил многие значительные трагические последствия. И самое удивительное, что этот судьбоносный эпизод сделали малозаметным, приложили много усилий, чтобы вообще спрятать его не только от народа, но и от членов партии.

Что же произошло?

В числе многих организаций и партий в период Февральской и Октябрьской революций существовала Еврейская коммунистическая партия (ЕКП). Она действовала сепаратно, отдельно от коммунистов-большевиков, меньшевиков и других партий, стремившихся преобразовать и осчастливить Россию. И то, что ЕКП ни с кем не объединялась и не блокировалась, свидетельствует о наличии у этой еврейской компартии своей особенной цели, не схожей с другими революционными программами. Вернее даже сказать так: называясь еврейской коммунистической, эта партия в официальном уставе и программе имела соответствующую фразеологию, но на деле являлась еврейской сионистской организацией, которая ставила четкую задачу: в мутной воде революционной многопартийной неразберихи пробраться к власти и осуществить вековую мечту сионистов – прибрать к рукам Россию, с ее бескрайней территорией и природными богатствами.

Но события сложились так, что верх взяли в октябре большевики. Еврейская коммунистическая партия несколько лет пребывала как бы не у дел; большевики овладели не только властью, но и умами, надеждами народов, населяющих Россию.

Однако в подвешенном состоянии ЕКП находилась недолго. Заокеанские хозяева, «Они», нашли ей очень выгодное применение: влить ее в ВКП(б), тем более что в самой этой ВКП(б) было много евреев, пусть даже не все они были сионистами, но извечное их непреложное правило (и даже закон) – помогать, протаскивать друг друга – позволяло рассчитывать, что еврей-большевики будут верными «зову крови» и поспособствуют приему ЕКП в ВКП(б).

Однако Ленин со свойственной ему прозорливостью понял, к чему стремятся коммунисты-сионисты и какие могут быть последствия от этого объединения. Ленин категорически отверг попытки ЕКП и некоторых своих соратников, которые поднимали этот вопрос. Причем Ленин отражал подобные намерения неоднократно.

Но когда Владимир Ильич доживал последние дни, Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд) все же протаскили ЕКП в ВКП(б). Причем они умышленно осуществили это, пока Ленин еще дышал, чтобы в будущем опираться на тот факт, будто объединение произошло при жизни Ленина и якобы с его согласия. Хотя в действительности Ленин, ввиду болезни, уже отошел от дел и об этом ничего не знал. И даже Сталин – Генеральный секретарь – не был поставлен в известность.

На январском пленуме ЦК РКП(б) 1923 года в числе других вопросов был очередной отчет Сталина перед Политбюро и ЦК о работе Секретариата. Заседание Политбюро и ЦК по установленной при Ленине традиции вел глава правительства Каменев (Розенфельд).

Неожиданно для всех присутствующих Каменев (Розенфельд) заявил:

– Политбюро считает первым вопросом, вместо отчета товарища Сталина, заслушать сообщение о положении дел в дружественной нам Еврейской компартии. Пришло время, товарищи, когда без бюрократических проволочек следует всех членов ЕКП принять в члены нашей большевистской партии.

Члены ЦК молчали. Сталин даже растерялся: Каменев говорил от имени Политбюро, но при нем, при Сталине, этот вопрос на Политбюро не поднимался. Значит, было какое-то внеочередное, тайное заседание, а может быть, такового вообще не было.

Пауза несколько затянулась. Сталин понимал: выступить открыто против, значит навлечь на себя ненависть тех, кого хотят протащить в партию, а заодно и тех, кто им способствует изнутри. Но нельзя было и промолчать, молчание – знак согласия.

Сталин попросил дать ему слово. Со свойственной ему находчивостью в критические минуты он сказал:

– Я не против приема нескольких тысяч членов Еврейской коммунистической партии в Российскую коммунистическую партию большевиков. Но прием должен быть без нарушения нашего устава – то есть индивидуальным. Все вновь вступающие, согласно уставу, должны представить рекомендации пяти членов нашей партии с пятилетним стажем. Я говорю об этом потому, что в программе Еврейской компартии записано: евреи – божья нация, призванная руководить всем международным еврейским рабочим движением. В ЕКП принимаются только евреи. Необходимо, чтобы вступающие в нашу партию и вся ЕКП на своем съезде отказались публично от сионистских задач своей программы.

Троцкий буквально вскочил со стула и, со свойственной ему экспрессией, четким и зычным голосом хлестнул в Сталина:

– Здесь случай особый. То, о чем говорит Сталин, уже практически осуществлено. На декабрьском пленуме ЦК ЕКП 1922 года принято решение: отказаться от сионистской программы партии и просить о приеме всей партии в состав партии большевиков. Я думаю, нельзя, как рекомендует Сталин, начинать нашу совместную деятельность с недоверия, это будет оскорбительно.

Вслед за Троцким (Бронштейном) поднялся Зиновьев (Радомышльский-Апфельбаум), он был не только председателем Петроградского совета, членом Политбюро, а еще и председателем Исполкома Коминтерна.

– Поскольку ЕКП на своем пленуме отказалась от сионистской программы, – убеждал Зиновьев, – Исполком Коминтерна рассмотрел обращение ЕКП и рекомендует ЕКП объединиться с РКП(б) на базе ее программы и устава. Исполком Коминтерна принял соответствующее решение. Я его зачитаю. – Зачитав документ, Зиновьев резюмировал: – Таким образом, решение Исполкома Коминтерна принято и оно обязательно для РКП(б). Напрасно товарищ Сталин пытается усложнять этот вопрос.

Сталин понимал, что он и его сторонники находятся в меньшинстве и в случае его упорства троцкисты могут сыграть с ним злую шутку, вплоть до снятия с поста Генерального секретаря. Но все же он сказал:

– Надо поручить товарищу Куйбышеву (председателю Партийной контрольной комиссии) подработать условия приема еврейских партийных организаций в состав РКП(б).

Председательствующий Каменев (Розенфельд) посчитал дело решенным и предложил перейти к следующему вопросу:

– Заслушаем отчет товарища Сталина о работе канцелярии Политбюро.

Тем самым Каменев, как всегда, снова подчеркнул, что Сталин всего лишь руководитель «канцелярии».

9 марта 1923 года в «Правде» очень мелким шрифтом в малозаметном месте за подписью секретаря ЦК В. Куйбышева было опубликовано постановление ЦК РКП(б) о вхождении ЕКП и ее отдельных членов в состав РКП (б).

Ленин так и не узнал об этом решении. О нем вообще постарались быстро забыть, его нигде не упоминали потом, не включали в сборники партийных документов. Но значение этого внешне незначительного эпизода оказалось для дальнейшей жизни партии и России колоссальным. Десятки тысяч новых влившихся «коммунистов» стали верными, надежными соратниками Троцкого и его единомышленников в борьбе за власть. Они при содействии своих единокровных братьев быстро продвигались по службе и через год-два стали руководящими работниками в районных, областных, союзных и центральных комитетах партии, органах Советской власти, министерствах и учреждениях, прокуратуре, судах, в армии и даже ГПУ.

На это не могли закрывать глаза честные евреи, издавшие в 1923 г. в Берлине примечательный сборник «Россия и евреи». В обращении «К евреям всех стран!» они отметили, что в глазах русского народа «Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям. Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе красной армии... Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом»; «а все еврейство в целом... на нее (революцию) уповаet и настолько себя с ней отождествляет, что еврея – противника революции всегда готово объявить врагом народа» (И.М. Бикерман).

Примечательно, что авторы сборника отмежевались от евреев-большевиков как предателей интересов и России, и еврейства. Они предупредили, что рано или поздно коммунистический режим падет, и это грозит еврейству трагическими последствиями: «Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России – грех, который в самом себе носит возмездие...»; за это «евреи неминуемо должны... в будущем жестоко поплатиться...»

Троцкисты были повсюду. Они проводили свою единую линию по компрометации Сталина и его единомышленников. Казалось, его судьба предрешена, в скором будущем он будет отстранен от дел. Но события сложились так, что Сталин, вопреки предположениям троцкистов, неожиданно обрел новый дополнительный и очень весомый авторитет в партии. Он был стратегом, не лез в драку в открытую.

Как это ни странно, позиции Сталина укрепила смерть Ленина.

Вот какие обстоятельства сложились благоприятно для Сталина. Троцкий не был на похоронах Ленина – отдыхал в Сухуми. Если бы он находился в Москве, то на траурном митинге играл бы, как говорится, первую скрипку и произвел бы положительное для себя впечатление – говорить он умел, всегда отличался ораторской страстностью.

То, что Троцкий не приехал на похороны, было его крупным тактическим просчетом. Во-первых, его отсутствие могло быть воспринято (так и было) как неуважение к Ленину, как высокомерие и желание подчеркнуть свое величие. Во-вторых, не он, а Сталин стал первым лицом на процедуре прощания с вождем партии. Хотя до этого дня Троцкий был более популярным и властным лидером партии, чем Сталин.

В один день, одной речью Сталин как бы перехватил инициативу у Троцкого. Обычно считают, что Сталин произносил клятву Ленину у гроба. Это не так.

Ленин скончался 21 января 1924 года в 18 часов 50 минут в Горках.

26 января на траурном заседании II съезда Советов Сталин от имени большевистской партии произнес знаменитую речь, которая вошла в историю как клятва. Эта речь была опубликована

ликована 30 января 1924 года в «Правде» и стала своеобразным программным документом для партии и личной клятвой Сталина на всю его жизнь. До этого выступления Сталин был известен в партии как один из руководящих работников ЦК, а в широких народных массах мало кто знал о его деятельности. Публикация речи по поводу смерти Ленина затронула каждого человека – партийного, беспартийного, доброжелателя и врага. Вся страна узнала о Сталине, его политических взглядах и намерениях. Популярность и авторитет Сталина поднялись сразу на несколько порядков выше прежнего. Сторонники Ленина увидели в нем своего лидера в борьбе с троцкистами и оппортунистами.

Сталин, как тонкий стратег, уловил выигрышную для себя и партии ситуацию, по его инициативе на Пленуме ЦК РКП(б) было принято обращение «К партии, ко всем трудящимся», в нем брошен клич: «Рабочие от станка, стойкие сторонники пролетарской революции – входите в РКП! Пролетарии! Шлите в ряды партии лучших, передовых, честных и смелых борцов!»

В партию пришли новые молодые силы, не зараженные инфекцией троцкизма и оппортунизма. Это был вошедший в историю партии «Ленинский призыв»: из общего числа коммунистов – 735 000 в 1924 году – 241 591 были представителями этого ленинского призыва.

Мне кажется, более точным было бы название «Сталинский призыв», потому что от Сталина исходила идея его осуществления, и новое пополнение стало надежной опорой Сталину в дальнейшей работе и борьбе с оппортунистами, а по существу, с противниками России. Новое пополнение было достойным противовесом и старым троцкистам, которые боролись с Лениным при его жизни, и тем, кого они притащили в партию после революции, – членам еврейской компартии Бунда, перекрасившимся эсерам, меньшевикам и прочим.

На XIII съезде РКП(б) с 23 по 31 мая Сталин, благодаря своей стратегической победе, чувствовал себя уверенно и был поддержан своими новыми сторонниками в составе делегатов при обсуждении планирования, а затем при осуществлении очередных народнохозяйственных задач. Оппозиционеры в своих выступлениях высказывали сомнения, недоверие, ссылаясь на недостаточность средств для реализации предложенных Генсеком планов. Кроме того, они предприняли попытку скомпрометировать Сталина в глазах старых и новых членов партии, заявляя, что было скрыто и до сих пор не оглашено завещание Ленина, в котором он якобы нелестно характеризовал Сталина.

Делегаты съезда поддержали предложение о необходимости ознакомиться с этим документом. Для того чтобы с письмом Ленина делегаты ознакомились более детально и большее их количество могло высказать свои суждения (на общем заседании это невозможно), а также с целью соблюдения секретности, было принято решение обсуждать письмо на закрытых заседаниях по делегациям. В этом были заинтересованы и троцкисты, так как о некоторых из них в письмах Ленина высказаны очень нелестные характеристики.

Сталин подал заявление об отставке.

Делегаты ознакомились с «Завещанием», обсудили его, дали положительную оценку работе Сталина как Генерального секретаря, и съезд обязал Сталина оставаться на своем посту и продолжать работу, противодействовать расколу партии. Сталин и его сторонники выполнили эти решения съезда.

Наступательной тактикой оппозиции руководил опытный и энергичный Троцкий. У него было много образованных, находчивых соратников высшего звена и хорошо спаянных, понимающих и поддерживающих друг друга деятелей среднего звена. Среди оппозиционеров почти не было рядовых, каждый из них занимал пост в государственном партийном или профсоюзном органе в центре или на периферии.

Но на стороне Сталина были сотни тысяч рядовых коммунистов, которые в массе своей понимали и одобряли ленинско-сталинский план построения социализма и помогали одерживать верх той линии при голосовании на съездах партии.

К концу 1925 года был в основном завершен восстановительный период, возвращены к жизни более 400 крупных предприятий, отстроено около десяти электростанций. Объем производства достиг 3/4 уровня довоенного, 1913 года. Вспомним, на X съезде в 1921 году Ленин с горечью говорил: «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти».

Успехи были налицо, жизнь требовала их закрепления и приумножения.

Сталин и Русская Православная Церковь

Одной из крупных акций троцкистов по доведению до абсурда некоторых пунктов большевистской программы партии была борьба с религией. Как известно, в программе компартии сказано о ее атеистических взглядах, о необходимости просвещать народ, избавлять людей от древнего пережитка, которым пользовались монархи, чтобы держать верующих в покорности.

Российская

Социалистическая Федеративная
Советская Республика.
ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Советов Раб., Солд., Кр. и Каз. Деп.

МОСКВА, КРЕМЛЬ
N 1866672

01. V. 1919
СТРОГО СЕКРЕТНО
Председателю ВЧК
тов. ДЗЕРЖИНСКОМУ Ф.Э.

УКАЗАНИЕ

В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Сов. Нар. Комиссаров, необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией.

Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады.

Председатель В.Ц.И.К

Председатель Сов. Нар. Комиссаров

Антирелигиозную борьбу предусматривалось вести путем просвещения, агитации, разъяснения и прочих идеологических форм партийной работы.

Троцкисты взяли на вооружение (кроме других дискуссий и споров того времени) этот постулат борьбы с религией и, доведя его до абсурда, хотели вызвать недовольство православных верующих, поссорить их с большевиками.

Как это делалось? Сегодня известны и тайные дела, и документы.

Пользуясь кровавым накалом гражданской войны, троцкисты (сионисты) предприняли попытку ликвидировать Православную Церковь и духовенство одним «революционным ударом» – через ЧК.

Мог ли Калинин – русский человек (крещеный) – подписать такой варварский документ по отношению к русским православным священнослужителям? Приказной, энергичный тон – «расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше». Это не стиль Калинина. В дальнейшем моем повествовании читатели убедятся – Калинин не может быть автором этого

письма, его чисто человеческие качества несовместимы с подобной жестокой кровожадностью. В сотнях документов, подписанных им как председателем ВЦИК, совсем иная тональность. Калинин всегда отличался доброжелательностью, за что пользовался огромным уважением, и звали его в народе «Всесоюзным старостой».

Но документ перед нами и подписан Калининным. Все правильно. Только скрыта за этим большая партийная тайна. Дело в том, что решением Политбюро Калинина обязали подписывать все документы, подготовленные Троцким. Уничтожение православных церквей и священников распоряжением и стараниями сионистов могло вызвать возмущение народа и окончиться печально. Вот и подставили русского уважаемого Калинина как ширму, для того чтобы спрятать истинных варваров.

Этот документ подготовил, несомненно, Троцкий. В годы гражданской войны он издал подобных расстрельных приказов сотни – это его стиль, его беспощадность.

Прошу обратить внимание на порядок, в котором расположены подписи: обычно старший по должности или по положению подписывает первым. Здесь мы видим подпись Ленина после Калинина, хотя по должности (указанной здесь же) Ленин как председатель Совета Народных Комиссаров выше председателя ВЦИК, являющегося исполнительным органом.

Почему же так расположены подписи? Закономерно предположение – подпись Ленина допечатана позднее, и поставлено его факсимиле – что практиковалось в работе аппарата ЦК. В солидном двухтомном научном труде «Политбюро и церковь в 1922–1925 гг.» (Архивы Кремля) на стр. 5, том I при описании документов сказано: «...в определении автографичности – выявлены единичные случаи, когда подписи членов Политбюро под подлинными документами исполнялись их техническими секретарями, делопроизводителями, подчас с умелым подражанием автографу; оказалось также, что иногда одни члены Политбюро исполняли подписи за других».

Не имеем ли мы дело в этом документе с таким случаем? Может быть, после покушения 30 августа 1918 года, в периоды, когда Ленин был нездоров, пользуясь этим, поставили его факсимильную подпись?

Но не исключено, что и сам Ленин подписал этот страшный документ. Ниже я приведу письмо Ленина, подтверждающее и это предположение, и то, почему Калинин был вынужден подписывать не только данное «Распоряжение», но и многие другие подобные документы, подготовленные Троцким.

В годы послевоенной разрухи поразил страну жестокий неурожай. Голод косил людей беспощадно. При ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол). Руководил ее работой глава законодательной власти М.И. Калинин.

Глава Православной Церкви патриарх Тихон 22 августа 1921 года издал воззвание «О помощи голодающим», призывая к благотворительным пожертвованиям.

Троцкий обращается с запиской к членам Политбюро ЦК РКП(б) с предложением о создании секретной комиссии по изъятию ценностей из московских церквей для закупки хлеба за рубежом для голодающих.

Совнарком назначает Троцкого «особоуполномоченным СНК по учету и сосредоточению ценностей».

Помощь голодающим Троцкий расширяет до борьбы с Церковью через изъятие церковных ценностей, разрушения церквей и репрессий против священников.

Ленин, со свойственной ему широтой мышления, предложил использовать создающуюся трудную ситуацию не только для помощи голодающим, но гораздо шире.

Поводом послужило сопротивление изъятию ценностей в городе Шуе.

Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуте и политике в отношении церкви

19 марта 1922 г.

Товарищу Молотову.
Для членов Политбюро.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин тоже) делать свои заметки на самом документе.
Ленин.

По поводу происшествия в Шуте, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои соображения письменно...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализирование этих масс.

Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, – никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий...

На Съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение Съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок...

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на Съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке...

К секретному заседанию делегатов съезда, о котором пишет Ленин, Троцкий подготовил «совершенно секретную» пространную записку «О политике по отношению к церкви». В ней Лев Давыдович со свойственной ему чертой – показать свою образованность – описывает деяния церкви с давних времен в Европе и в царской России, вскрывает ее буржуазно-соглашательскую суть.

Церковь, вся пропитанная крепостническими, бюрократическими тенденциями, не успевшая проделать буржуазной реформации, стоит сейчас лицом к лицу с пролетарской революцией. Какова же сможет быть ее дальнейшая судьба? Намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и – «советское». Идеология «советского» духовенства, по-видимому, вроде сменовеховской, т. е. буржуазно-соглашательская.

В то время, кроме репрессивной борьбы с религией, проводилась тайная линия ГПУ по разложению Церкви изнутри, предпринимались попытки «раскола», создания обновленческой Церкви, которая сотрудничала бы с советской властью. Троцкий называл такую Церковь «сменовеховской».

Это мероприятие не устраивало Троцкого, ему не нужна была Православная Церковь вообще.

«Сменовеховцев» Троцкий предлагает использовать временно, как тактическое средство:

«...Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то она стала бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде. Ибо, принимая покровительственную «советскую» окраску, «передовое» духовенство открывает себе тем самым возможность проникновения и в те передовые слои трудящихся, которые составляют или должны составить нашу опору.

6. Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально. (Позорные передовые статьи в партийных газетах о том, что «богородице приятнее молитвы накормленных детишек, чем мертвые камни» и пр.).

7. Чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла с черносотенным, тем выгоднее будет наша позиция. Как сказано, под «советским» знаменем совершаются попытки буржуазной реформации православной церкви. Чтобы этой запоздалой реформации совершиться, ей нужно время. Вот этого-то времени мы ей не дадим, форсируя события, не давая сменовеховским вождям очухаться.

8. Кампания по поводу голода для этого крайне выгодна, ибо заостряет все вопросы на судьбе церковных сокровищ. Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии.

9. Во время этой кампании мы должны сменовеховским попам дать возможность открыто высказываться в определенном духе. Нет более бешеного ругателя, как оппозиционного попа. Уже сейчас некоторые из них в наших газетах обличают епископов поименно в содомских грехах и пр. Думаю, что следует разрешить им и даже внушить им необходимость собственного органа, скажем, еженедельника для подготовки созыва собора в определенный срок. Мы получим, таким образом, неоценимый агитационный материал. Может быть, даже удастся поставить несколько таких изданий в разных концах страны. Мы до завершения изъятия сосредотачиваемся исключительно на этой практической задаче, которую ведем по-прежнему исключительно под углом зрения помощи голодающим. Попутно расправляемся вечекистскими способами с контрреволюционными попами, ответственными за Шую, и пр.

10. К моменту созыва собора нам надо подготовить теоретическую и пропагандистскую кампанию против обновленной церкви... Просто перескочить чрез буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш. А для этого надо прежде всего

вооружить партию историко-теоретическим пониманием судеб православной церкви и ее взаимоотношений с государством, классами и пролетарской революцией.

11. Надо уже сейчас заказать одну программно-теоретическую брошюру, может быть с привлечением к этому делу М.Н. Покровского, если у него есть малейшая возможность...»

Первыми с этой запиской знакомились члены Политбюро, любопытно их мнение: «За – Молотов. За – Зиновьев. За – Калинин».

Сталин не высказывался ни «за», ни «против».

2 апреля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) утвердило «Практические предложения по изъятию ценностей».

Еще раз обращаю внимание на то, что Политбюро принимает меры по изъятию церковных ценностей для помощи голодающим. Троцкий же превращает это мероприятие в борьбу с Церковью вообще, с истреблением как старой, так (со временем) и обновленной «сменовеховской» церкви. Это и есть доведение антирелигиозной (по программе – мирной, агитационной) борьбы до абсурда, то есть, прикрываясь архикоммунистическими высказываниями, вызвать недовольство среди верующих и духовенства (старого и нового толка), чем противопоставить народ и священнослужителей правительству. А правительство, в свою очередь, будет вынуждено подавлять это сопротивление, т. е. истреблять верующих.

За выполнение директив Троцкого взялись с присущей им энергией и хорошей организованностью десятки тысяч бывших членов Еврейской коммунистической партии, принятых в ВКП(б) и только формально заявивших об отказе от своих сионистских постулатов.

Не нужно увеличительного стекла, чтобы разглядеть во всем вышесказанном сионистские намерения: а) уничтожить стоящую на их пути православную веру; б) озлобить народ против большевиков, якобы являющихся проводниками этой антирелигиозной террористической политики.

По предложению Троцкого для осуществления его антирелигиозной программы были созданы газета «Безбожник» и журнал «Воинствующий безбожник», а также «Центральный Совет Союза воинствующих безбожников», состав которого (и подчиненных ему редколлежий, и актива авторов) не вызывает сомнения в их не только троцкистской, но и сионистской направленности. Они вели повседневную широкую атаку на православную веру. Ложь, провокации, грубое надругательство над чувствами верующих, оскорбление священнослужителей – это хорошо организованная и оплаченная кампания.

В глубоком научном исследовании Н.А. Кривовой «Власть и церковь в 1922–1925 гг.» (Москва, АИРО-XX, 1997) сказано:

«Назначением М.И. Калинина – председателя официального высшего органа советской власти Президиума ВЦИК – председателем комиссии реализовывалась затея В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого прикрыть самовластие партии и ГПУ «легальными» органами власти.

В схеме Л.Д. Троцкого основной силой осуществления кампании в стране должна была стать разветвленная сеть секретных подготовительных комиссий на местах с параллельно существующими ширмами для прикрытия – официальными комиссиями... Создавалась двойная система особой конспирации, когда за плечами официальных комиссий советской власти действовал реальный механизм изъятия церковных ценностей в виде партийно-чекистских секретных комиссий Л.Д. Троцкого.

Разрабатывались методы организации агитационной работы, которую планировалось проводить неофициально, не объявляя ее, привлекая к ней лучших агитаторов. Главные ее цели – борьба с религией и церковью...

...23 марта 1922 г. утверждены на заседании Политбюро ЦК РКП(б) серии предложений Л.Д. Троцкого о мероприятиях по захвату ценностей, представляющих собой инструкции

по ведению пропагандистской кампании вокруг церкви. Их суть – прикрытие действительных целей кампании. Агитационное прикрытие...

Первое, что должно было сработать и ввести в заблуждение, это непосредственная передача средств голодающим. Л.Д. Троцкий выдвинул предложение «ассигновать немедленно миллион рублей в счет изъятых церковных ценностей для получения хлеба для голодающих», широко и демонстративно оповестив об этом как о первом ассигновании.

Под видом участия духовенства в работе по учету церковного богатства М.И. Калинину было велено привлечь лояльного епископа Антонина (Грановского) «как спеца» и опять же придать это широкой огласке. Фигура епископа была подобрана троцкистами удачно и не случайно. Он был человеком чудовищно честолюбивым, угрюмым, внутренне надломленным и больным...

Далее Л.Д. Троцкий беспардонно продиктовал 6 тезисов интервью М.И. Калинина, которое тот должен был дать печати от имени ВЦИК. Главной задачей М.И. Калинина было доказать официально распространяемую точку зрения, что изъятие ценностей не является борьбой с религией и церковью.

Следующая цель, которую Л.Д. Троцкий преследовал и пытался осуществить руками М.И. Калинина, касалась раскола. М.И. Калинин должен был публично объявить о том, что по вопросу изъятия ценностей духовенство разбивается на две группы. Первая, та, что лояльна властям, считает необходимым оказать голодающему народу помощь из церковных средств, которые созданы самим народом и ему, конечно же, принадлежат. А вот вторая «явно антинародная, жадная и хищная». Она заняла «враждебную позицию по отношению к голодающему крестьянству, тем самым заняла враждебное положение и по отношению к советской власти». Попытками опорочить российское духовенство в отказе помочь голодающим и объявить его преступным в контрреволюционной агитации против советской власти Л.Д. Троцкий рассчитывал поспособствовать расколу и восстановить против духовенства народные массы, поддержавшие сопротивление церкви проведению в жизнь декрета об изъятии, и направить их в лоно лояльной «обновленческой» церкви.

Кроме того, М.И. Калинин призван был разъяснить крестьянам голодающих губерний, широким беспартийным массам и красноармейцам, что это «по их инициативе возник декрет об изъятии ценностей». И что сейчас, несмотря на акты отчаянного сопротивления изъятию по всей России, «многомиллионные массы со всех сторон требуют полного и твердого выполнения декрета».

Партийная печать тут же ответила залпом статей. Вечером 25 марта 1922 г. в редакции газет «Известия», «Рабочий», «Коммунист», «Беднота», «Рабочая Москва» были направлены копии «беседы» с Председателем ВЦИК М.И. Калининым с «просьбой» напечатать ее уже 26 марта 1922 г. Тон «беседы» соответствовал прямым указаниям Л.Д. Троцкого ужесточить отношение к духовенству, и, несмотря на лицемерное отрицание основной цели кампании – разгрома церкви, призвать к открытой борьбе с ней.

Все бразды правления держал в своих руках «главный двигатель широкой операции по разгрому российской православной церкви Л.Д. Троцкий». («Архивы Кремля». Москва, 1997).

Ввиду болезни Ленина, Троцкий верховодил в Политбюро, он пресекал малейшие попытки сопротивления акции по уничтожению Русской Православной Церкви. Об этом свидетельствует такой факт.

По указанию Троцкого (и Ленина) в Шуе был проведен суд Ревтрибунала над двадцатью четырьмя священнослужителями. Четверо из них были приговорены к расстрелу.

Дальше привожу цитату из исследования Н.А. Кривовой «Власть и церковь в 1922–1925 гг.», в подтверждение объективности моего повествования: «Узнав о приговоре, М.И. Калинин на следующий же день 26 апреля 1922 г. телеграммой «вне всякой очереди» от имени

Президиума ВЦИК предложил Сессии Трибунала приостановить исполнение смертного приговора. Случай неординарный, несмотря на то, что ВЦИК безусловно обладал правом помилования. Пренебрегая установками В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и директивами Политбюро ЦК РКП(б), М.И. Калинин посмел ослушаться и выступить как Председатель Президиума ВЦИК».

Троцкий был взбешен этой непокорностью Калинина и поставил на Политбюро вопрос о недисциплинированности председателя ВЦИК, который не выполняет предыдущее решение Политбюро о том, что он обязан подписывать и выполнять все исходящее от Троцкого в борьбе с Православной Церковью.

Политбюро рассмотрело этот вопрос, осудило поведение Калинина, пригрозило ему взысканием и утвердило расстрельный приговор Ревтрибунала.

Ниже приведена выписка из протокола этого заседания Политбюро.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

о политике по отношению к церкви и о «недопустимости волокиты»

в исполнении расстрельных приговоров.

Из протокола заседания Политбюро № 8, п. 11

от 26 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

11. – О церкви

(предложение т. Троцкого).

а). Принять предложение т. Троцкого (см. материалы ЦК).

б). Указать т.т. Калинину и Енукидзе на недопустимость волокиты, проявленной ими в проведении в жизнь решения ПБ от 18. V. – с. г. (пр. [отокол] 7, п. 13) и предложить им выполнить его в течение сегодняшнего дня.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Калинин, видимо, знал о негативном отношении Сталина к репрессиям троцкистов против Церкви (в чем читатели убедятся через несколько страниц), поэтому Михаил Иванович просит защиты у Сталина.

Письмо М.И. Калинина в ЦК РКП(б) И.В. Сталину

о невыполнении на местах циркулярного письма

ЦК РКП(б) об отношении к религиозным организациям

8 июля 1924 г.

ЦК РКП

тов. СТАЛИНУ

Ни циркуляр ЦК РКП от 16/VIII-23 г., ни соответствующие указания ВЦИК, ни ряд инструкций 5-го отдела Н.К.Ю. не привели к спокойному проведению на местах церковных вопросов, что доказывается ежедневными обращениями во ВЦИК...

Я бы хотел, чтобы Вы, тов. Сталин, ознакомились с документами, дали бы от имени ЦК строгую директиву об обязательном проведении директив ЦК.

Между прочим, нарастает стремление захватить все большее количество храмов и обратно – растет сила сопротивления, нарастает раздражение широких масс верующих.

Необходимо предпринимать соответствующие меры.

При сем прилагаю сводку ГПУ и исключительный по всей важности документ, исходящий от коммунистов, без подписи.

М. Калинин.

Сталин к антирелигиозной акции троцкистов относился отрицательно, как видно из письма Калинина, он пытался снизить накал репрессий. Но в те годы Сталин не обладал еще такой властью, которая позволила бы ему открыто восстать против могучего тогда председателя Реввоенсовета Троцкого.

Страну захлестнула волна террора против священнослужителей и верующих, защищающих церковные ценности от изъятия. Судебные процессы были проведены в Москве (дважды), Смоленске, Петрограде, Казани, Астрахани, Царицыне и других городах. Всего только в 1922 году более 250 судебных процессов, в 1923 году больше 300, за два года осуждено 10 тысяч человек, из которых каждый пятый приговорен к расстрелу.

Калинин продолжал сопротивляться, он не только уклонялся от подписи расстрельных приговоров, но и выходил с ходатайством об их отмене. Троцкий продолжал насаждать на непокорного Михаила Ивановича – вот еще один документ, подтверждающий это:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Партия(Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.
Бюросекретариата

КАЛИНИНУ

2 августа 1922 г.

Протокол № 3 п. 5
Строго секретно

заседания Пленума ЦК РКП от 2/VIII-22 г. № 3.

ПОСТАНОВИЛИ:

5. а/ Отклонить ходатайство Президиума ВЦИК'а о пересмотре директивы ЦК по вопросу о полах.

б/ Считать необходимым интервью т. Калинина в печати по поводу нашей политики в церковном вопросе. Текст поручить составить комиссии из т.т. Троцкого, Калинина и Бубнова.

Секретарь Цека

Делегаты XII партсъезда, приехавшие с разных концов страны, выражая положение дел на местах, осудили грубые, репрессивные приемы антирелигиозной борьбы как не соответствующие программе партии.

Сталин, опираясь на мнение делегатов и решение XII съезда, издал:

Циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30

«Об отношении к религиозным организациям»

16 августа 1923 г.

Строго – Секретно

Экз[емпляр] №

**ВСЕМ ГУБКОМАМ, ОБКОМАМ, КРАЕВЫМ
К[ОМИТЕ] ТАМ, НАЦ[ИОНАЛЬНЫМ] ЦК и БЮРО ЦК.**

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ЦК РКП № 30

(Об отношении к религиозным организациям).

ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и к их культам.

Партийная программа говорит: «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Резолюция XII-го Партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения – не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков».

Между тем некоторые из наших местных организаций систематически нарушают эти ясные и определенные директивы партийной программы и партийного съезда...

Далее Сталин приводит многочисленные примеры надругательства над православными храмами и репрессий духовенства:

«Эти, и подобные им, многочисленные примеры с достаточной яркостью свидетельствуют о том, как неосторожно, несерьезно, легкомысленно относятся некоторые местные организации Партии и местные органы власти к такому важному вопросу, как вопрос о свободе религиозных убеждений. Эти организации и органы власти, видимо, не понимают, что своими грубыми, бестактными действиями против верующих, представляющих громадное большинство населения, они наносят неисчислимый вред советской власти, грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви и рискуют сыграть на руку контрреволюции.

Исходя из сказанного, ЦК постановляет:

1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений... по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое закрытие имело место – отменить немедленно;

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. путем голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группе верующих, которая заключила договор на помещение или здание;

3) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов, поскольку такая ликвидация допущена не в строгом соответствии с инструкцией НКЮ 1918 г. п. II;

4) воспретить аресты «религиозного характера», поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями «служителей церкви» и верующих;

5) при сдаче помещений религиозным обществам и определении ставок строжайше соблюдать постановление ВЦИКа от 29/III-23 г.;

6) разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих – гонения только укрепляют религиозные предрассудки, – а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии и пр.;

7) ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично.

ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно, однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.

Секретарь ЦК И. Сталин. 16/VIII-23 г.

Это было прямое противостояние Сталина Троцкому и защита Православной Церкви.

Ни съезд, ни Сталин не отмечают личную ответственность Троцкого и троцкистов за выявленные недостатки и отступления от программы партии, потому что все указания шли от имени председателя ВЦИК Калинина и Политбюро, а все фамилии реальных виновников погрома Российской Церкви, как известно, «во избежание шовинистических выпадов» были спрятаны, законспирированы.

Акцию против Русской Православной Церкви Троцкий и его единомышленники осуществили в полном объеме – они скомпрометировали большевиков в глазах верующих, репрессировали тысячи священников, разрушили, превратили в склады сотни церквей, породили раскол среди служителей Церкви, создав новую, «сменовеховскую», церковную иерархию.

Церкви и верующие были ограблены троцкистами нагло и безжалостно. Вот сколько изъято ценностей только до 1. 11. 22 г.

Сводная ведомость ЦК Последгол ВЦИК о количестве изъятых церковных ценностей

(4 ноября 1922 г.)

ВЕДОМОСТЬ

количества собранных церковных ценностей
по 1-е ноября 1922 г.

1. По телеграфным сведениям местных Комиссий по изъятию
ц(ерковных) ц(енностей) изъято:

1. Золото 33 п. 32 ф.
2. Серебра 23 997 п. 23 ф.
3. Бриллиантов 35 670 шт.
4. Пр(очие) др(агоценности) камни 71 762 шт.
5. Жемчуга 14 п. 32 ф.
6. Золотой монеты 3115 руб.
7. Серебрян(ой) монеты 19 155 руб.
8. Различ(ных) драг(оценных) вещей 52 п. 30 ф.

Всего изъято по приблизительному подсчету на сумму

4 650 810 р. 67 к.

Кроме указанных церковных ценностей, отобраны антикварные вещи в
количестве 964 пред(метов), которым будет произведена особая оценка.

/ЦК Последгол ВЦИК: А. Винокуров/

Все изъятые под предлогом помощи голодающим ценности в действительности пошли совсем на другие дела. Определенный процент – Троцкому, о чем сказано в постановлении Политбюро: «Реввоенсовет немедленно получит из числа драгоценностей на 25 миллионов рублей... сумма эта предназначена на мобилизационные запасы, не облагается налогом и при определении военной сметы не учитывается». И еще Троцкому шли огромные суммы на осуществление его главной мечты – разжигание мировой революции.

В письме Ленину, Красину, Молотову 23 марта 1922 года он требует денег немедленно: «...для нас важнее получить в течение 22–23 гг. за известную массу ценностей 50 миллионов, чем надеяться в 23–24 гг. получить 75 миллионов (для) наступления пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран...»

Самые ценные антикварные вещи после изъятия, под строгим наблюдением лично Троцкого, направлялись в Госмузей. Какая трогательная забота о ценностях русского искусства! Но эта забота сразу обретает иной смысл, когда читатель узнает – Госмузей возглавляла жена Троцкого, мадам Троцкая (Седова).

Большевики, захватив в начале 1920 года золотой запас империи, не нуждались в «церковных ценностях»; в этой кампании у троцкистов преобладала богоборческая цель, и вместо ожидаемых Лениным «сотен миллионов» или «миллиардов» золотых рублей они получили тысячную долю того: больше у Церкви не было.

Кроме того, «большевики» издали декреты о национализации всего достояния России, а также о конфискации имущества, золота и драгоценностей не только у Церкви, но и у буржуазии, чиновников, эмигрантов (декрет от 16. 4. 1920). Российские ценности (как пишет проф. Саттон) шли за границу целыми пароходами. До сих пор публиковались лишь неполные све-

дения об этой закулисной стороне ограбления нашего Отечества, но ясно, что в руках троцкистов-сионистов оказались огромные богатства, накопленные Россией.

Газета «Нью-Йорк Таймс» сообщала, например, что только за первые восемь месяцев 1921 г. США вывезли золота на 460 миллионов долларов, из них 102,9 миллиона приходится на фирму, основанную Шиффом – «Кун, Леб и К°».

Вспомните: именно этот сионистский босс финансировал Троцкого, когда тот отправлялся из Америки делать революцию. Теперь Шифф, Варбург и другие деньгодатели получали свои дивиденды.

Американские газеты не раз описывали (как и проф. Саттон) механизм «отмывания» награбленного золота: оно переплавлялось в Скандинавии и ввозилось в США с новыми клеймами. В частности, «директор шведского Монетного двора заявил, что в этом году (то есть с 1. 01 по 22. 04.1921) они переплавили 70 тонн золота стоимостью около 42 миллионов долларов США и большая часть этого золота ушла в США. На переплавленное золото ставились клейма шведского Монетного двора. Количество «большевицкого» золота, находящегося в настоящее время в стокгольмских банках, оценивается в сумму более 120 миллионов долларов США», – сообщил он.

Именно в 1921 году «Нью-Йорк Таймс» выносит на первую полосу заголовок «Золотой потоп в Пробринной палате» и сообщает: «В результате непрерывного потока золота со всех краев земли, сейфы правительственной Пробринной палаты оказались до отказа набиты золотом в брусках, полосах и монетах... в результате чего она была вынуждена приостановить прием и спасовать перед тем количеством, которое банкиры собирались вывалить перед ней для переплавки и сертификации».

О том, как продавались ценности за границей, видно из записки в Политбюро наркома внешней торговли Л.Б. Красина:

«Сейчас это дело стоит ниже всякой критики. Обыкновенно этот товар попадает в руки товарищей из Коминтерна, что абсолютная бессмыслица, так как людям, являющимся в данную страну по большей части нелегально и для работы, с такого рода торговлей ничего общего не имеющей, поручается продажа товара, на котором при современных условиях свободно могут проваливаться даже легальные профессиональные торговцы.

В лучшем случае продажа ведется по-дилетантски через случайных знакомых и по ценам значительно ниже тех, которые могли бы быть выручены при более деловой постановке сбыта.

Для продажи более крупных партий, подбираемых сейчас Гохраном, эти архаические методы уже совершенно недопустимы и опасны».

Таким образом, забота о голодающих, ради чего объявлялось изъятие церковных ценностей, отошла на десятый план.

Огромные суммы расходовались на возглавляемую Троцким агитационно-пропагандистскую работу (Луначарский) и на тайную и явную кампанию по расколу и разгрому Российской Православной Церкви.

Любопытна характеристика Троцкого той поры, которую дает в своей книге «Большой террор» Роберт Конквест – автор, очень недружественный к Советскому Союзу, компартии и особенно к Сталину:

«Троцкий, вместе с остальными членами Политбюро, препятствовал попыткам больного Ленина оказывать воздействие на текущие дела «с больничной койки». В последующих интригах Троцкий проявил себя отнюдь не прямым и последовательным, а как раз изворотливым и малодушным. Видный западный исследователь того периода, профессор Гарвардского университета Адам Улам, пишет, что изложение событий самим Троцким – это «жалкая полуправда с попытками игнорировать факты».

«Троцкий никогда не упускал случая скрыть или извратить факты в интересах политики, – продолжает Конквест. – Общая надежность его сочинений может быть оценена в свете

выдвинутого Троцким обвинения, что Сталин якобы отравил Ленина. Этому нет ни малейших доказательств, да и бросил Троцкий это обвинение только в 1939 году, через много лет после смерти Ленина, и после своего изгнания из страны», – уже сотрудничая с гитлеровцами, готовившими войну против СССР.

И далее у Конквеста сказано:

«Когда говорят о том, что Троцкий был привлекательной личностью, то имеют в виду, главным образом, его выступления на крупных митингах, его острые сочинения, его общественный вес. Но при всем том Троцкий отталкивал многих своим тщеславием, с одной стороны, и безответственностью, с другой и в том смысле, что он был склонен выдвигать «блестящие» замыслы и потом требовать их воплощения, невзирая ни на что, во что бы то ни стало.

Тщеславие Троцкого, в отличие от той же черты у Сталина, было более поверхностным. В Троцком было что-то театральное. В годы гражданской войны он показал себя очень жестоким, казнил людей больше, чем приписывают Сталину. Но даже в этом Троцкий выказывал черты позерства, этакого Великого Революционера, драматически и умело исполняющего жестокую волю Истории. Если бы Троцкий пришел к власти, то, несомненно, правил бы беспощадно, люди для него были материалом для достижения своих амбициозных, тщеславных целей».

Действия Сталина в эти годы можно считать дальновидными – он не мог открыто противопоставить себя Троцкому и его единомышленникам; тактика Сталина была выжидательная – сохранить себя и своих пока еще немногочисленных сторонников в руководстве партии для дальнейшей борьбы. Стратегические замыслы Сталина в религиозных делах проявятся позднее.

Сталин очень уважал Ленина и поэтому попытался микшировать его резкие антирелигиозные указания.

СОВ. СЕКРЕТНО
1793

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

12. 04. 1940 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

УКАЗАНИЕ

Все документы, имеющиеся в ЦК, связанные с ук. тов. Ленина В.И. № 13666/2 от 1 мая 1919 г. хранить в спецфонде и без личного распоряжения товарища СТАЛИНА никому не выдавать.

/ЗАВ. АРХЧАСТЬЮ ЦК

Позднее, укрепив свою власть и неоднократно победив оппозиционеров на съездах и пленумах, Сталин уже издает и такие документы, защищающие православие:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 1037/19

12 сентября 1933 г.

т. Менжинскому В. Р.

12.09.1933

В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества.

Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции ОГПУ обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древнего русского зодчества.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Таким образом, все обвинения Сталина в терроре против церкви и духовенства, выдвигаемые в публикациях перестроечного периода, бьют мимо цели. Эти обвинения следовало бы адресовать Троцкому и его соратникам-сионистам.

Вот документ, окончательно реабилитирующий Сталина в этом отношении.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 1697/13

11. 11. 1939 г. товарищу Берия Л.П.

Выписка из протокола № 98 заседания Политбюро ЦК от 11.11.1939 г.

Решение от 11 ноября 1939 года

Вопросы религии.

По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православноверующим ЦК постановляет:

1). Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2). Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666—2 «О борьбе с попами и религией», адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК – ОГПУ – НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православноверующих, – отменить.

3). НКВД СССР произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4). Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Если критики Сталина утверждают, что он был диктатором и единолично управлял страной, то давайте отметим как его личную заслугу освобождение многих тысяч священников и верующих, которых посадил в тюрьмы Троцкий, а после изгнания – его единомышленники. Вот еще один документ:

СЕКРЕТНО
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(большевиков)
СЕКРЕТАРИАТ
22. 12. 39 г.
товарищу СТАЛИНУ И.В.
224989

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
22 ДЕКАБРЯ 1939 г.
N 1227 «Б»
г. МОСКВА

СПРАВКА

Во исполнение решения ПБ ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года за № 1697/13 из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР освобождено 12 860 человек, осужденных по приговорам судов в разное время. Из-под стражи освобождено 11 223 человека. Уголовные дела в отношении их прекращены. Продолжают отбывать наказание более 50 000 человек, деятельность которых принесла существенный вред советской власти.

Личные дела этих граждан будут пересматриваться. Предполагается освободить еще около 15 000 человек.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

(Л. БЕРИЯ)

22 декабря 1939 г.

Такова правда, позволяющая снять со Сталина персональное обвинение в репрессиях против Российской Церкви и духовенства. О его сближении с Церковью в годы войны будет сказано в соответствующих главах.

О стратегии

В дальнейшем наше исследование будет касаться более детально стратегических вопросов, и поэтому необходимо для единообразного понимания определить, что такое стратегия.

Очень часто приходится читать в газетах и журналах суждения о стратегии авторов, абсолютно не понимающих ни сути, ни масштабов того, о чем они берутся рассуждать. Например, во время боев в Чечне можно было прочесть такие корреспонденции в газетах: «Наши войска захватывали стратегическую высоту (или мост) в районе поселка...» При этом суждения эти ведутся с апломбом, безапелляционно. В общем, «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

В свое время я прослушал курс лекций по стратегии в военной академии Фрунзе и на высших академических курсах Генерального штаба. Работая над этой книгой, еще раз прочитал труды (те разделы, в которых авторы рассуждают о стратегии) Наполеона, Мольтке, Клаузевица, Шлиффена, а также первого русского профессора стратегии, барона, генерала от артиллерии Н.В. Медема, который преподавал стратегию и военную историю в XIX веке, и, наконец, А.А. Свечина – военного ученого и теоретика советских времен, тоже читавшего курс лекций по стратегии в академии Генерального штаба, царского и советского генерала. Разумеется, еще раз проштудировал трехтомник маршала Шапошникова «Мозг армии» и др.

«Советский энциклопедический словарь» дает следующее толкование этого понятия:

«Стратегия военная, высшая область военного искусства. Охватывает вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне, ее планирование и ведение, исследует закономерности войны, разрабатывает способы и формы подготовки и ведения стратегических операций, определяет цели и задачи фронтам, флотам и армиям, распределяет силы по театрам военных действий и стратегическим направлениям. Стратегия военная тесно связана с политикой государства и вытекает из требований военной доктрины. Политика ставит перед стратегией военной задачи, а стратегия обеспечивает их выполнение. Стратегия военная связана с экономикой и зависит от экономического строя государства, уровня развития производства, от моральных возможностей народа...»

Очень упрощенно можно сказать: искусство полководца (или государственного деятеля) проявляется в способности усмотреть военную цель и указать путь к ее достижению. А умение обосновать это стратегически как раз и заключается в дальновидности, широте и глубине стратегического мышления, подкрепленного образованием и озаренного талантом, ибо способность стратегического мышления дана не каждому и встречается довольно редко.

Профессор Свечин пишет: «Искусство вождя не может быть изучено по учебнику... Учительницей политика или стратега может быть только сама жизнь, или ее отображение в истории».

Мне кажется, эти слова очень подходят нам и будут правильно направлять ход наших дальнейших суждений.

Сталин после смерти Ленина действительно создал, по выражению Свечина, «идеальный пьедестал», с которого видел «далекие горизонты»; очевидна полная его самостоятельность в гигантских стратегических проектах, как теоретических, так и при их осуществлении, потому что он вел страну и армию по неведомому прежней истории пути строительства нового социалистического общества.

Я уже сказал выше, что не берусь описывать всю многообразную деятельность Сталина, а намерен изложить дела и проблемы, которые в конечном итоге привели его к высокому званию Генералиссимуса.

В годы мирного строительства проявилось в теории и на практике стратегическое мышление Сталина, отметим только два гигантских свершения – индустриализацию и коллективи-

зацию, без которых Советский Союз остался бы беспомощным в капиталистическом окружении и был бы смят и уничтожен еще до нападения Гитлера, потому что представлял бы собой беззащитное в военном отношении пространство. Красная Армия с винтовками в сухопутных войсках и саблями в кавалерии не смогла бы отразить очередной крестовый поход армий Антанты (или других объединений), оснащенных несметным количеством самого современного вооружения.

Индустриализация за годы пятилеток дала стране возможность создать оборонную промышленность и современное вооружение – это стратегический расчет Сталина и далекая его прозорливость.

На XIV партконференции в апреле 1925 года Сталин заявил о том, что в СССР имеется все необходимое для осуществления ленинской программы построения социалистического общества.

На XII съезде, который проходил впервые без Ленина, Троцкий и его сторонники выдвинули свою капитулянтскую программу. Маскируясь революционной риторикой о мировой революции, они утверждали, что невозможно построить социализм в одной отдельно взятой стране и поэтому надо отдать в концессии иностранному капиталу ключевые отрасли промышленности, отменить монополию на внешнюю торговлю, закрыть, как нерентабельные, крупнейшие заводы – Путиловский, Брянский и др. В политически идеологическом плане Троцкий ратовал за свободу фракций и группировок. Предлагалось изгнать из партийного аппарата старых «педантов» и «классных дам», заменив их молодежью, ибо «молодежь – вернейший барометр партии». (Наверное, нетрудно уловить сходство этой программы с тем, что происходит в России в наши дни!)

Троцкий не имел самостоятельной программы революционных преобразований, его деятельность во все периоды строилась только на отрицании то ленинских, то сталинских программ и предложений. Он был не созидатель, а разрушитель, не революционер, а контрреволюционер. Таковы и все его последователи.

В докладе «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» на XV Всероссийской конференции ВКП(б) 1 ноября 1926 года Сталин в заключительном слове целый раздел назвал «Фокусы Троцкого, или Вопрос о «перманентной революции». Сталин прямо спрашивал:

– Что такое «перманентная революция»?

И коротко отвечал:

– Отрицание ленинской «теории социализма в одной стране».

Вот слова из его выступления «Жонглирование цитатами, или Троцкий фальсифицирует ленинизм»:

«Обратили ли вы внимание, товарищи, что вся речь Троцкого пересыпана самыми разнообразными цитатами из сочинений Ленина? Читаешь эти цитаты, вырванные из разных статей Ленина, и не понимаешь, чего больше добивается Троцкий: того ли, чтобы подкрепить ими свою позицию, или того, чтобы «поймать» тов. Ленина в «противоречиях»...

Он привел другую группу цитат, говорящих о том, что полная победа социализма невозможна без победы революции в нескольких странах, стараясь всячески жонглировать этими цитатами. Но он не понял или не хочет понять того, что нельзя смешивать в одну кучу полную победу социализма (гарантия от интервенции) с победой социализма вообще (построение социалистического общества), не понимая или не желая понять того, что эти цитаты из сочинений Ленина говорят не против партии, а за партию и против позиции Троцкого.

Но, приводя кучу всяких, не относящихся к делу цитат, Троцкий не захотел, однако, остановиться на основной статье Ленина о возможности победы социализма в одной стране (1915)...»

Теперь, спустя многие годы, когда обнажилась и роль Троцкого как подсадной утки в революционном движении, очень четко просматривается за его речами о «революции», «крас-

ным знаменем над всей Землей» продвижение главной тайной цели – вспомните, пожалуйста, основной постулат сионизма: миром должен владеть один, Богом избранный народ.

В годы, когда шла дискуссия «о перманентной революции», на 1/6 земного пространства им казалось – они уже были близки к осуществлению этой идеи. Троцкий сам пишет в книге «Моя жизнь»:

«В годы войны в моих руках сосредоточивалась власть, которую практически можно назвать беспредельной. В моем поезде заседал революционный трибунал, фронты были мне подчинены, тылы были подчинены фронтам, а известные периоды почти вся не захваченная белыми территория республики представляла собой тылы и укрепленные районы...

...Немудрено, если военная работа создала мне немало врагов. Я не оглядывался по сторонам, отталкивая локтем тех, которые мешали успехам...»

О том, кто конкретно и какие государственные и административные посты занимал, читателям известно из предыдущей главы.

В книге «Перманентная революция» Троцкий писал:

«Завершение социалистической революции в национальных рамках немыслимо... Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете».

Такова стратегия троцкизма.

Большинство партийных организаций при обсуждении речи Сталина поддержало его стратегическую программу. Но троцкисты сразу кинулись в трибунную драку. Главный тезис их возражений – социализм построить в одной стране невозможно.

В докладе на XIV съезде Сталин рассмотрел возможные линии развития народного хозяйства, предложенные оппозицией:

– Есть две генеральные линии: одни исходят из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять, по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует, по сути дела, свертывания нашей индустрии... Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализоваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

– Это не наша линия.

– Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, – вот в чем суть, основа нашей генеральной линии...

В этом Сталин видел надежную опору обороноспособности страны – «иначе нас сомнут»; его стратегическая дальновидность не нуждается в комментариях.

Сталин говорил, что существующие противоречия на пути строительства социализма должны быть преодолены и будут преодолены:

– Кто не верит в это дело – тот ликвидатор, тот не верит в социалистическое строительство. Эти противоречия мы преодолеем, мы их уже преодолеваем... И без помощи со стороны мы унывать не станем, караул кричать не будем, своей работы не бросим и трудностей не убоимся. Кто устал, кого пугают трудности, кто теряет голову, – пусть даст дорогу тем, кто сохранил мужество и твердость. Мы не из тех, кого пугают трудности. На то и большевики мы, на то и получили ленинскую закалку, чтобы не избегать, а идти навстречу трудностям и преодолевать их.

(В зале голоса: «Правильно!» – и аплодисменты.)

Содоклад Зиновьева был путаным, состоял в основном из цитат, набранных к месту и не к месту, и не содержал никакой положительной программы. Были выкрики с мест, что он в докладе «крохоборством занимался».

Выступление Каменева длилось более двух часов. Он высказал против партии и ЦК весь набор обвинений. Лишь в самом конце речи обнаружил главный замысел оппозиции: желание изменить руководство партии и в первую очередь убрать Сталина с поста генерального секретаря.

Посыпались выкрики делегатов с мест.

– Я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил товарищу Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба...

Поднялся шум, делегаты кричали: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чем дело!», «Раскрыли карты!» Лишь ленинградская делегация аплодировала Каменеву. Но весь зал встал и приветствовал Сталина.

Ворошилов попросил слова:

– Товарищ Сталин, являясь Генеральным секретарем, конечно, состоит членом Секретариата, но вместе с тем является членом Политбюро. Товарищи, к сожалению, не все присутствовали хоть когда-нибудь, хоть один раз на заседаниях Секретариата, Оргбюро и Политбюро. Но мы, члены Центрального Комитета, бываем на заседаниях Политического бюро, то есть того органа, который, по мысли товарища Каменева, должен стать выше всех органов, практически проводящих в жизнь решения нашей партии. Политику, товарищи, определяет наше Политбюро, а не один Сталин.

В заключительном слове Сталин не оправдывался:

– ...На личные нападки и всякого рода выходки чисто личного характера я не намерен отвечать, так как полагаю, что у съезда имеется достаточно материалов для того, чтобы проверить мотивы и подоплеку этих нападков... Партия хочет единства. И она добьется его вместе с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них – если они этого не захотят. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

– Единство, – продолжал Сталин, – у нас должно быть, и оно будет, если партия, если съезд проявит характер и не поддастся запугиванию. (Голоса: «Не поддадимся, тут народ стреляный».) Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, – это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича (аплодисменты), глупо об этом говорить.

Не получив поддержки своим нападкам на Сталина, глава делегации ленинградских коммунистов Зиновьев вместе с Каменевым предложил перенести работу съезда в Ленинград. Эту уловку делегаты раскусили. Съезд осудил раскольничью деятельность фракционеров. В ответ на это Зиновьев увел из зала ленинградскую делегацию. Вернувшись в Ленинград и дезинформировав многих местных товарищей, они добились принятия губкомом неслыханного, не имевшего прецедента решения – запретить обсуждение в парторганизациях материалов XIV съезда. Оппозиция препятствовала распространению в Ленинграде газеты «Правда». Ее идейным рупором стала газета «Ленинградская правда». 25 декабря она в своей передовой призвала к неподчинению решениям съезда.

В ответ съезд 28 декабря принял «Обращение ко всем членам Ленинградской партийной организации», в котором дал принципиальную оценку провокационной деятельности оппозиции.

При тайном голосовании по выборам нового состава ЦК партии против Каменева, Троцкого и Зиновьева голосовала одна треть делегатов съезда. «Похоже, что голосование на съезде партии пошло по национальному признаку», – заявил Зиновьев (Радомышельский).

Сталин опять был избран Генеральным секретарем, впервые в жизни сел в кресло председателя и открыл заседание высшего органа партийной власти. (До этого заседания Политбюро вел Каменев, председатель Совнаркома, по традиции, установившейся со времен Ленина.)

Сталин зря времени не терял. Через две недели после съезда, 18 января 1926 года, власть в Ленинграде перешла от Зиновьева к другу и единомышленнику Сталина Сергею Мироновичу Кирову. Зиновьев был освобожден от всех должностей. Вскоре в Москве от всех должностей был освобожден и Каменев.

Оппозиционеры, используя свободу слова, стали дружно выступать в средствах массовой информации против Сталина. Троцкий, Зиновьев и Каменев на стихийных митингах пытались дезорганизовать работу руководящего штаба партии, втягивали его членов в новые и новые бесконечные дискуссии, устраивали нелегальные собрания, создавали подпольные группы, распространяли фракционные документы.

6 июня 1926 года в лесу под Москвой было проведено собрание оппозиционеров. Побойлись о пароле, патрулях, других средствах конспирации. Был причастен к организации собрания Зиновьев, а кандидат в члены ЦК, заместитель председателя РВС СССР Лашевич на собрании призывал к борьбе с Центральным Комитетом.

В конце мая Сталин уехал в Грузию. 2 июня он отправился смотреть Земо-Авчальскую ГЭС – первенца гидростроения Закавказья. Осмотрев станцию, Сталин записал в Книге почетных посетителей на грузинском языке: «Да здравствует наше строительство и рабочие, техники, инженеры, работающие на нем!»

Вечером 3 июня Сталин побывал на спектакле Тифлисского государственного оперного театра. В антракте он беседовал с композитором Баланчивадзе о его опере «Тамар Цбиере» и вообще о грузинской оперной музыке. Сталин заметил, что влияние произведений русских композиторов, в особенности Чайковского, на творчество грузинских композиторов очень заметно, и это наиболее верный, плодотворный путь для грузинской музыки.

8 июня на собрании рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса, там, где он когда-то начинал путь революционера, Сталин выступил с речью о международном положении и внешней политике.

В Москву Сталин выехал 4 июля. Там его ждали важные дела.

На Пленуме ЦК 14–23 июля оппозиционеры вновь выступили против Сталина. В речи 22 июля он, отвергая требование Зиновьева отменить резолюцию X съезда «О единстве партии», показал, что линия троцкистско-зиновьевского блока не имеет ничего общего с ленинизмом, а требование свободы фракций и группировок тождественно лишению партии возможности руководить политической и экономической жизнью страны. Сталин подчеркивал:

– Партия может и должна допустить в своей среде критику, борьбу мнений. Но она не может допустить того, чтобы ее решения срывались, ее рамки ломались, основы единства разрушались...

Оппозиционеры опять подняли вопрос о «завещании Ленина». Они пытались использовать содержащуюся в этом письме критику особенностей характера Сталина, надеясь таким образом подорвать его авторитет.

Фракционеры распространяли «Завещание» Ленина (так они называли письмо) без соответствующих мест, в которых указывалось на небольшевизм Троцкого и предательское поведение Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года.

По поручению Политбюро Сталин зачитал на Пленуме полный текст письма Ленина «К съезду».

Прения на Пленуме были длительными и горячими. С разоблачениями оппозиционеров выступили С.М. Киров, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак и многие другие. Оппозиционеры получили серьезное предупреждение: Зиновьев был выведен из Политбюро,

Лашевич исключен из состава ЦК и снят с поста заместителя председателя РВС СССР, другие участники нелегального собрания в лесу под Москвой получили взыскания.

На заседании Политбюро 11 октября 1926 года Сталин говорил:

– Не подлежит сомнению, что оппозиция потерпела жестокое поражение. Ясно также, что возмущение в рядах партии против оппозиции растет.

Пленум ЦК в конце октября признал невозможным дальнейшее пребывание Зиновьева в Коминтерне, а Каменева и Троцкого – в составе Политбюро.

Борьба за армию

Постепенно укрепляя свои позиции в партии, Сталин с большим опасением воспринимал положение в армии, где полностью господствовал Троцкий – председатель Реввоенсовета СССР и народный комиссар по военным и морским делам. В годы гражданской войны Троцкий создал себе огромную популярность и власть. Почти на все руководящие командные и политические должности он назначил преданных ему людей.

Сталина военные знали как партийного руководителя, его влияние на армию было слабым.

В борьбе, которая шла между троцкистами и сталинцами, армия могла оказаться решающей силой. Сталин это понимал и в 1923 году сделал первую попытку ослабить позиции Троцкого. На очередном пленуме было предложено включить в состав РВС несколько членов ЦК, а также создать при председателе РВС исполнительный орган, в который входили бы члены ЦК (и Сталин в их числе).

Троцкий категорически возражал против этих предложений и даже обратился с письмом в Центральную Контрольную комиссию ЦК, в котором обвинил партийный аппарат во главе со Сталиным не в реформе Реввоенсовета, а в личных против него, Троцкого, происках – и вообще, Сталин допускает много серьезных просчетов в экономической и военной политике.

Оппозиция, наращивая демарш Троцкого против Сталина, послала в Политбюро «Заявление 46-ти». В нем сорок шесть видных военных и партийных деятелей поддерживали Троцкого.

Письмо было троцкистами размножено, разослано в партийные организации и воинские части и вызвало острую дискуссию.

Сталин не имел еще широкой поддержки в военных кругах, более высокое влияние у него было в региональных организациях. Он созвал (в октябре 1923 года) Пленум ЦК РКП (б), на котором изложил суть возникших противоречий как попытку Троцкого создать кризис в партии, подорвать ее единство. Пленум поддержал Сталина, осудил фракционеров, в том числе и «Заявление 46-ти».

Свой успех Сталин закрепил на XIII Всесоюзной партконференции в январе 1924 года, в ее резолюции фракционеров не только осудили, но потребовали «карать их сурово».

Однако сам Троцкий оставался на прежних руководящих постах в армии. Сталин стал искать возможность ослабить его влияние среди военных. Мощным оружием в руках Троцкого было Политическое управление Реввоенсовета, которое возглавлял Антонов-Овсеенко – верный соратник Троцкого, он призывал армейских коммунистов выразить недоверие ЦК, чем, по сути дела, игнорировал решения Пленума и Всероссийской конференции. Сталин, опираясь на эти решения, добился освобождения Антонова-Овсеенко от должности как фракционера.

Встал вопрос, кого назначить на этот важный и ответственный пост? Сталин посоветовался со своими единомышленниками Ворошиловым и Буденным.

– Может быть, Бубнова назначить? – спросил Климент Ефремович.

– Он же подписал «Заявление 46-ти», – возразил Сталин.

– Подписал, но он не троцкист, я его по гражданской войне хорошо знаю, – сказал Буденный, – наш мужик.

– Он не раз поддерживал оппозиционеров, – настаивал Сталин.

Ворошилов поддержал Буденного:

– Я тоже Бубнова знаю как честного коммуниста, не раз с ним откровенно говорил. После смерти Ленина он твердо стоит на наших позициях. А то, что он раньше с троцкистами являлся, даже хорошо: Троцкий не будет возражать против его назначения.

Сталин встретился с Бубновым, убедился в его лояльности. Для упрочения позиции нового начальника Политуправления была назначена комиссия ЦК с задачей – обследовать положение в армии. В комиссию были включены: А.А. Андреев (председатель), А.С. Бубнов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе, М.В. Фрунзе, Н.М. Шверник.

Сторонники Сталина провели глубокую и, прямо скажем, пристрастную ревизию в Вооруженных Силах, итоги обсуждались на февральском Пленуме ЦК 1924 года, они были буквально разгромными, в резолюции было отмечено об «угрожающих развалом армии» недостатках и дана установка на проведение широкого комплекса мероприятий по оздоровлению и укреплению Вооруженных Сил. Проводить в жизнь эти решения было поручено М.В. Фрунзе, назначенному заместителем Троцкого (вместо его сторонника Склянского). Фрунзе также был назначен по совместительству начальником штаба РККА и начальником Военной академии. Председателем Реввоенсовета пока оставался Троцкий, но в состав РВС СССР Сталин продвинул своих сторонников: Ворошилова, Буденного, Бубнова, Орджоникидзе. Вскоре Сталину удалось через новый состав РВС сменить командующего Московским военным округом – вместо троцкиста Муралева был назначен К.Е. Ворошилов.

Бубнов, укрепляя позиции сталинистов, работал очень активно и плодотворно, в мае 1924 года была создана комиссия под его председательством, она почистила преподавательский состав академий.

Но все же главная сила армии – ее воинские соединения и части – еще возглавлялись сторонниками Троцкого, особенно много их было среди комиссаров. Следовало найти способ избавиться от этой сильной прослойки в армии. И Сталин нашел хорошо обоснованный, законный, якобы подсказанный практикой повод. В его адрес поступила докладная записка, составленная четырнадцатью высшими военачальниками, среди них были герои гражданской войны: Дыбенко, Федько, Вострецов, Фабрициус, Гай и другие. Они предлагали немедленно ввести в Красной Армии единоначалие... т. е. упразднить институт комиссаров. Объяснили они это предложение тем, что комиссары выполнили свою миссию как политические руководители, теперь опытные командиры, в большинстве коммунисты, не нуждаются в опеке. Тем более что комиссары превратились в доносчиков и склочников, влезая в бытовые дразги.

По тому, как своевременно появилось это письмо, по его соответствию замыслу Сталина, по личностям подписантов (среди них не было ни одного троцкиста) можно предположить, что документ этот был инспирирован самим Генсеком. Предположение это подкрепляется еще и тем, что сам Сталин не стал принимать меры, а направил докладную в Политуправление – Бубнову – с просьбой изложить свои соображения.

Не знаю, по договоренности со Сталиным (чтобы усыпить бдительность Троцкого) или по своей инициативе (с той же целью) Бубнов сначала не согласился с предложением военачальников. Он мотивировал это тем, что однажды нечто подобное предпринималось самим Троцким в 1923 году, его приказом № 511 допускалось отсутствие комиссара даже при беспартийном командире. Тогда этот приказ был признан ошибочным и отменен. Поэтому Бубнов спрашивал: «Не исказим ли мы теперь линию партии?» Он опасался, что немедленное устранение комиссаров коснется многих и может вызвать взрыв недовольства, и предлагал постепенное проведение в жизнь единоначалия.

По сути дела это была игра слов, на деле Бубнов не возражал докладной 14-ти, а еще круче проводил в жизнь линию Сталина, потому что предлагал хорошо подготовить командиров-единоначальников в политическом отношении, что на практике означало не допустить в их число троцкистов.

В июне 1924 года была создана Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) под председательством Бубнова (!) с исключительными полномочиями по определению политических и деловых качеств командиров-единоначальников и всего начальствующего состава армии и флота. Основным методом работы комиссии и ее подкомиссий (не доверяя анкетам и бумагам) было

личное общение с военнослужащими в частях и учреждениях. При этом велась широкая разъяснительная работа через газеты, чтобы беспартийные командиры и комиссары, не стоящие на троцкистских позициях, не опасались за свое будущее: они могут стать полноценными единоначальниками.

Параллельно с этой очистительной работой проводилась широкая агитационно-пропагандистская работа – в частях снимались транспаранты и плакаты, изображающие Троцкого как «вождя Красной Армии», менялась тематика политзанятий (вместо темы «Троцкий – вождь Красной Армии» предлагалась «Вождь Красной Армии – РВС СССР». Позднее и это было заменено – на «руководство партией». Брошюра Бубнова «Воинская дисциплина и партийная организация» ставила все точки над «и», утверждая приоритет за парторганами в армии.

В ноябре 1924 года состоялось совещание начальников политорганов армии и флота (обновленных и очищенных), в резолюции совещания осуждался троцкизм и его намерение оторвать армию от партии, предлагалось поставить на Пленуме ЦК вопрос о снятии Троцкого с высоких постов. В январе 1925 года Пленум ЦК рассмотрел это предложение, поддержанное парторганизациями Москвы, Минска, Киева, Тбилиси, Баку и других городов, и освободил Троцкого от обязанностей председателя РВС и наркомвоенмора СССР. На эту должность был назначен М.В. Фрунзе, а его заместителем – К.Е. Ворошилов.

Сталин довел свою линию до полного логического конца: Политуправление было выведено из состава РВС и становилось Политуправлением РККА с правами отдела ЦК РКП(б). Его начальник А.С. Бубнов избран секретарем ЦК. Все связи армейских партийных организаций с местными партийными (гражданскими) комитетами ликвидированы. Отныне партийные органы армии подчинялись непосредственно ЦК и ее Генеральному секретарю Сталину.

Надо признать, эту гигантскую работу Иосиф Виссарионович осуществил в невероятно трудных условиях превосходства Троцкого и его оппозиции в армии и на флоте. Только тонкая и последовательная тактика Сталина и его сторонников привела к исторической победе. Отныне и до последнего вздоха Сталин был единоначальником Красной, а позднее Советской Армии и стал ее Генералиссимусом.

Все это он проделал, как поется в «Интернационале», «своею собственной рукой». Крепкая была рука, ничего не скажешь!

Однако, преодолев культ Троцкого, партия не избавилась от этой болезни, которая постепенно переросла в культ Сталина. Что было, то было, нельзя и не надо это отрицать. Началось преувеличение военных заслуг Сталина статьей Ворошилова «Сталин и Красная Армия», которая была опубликована в 1930 году. В ней Сталину приписывалась руководящая роль в создании Красной Армии, что не соответствовало действительности. Участие его на фронтах в годы гражданской войны преувеличенно преподносилось как события главные, решающие.

Продолжил это недоброе дело (в конечном счете не возвышающее, а компрометирующее Сталина) Мехлис, который, будучи главным редактором «Правды», год от года наращивал хвалебный накал в центральном печатном органе ЦК.

Сталин в беседах с писателями и журналистами иронизировал над этими безмерными комплиментами в свой адрес, но решительных мер против разгорающегося культа своевременно не принял, за что позднее получил вполне справедливые упреки и осуждения.

Коллективизация

На моем столе лежат четыре тома «Архивов Троцкого», в них собраны документы 1923–1927 гг., относящиеся к «Коммунистической оппозиции в СССР». Троцкий вывез их из нашей страны, а в августе 1940 года продал Гарвардскому университету.

Из огромного архива Троцкого в эти 4 тома собраны копии постановлений Политбюро, различные «обращения» Троцкого и письма к нему, всё имеющее отношение к борьбе за власть в советском руководстве в тридцатые годы.

В этих документах ставились какие-то вопросы или отрицались уже решенные на пленумах и съездах. На деле это приводило к бесконечной дискуссии, запутывало и мешало работать. Все устали от бесполезных дебатов. Но Троцкий выступал за продолжение фракционной борьбы. 3 октября 1926 года он написал пространную специальную статью «Нужна ли дискуссия?» Привожу выдержки из нее, с большими сокращениями.

Нужна ли дискуссия?

Сейчас ведется в партии неистовая борьба сверху против дискуссии вообще. «Правда» доказывает в статьях, что дискуссия вредна и опасна. Но никто не указывает, как же иначе решить спорные вопросы...

«Правда» и ораторы, выступающие против дискуссии, говорят: все эти вопросы уже решены партией, XIV съездом, пленумами ЦК и пр. Но вся суть в том, что после XIV съезда прошло уже десять месяцев.

Далее Троцкий совершенно игнорирует уставное положение партии о том, что принятые на съезде решения (после коллективного обсуждения) должны выполняться всеми членами партии, а не обсуждаться.

Троцкий на двух страницах опять перечисляет и ставит вопросы, по поводу которых все уже наговорилось сверх меры.

Лев Давидович не забывает, что есть определенная дисциплина в партии:

Можно сказать, что меньшинство Центрального Комитета должно подчиняться большинству. Это совершенно бесспорно. Можно утверждать, что такие-то члены Центрального Комитета нарушили дисциплину. Их за это можно подвергнуть взысканию. Но это не снимает вопроса о партийном съезде. Вопрос идет о том, чтобы дать возможность партии проверить свои старые решения в свете новых фактов, нового опыта.

Вся беда в том и состоит, что некоторые товарищи и, в частности, редакция «Правды» рассуждают так, как если бы кто-то мог вынести решение без партии. Дискуссия, говорят они, вредна и опасна. Но ведь это значит попросту, что вредно и опасно обсуждение партией спорных вопросов. Как же быть в случае разногласий? На этот вопрос никакого ответа нам не дают. Надо принять все меры к тому, чтобы обеспечить правильный партийный курс дискуссии. Но кто хочет обойти дискуссию, тот тем самым хочет обойти партию. За партию решать вопроса никто не может. Дискуссировать надо не о дискуссии, а об основных жизненных вопросах, от которых зависит судьба пролетариата и социалистического строительства в нашей стране.

Л. Троцкий

Октябрь 1926 г.

Даже в сокращенном виде статья дает представление о Троцком как умелом полемисте. Дискуссии и споры продолжались. Троцкий направил письмо председателю ЦКК Орджоникидзе, в котором ставил вопрос об обороне СССР. Он требует замены руководства в партии потому, что в стране наступил термидор.

Термидор – некалендарный месяц республиканского календаря Франции (19 июля – 18 августа), месяц переворота, сломившего диктатуру Робеспьера. Это был переломный момент политической борьбы во Франции, в результате которого был свален абсолютизм.

Троцкий, продолжая обвинять Сталина в захвате абсолютной власти, настаивает на том, что для спасения партии пришло время термидора, то есть отстранения Сталина от руководства.

В своем двухтомном сочинении «Сталин» Троцкий на протяжении многих страниц пытается доказать, что Сталин был по своим способностям серой посредственностью, плохим оратором не только из-за невысокой образованности, но еще будучи постоянно скованным слабым владением русским языком.

Мне кажется правомерным не опровергать это утверждение Троцкого голословно, а привести отрывок из выступления Сталина в те дни.

Сталин употреблял пословицы, шутил, был склонен к сарказму, даже некой издевке над оппонентами. Вот как он характеризует выступление Каменева на конференции:

– Каменев взял на себя «труд» доказать, что основная статья Ленина (1915 г.), трактующая о возможности победы социализма в одной стране, не касается будто бы России, что Ленин, говоря о такой возможности, имел в виду не Россию, а другие капиталистические страны. Каменев взял на себя этот сомнительный «труд» для того, чтобы прочистить, таким образом, путь Троцкому, «схему» которого убивает, и не может не убивать, статья Ленина, написанная в 1915 году.

– Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого (смех), прочищающего ему дорогу. Конечно, печально видеть директора Института Ленина в роли дворника у Троцкого не потому, что труд дворника представляет что-либо плохое, а потому, что Каменев, человек, несомненно, квалифицированный, я думаю, мог бы заняться другим, более квалифицированным трудом. (Смех.) Но он взял на себя эту роль добровольно, на что он имел, конечно, полное право, и с этим ничего не поделаешь...

Далее Сталин уже серьезно, без шуток, а фактами и ссылками на работы Ленина доказал беспочвенность устремлений «дворника» Каменева и «хозяина» Троцкого.

Закончил он так:

– Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле (смех), и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле. Но одно все-таки надо признать, что Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых «мелочей». Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту «мелочь», что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели. Этого они не слышали. (Голоса: «Правильно!»)

– Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. (Смех.)

– Отсюда мой совет: уважаемые оппозиционеры, лечите свои уши! (Продолжительные аплодисменты.)

Вместо того чтобы решать народнохозяйственные задачи и выполнять решение съезда об индустриализации, оппозиционеры продолжали расшатывать единство партии, навязывали всякие дискуссии, дискредитировали ЦК и Сталина. В сентябре 1927 года они направили в ЦК ВКП(б) «Платформу 13». Она называлась так потому, что ее подписали тринадцать троцкистов, в том числе Каменев, Зиновьев, Троцкий и другие. Платформа представляла собой

программу на многих страницах, официально она называлась «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция) к XV съезду ВКП(б)», в скобках («Кризис партии, пути его преодоления»). Почти на ста страницах в двенадцати разделах излагались подробно вопросы международные, народнохозяйственные, партийные и главное – борьба за власть и смещение Сталина.

Платформа представляла собой очень путаный документ, в котором правильные партийные положения были перемешаны с троцкистскими взглядами. Была в ней и подтасовка, и ложь – лишь бы привлечь на свою сторону широкие массы членов партии перед съездом.

Вот, например, как ради компрометации Сталина приписывались совершенно чуждые ему методы преобразований в деревне (цитирую по «Архиву Троцкого», т. 4, стр. 125):

Аграрный вопрос

и социалистическое строительство

«Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин, 1920 год, т. XVII, стр. 118). Или пролетарское государство, опираясь на высокоразвитую промышленность, сумеет преодолеть техническую отсталость миллионов мелких и мельчайших хозяйств, организовав их на началах крупного производства и коллективизации, или капитализм, закрепившись в деревне, будет подтачивать основы социализма и в городах...

Опора на Ленина должна была привлечь коммунистов на сторону оппозиционеров. О том, что именно этим руководствовался и Сталин, умалчивается. Наоборот, в последующих абзацах Сталин преподносится как ярый антиленинец и единомышленник Бухарина.

Ревизия ленинизма в крестьянском вопросе идет со стороны группы Сталина – Бухарина по следующим главнейшим линиям:

1. Отход от одного из основных положений марксизма о том, что только мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство на началах коллективизма. (А Сталин был именно за это! – В. К.).

2. Недооценка батрачества и деревенской бедноты, как социальной базы диктатуры пролетариата в деревне. (И это Сталин утверждал! – В.К.).

3. Ставка в сельском хозяйстве на так называемого «крепкого» крестьянина (то есть, по существу, на кулака. Никогда этого Сталин не говорил! – В.К.).

4. Игнорирование или прямое отрицание мелкобуржуазного характера крестьянской собственности и крестьянского хозяйства, что обозначает отход от позиций марксизма к теориям эсеров.

5. Недооценка капиталистических элементов развития нынешней деревни и затушевывание расслоения крестьянства.

6. Создание усыпляющей теории, будто «кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры». (Это утверждал Бухарин: «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», стр. 49, – но опять приписывали Сталину. – В.К.).

7. Курс на вращение «кулацких кооперативных гнезд в нашу систему». (Бухарин, там же, стр. 49. – В. К.). Проблема ставится так, что нужно развязывать хозяйственные возможности зажиточных крестьян, хозяйственные возможности кулаков. (Никогда Сталин этого не говорил. – В. К.).

Вот такое прямое провокационное жульничество против Сталина было замаскировано и в других разделах. Свою платформу оппортунисты требовали опубликовать для предсъездовской дискуссии.

Им было отказано, тогда они создали подпольные типографии в Москве, Харькове, Ленинграде и стали сами печатать эту платформу и другие материалы. Таким образом, оппозиционеры не только нарушали партийную дисциплину, но и советскую законность. В Москве была обнаружена нелегальная типография, созданная Мрачковским. Его арестовали. Троцкий стал защищать, публично солидаризировался с подпольщиками, хвалил их, называя честными борцами.

21—23 октября объединенный Пленум ЦК и ЦКК рассмотрел вопрос об оппозиции. Был заслушан доклад о фракционной деятельности Троцкого и Зиновьева. Состоялись прения, предоставили возможность высказаться и оппозиционерам. Они повторяли свои заученные обвинения в адрес партии и ее руководства.

Выступая на пленуме, Сталин сказал:

– Прежде всего, о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко. И вот они направляют удар, прежде всего, против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье...

– Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушить партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности...

Оппозиционеры вновь подняли вопрос об утаивании «завещания», о критических замечаниях Ленина в адрес Сталина. Сталин доказал, что и речи не могло быть об «утаивании» от партии этого письма Ленина:

– Говорят, что в этом «завещании» товарищ Ленин предлагал съезду, ввиду «грубости» Сталина, обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании Пленума ЦК после XIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

– Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться...

Пленум рассмотрел вопрос о подпольной фракционной работе Троцкого и Зиновьева, вывел их из состава ЦК. Но они не только продолжали дискуссии, а начали прямые выступления. 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октября, оппозиционеры организовали свои контрманифестации в Москве и Ленинграде. Милиция спасла оппозиционеров от гнева рабочих, иначе их просто-напросто избили бы.

2 декабря 1927 года открылся XV съезд партии. В отчетном докладе Сталин говорил о главном: успешно осуществлялась программа индустриализации – создана угольно-металлургическая база страны, строятся Сталинградский тракторный, Уралмашстрой, Днепрострой, Магнитогорскстрой, Кузнецкстрой, Ростовский сельмашстрой, Саратовский комбайнстрой, автомобильные заводы в Горьком и в Москве, Турксиб, идут и многие другие, менее масштабные стройки. И все это без иностранных кредитов! Трудности были огромные: недоедали, недосыпали, жили в бараках, – но энтузиазм был великий – верили в светлое будущее, верили Сталину, одобряли его политику.

Сталин указал на отставание сельского хозяйства от промышленности и наметил выход из этого угрожающего всему народному хозяйству положения.

– Выход, – говорил Сталин, – в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники.

– Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия.

– Других выходов нет.

Вспомните, что приписывали Сталину в аграрном вопросе оппозиционеры в приведенной выше цитате из «Архива Троцкого».

XV съезд вынес решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. В то же время съезд дал директиву о составлении первого пятилетнего плана народного хозяйства. Так в самый разгар создания социалистической индустрии Сталиным была намечена новая грандиозная задача – коллективизация сельского хозяйства.

Был в докладе Сталина и раздел «Партия и оппозиция». Приведу отрывки из стенограммы, в них видны итоги предсъездовской дискуссии и отношение делегатов.

– Вы спрашиваете: почему мы исключили Троцкого и Зиновьева из партии? Потому, что мы не хотим иметь в партии дворян. Потому, что закон у нас в партии один, и все члены партии равны в своих правах. (Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.)

– Если оппозиция желает жить в партии, пусть она подчиняется воле партии, ее законам, ее указаниям без оговорок, без экивоков. Не хочет она этого – пусть уходит туда, где ей привольнее будет. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.) Новых законов, льготных для оппозиции, мы не хотим и не будем создавать. (Аплодисменты.)

– Спрашивают об условиях. Условие у нас одно: оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном и в организационном отношении. (Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.)

– Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром. (Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.)

Много написано о коллективизации, о репрессивных методах. Особенно этим занимались троцкисты. Конечно, были на местах, в провинции не очень образованные коммунисты, которых назначали на различные должности, благодаря пролетарскому происхождению и горячим выступлениям (искренне) за революцию. Они нажимали, принуждали, а шибко непокорных репрессировали. Эти заблуждающиеся по своей политической малограмотности по сути дела помогали троцкистам, озлобляли народ против большевиков-сталинцев, которые якобы и проводили эту репрессивную коллективизацию. Что было, то было, нельзя отрицать нажима, принудительных мер, да и арестов и ссылок. Сотни тысяч людей пострадали от крутых мер при создании колхозов. Но был ли другой путь? И кто проводил репрессии?

Ответим на первый вопрос.

Сталин помнил, какие огромные, порой катастрофические, трудности испытывала страна, и особенно армия, в годы гражданской войны из-за нехватки хлеба. Не раз вставал вопрос – быть или не быть молодой республике. Собрать хлеб у единоличников было делом очень хлопотным: продразверстки, налоги, просто силовые поборы отталкивали крестьян от партии, а в основе ее политики лежал постулат – союз рабочих и крестьян. Какой же это союз, когда один «союзник» из города приходит на село с винтовкой и отбирает хлебушек?

В годы «военного коммунизма» это еще как-то можно было объяснить. В мирное же время, и особенно в будущем, следовало искать другой путь. Сталин и его соратники нашли его в коллективизации сельского хозяйства, которая позволяла, благодаря применению техники, удобрений, высокой организации труда, повысить продуктивность, но что особенно важно – планомерно распределять и перераспределять зерно и другие продукты в случае неурожая в каких-то районах. И опять подчеркну стратегическую дальновидность Сталина: плановое, централизованное ведение сельского хозяйства позволяло создавать стратегические запасы, а в случае войны – бесперебойно снабжать армию продовольствием. Сталин постоянно напоминал о капиталистическом окружении и угрозе войны.

Теперь ответим на второй вопрос.

Практическое осуществление коллективизации шло очень болезненно, веками приросшие к своей земле крестьяне не хотели объединяться в колхозы. Если беднота после некоторого колебания шла на объединение с другими (терять-то нечего), то середняки, и особенно кулаки, отказывались обобществлять свои хозяйства. Вот и появились нажим, отклонение от намеченной программы добровольного вступления в колхоз.

Сегодня все перегибы и репрессии в период коллективизации приписывают Сталину. Однако документы и факты не подтверждают этого. Нет ни одного выступления, в котором Сталин призывал бы к крайностям и силовым методам. Напротив, известно немало документов, написанных Сталиным или разработанных при его личном участии и свидетельствующих об обратном.

Так, 30 января 1930 года крайкомам и обкомам ВКП(б) зерновых районов страны была направлена директива ЦК за подписью Сталина, в которой местных работников предупреждали: «С мест получают сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии».

2 марта 1930 года была опубликована знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой допущенные ошибки и перегибы резко осуждались.

Почему же было так много искривлений на местах? Почему о коллективизации остались такие неприятные, негативные воспоминания?

Придется нам опять взглянуть на подводную часть айсберга. На поверхности: все коммунисты произносили нужные речи, агитировали за колхозы. Но действительность постоянно напоминала о том, что не все коммунисты одинаковы на деле. Оппозиция в период коллективизации, как и прежде, применяла тактику компрометации большевиков путем доведения до абсурда решений съезда и указаний ЦК. Оппозиционеры распространяли слухи и сплетни о том, что в колхозах все будет общее, даже жены, которых будут отпускать во временное пользование по талонам или карточкам. Спать колхозники будут под общими одеялами. Сочинялись и прочие пугающие нелепости. Обобществление проводили вплоть до кур и мелкой жив-

ности. Все это людей отвращало, отталкивало от вступления в колхозы, чего и добивались оппозиционеры.

Абсурдность достигалась сверхреволюционными перегибами или, наоборот, вселением недоверия, порождением упаднических настроений. Сталин видел это двурушничество оппозиционеров и на пленуме в ноябре 1928 года говорил:

– Если, например, правые говорят: «Не надо было строить Днепрострой», а «левые», наоборот, возражают: «Что нам один Днепрострой, подавайте нам каждый год по Днепрострою» (смех), – то надо признать, что разница, очевидно, есть.

– Если правые говорят: «Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться», а «левые», наоборот, возражают: «Бей не только кулака, но и середняка, потому что он такой же частный собственник, как и кулак», – то надо признать, что разница, очевидно, есть.

– Если правые говорят: «Наступили трудности, не пора ли спасовать», а «левые», наоборот, возражают: «Что нам трудности, чихать нам на ваши трудности – летим всюду вперед» (смех), – то надо признать, что разница, очевидно, есть...

Как выяснилось позднее, оппозиционеры перешли в годы коллективизации к активным контрреволюционным действиям. Используя недовольство кулаков и отчасти середняков, троцкисты, бухаринцы и прочие стремились разжечь гражданскую войну путем организации восстаний. Вот что показал об этом на суде Рыков.

Рыков: – Мы с Бухариным выступали открыто, об остальных я не могу сказать – были ли открытые выступления в защиту программы правых.

– В этот период так называемой открытой борьбы, наряду с легальной, открытой борьбой сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Создался он сам по себе, потому что мы трое принадлежали к одному составу Политбюро. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр удержался и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

– Нелегальная работа заключалась в том, что такие же группы в тот период – с 1928 по 1930 год – стали создаваться и на территории Союза.

– Главными составными частями того, что вошло в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности, со своими учениками, с его «школой», потом я с целым рядом своих сторонников, затем Угланов с группой своих сторонников из москвичей. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шло накопление этой организации и использование открытых выступлений для вербовки сторонников и создания определенной популярности организации.

– В этих целях, в целях борьбы с партией, мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию. После того как было вынесено решение съезда партии о несовместимости взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

– Таким образом, с 1930 года контрреволюционная организация была нелегальной на 100 процентов, ее работа была построена на обмане партии.

Вышинский: – Так что, обман партии – это была широко практиковавшаяся вами система?

Рыков: – Да, конечно, это была система, которая практиковалась очень широко.

(После словесных баталий, в которых, как говорит Рыков, троцкисты успеха не имели, они перешли к активным действиям.)

Рыков: – Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание, как в связи с большим удельным весом казачества и зажиточного крестьянства и специфическими традициями, так и ввиду его политического и хозяйственного значения, как области, граничащей с

Украиной, имеющей большое количество национальных республик и дающей большое количество хлеба.

– Туда в 1932 году ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении, так как оно развивалось там довольно сильно. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора со мной, с целью, как я уже сказал, всемерного обострения кулацкого движения на Северном Кавказе и содействия его распространению. После этого он мне сообщил, что связался с Пивоваровым, и туда, кроме Эйсмонта, был послан Слепков, один из видных членов бухаринской организации. Он был послан с ведома и по инициативе Бухарина.

Вышинский: – С ведома Бухарина?

Рыков: – По его инициативе, по-моему, Бухарин не будет от этого отказываться. Я послал Эйсмонта и Смирнова, а он послал Слепкова.

Вышинский: – С какими конкретными заданиями поехал Слепков?

Рыков: – Подробные задания давал Бухарин, но основное задание было, как я уже сказал, – всемерное обострение недовольства кулаков, вплоть до всякого рода открытых выступлений.

Вышинский: – То есть, иначе говоря, для организации кулацких выступлений, кулацких восстаний?

Рыков: – Конечно. Я это и сказал. Только в тех случаях, когда нет данных для вооруженных выступлений, тогда устраивать невооруженные выступления.

Вышинский: – Бухарин давал задание?

Рыков: – Бухарин давал с нашего ведома, так что я считаю себя за это полностью ответственным.

Вышинский: – Что вы скажете, подсудимый Бухарин?

Бухарин: – Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор Рыков. Слепков посылался на Северный Кавказ именно для этой цели.

Вышинский: – Вопрос о «повстанческой ориентации». Что это такое – «повстанческая ориентация»?

Бухарин: – Это означает, что во всякой линии есть стратегия, тактика, организации и так далее. Повстанческий отряд – это есть категория организации, а не категория стратегии и даже не категория тактики. В своей терминологии я обычно различаю это, потому что мне кажется, что это можно различать...

Вышинский: – Понятно, можно. Но я спрашиваю: в вашей деятельности была линия на повстанческое движение? Это вы называете «повстанческая ориентация»?

Бухарин: – Да. Тактика.

Вышинский: – А организация повстанческих отрядов вытекала из этой тактики?

Бухарин: – Да, она вытекала...

В зарубежной печати были предположения, что подсудимые высказывали признания своей вины под влиянием каких-то психологических или даже лекарственных средств. Что обвиняемые выглядели подавленными. Это не соответствует тому, что происходило в действительности. Вот пример, в какой резкой форме отвечал Бухарин.

Вышинский: – Иванов это говорит, а вы утверждаете, что прямых директив вы Иванову не давали, но у вас была «повстанческая ориентация».

Бухарин: – Совершенно понятно, что из этой ориентации вытекают для практика и соответствующие выводы. Если я делаю такую ориентацию, то я отвечаю и за выводы, которые мною не сказаны. Так что с точки зрения криминала я прошу судить меня и за то и за другое, я отвечу.

Вышинский: – Судить и без вашего ходатайства мы будем.

Бухарин: – Совершенно верно, и без моего ходатайства. Я не считаю место и время особенно удобными для острот. Остричь я тоже способен...

Вышинский: – Я не думаю остричь и с вами состязаться в этом отношении. Я только хочу сказать, что ваше ходатайство не имеет существенного значения, ибо вас будут судить независимо от ваших ходатайств.

Бухарин: – Это я даже без компетентных разъяснений знаю, гражданин прокурор.

Вышинский: – Если вы знаете, то напрасно говорите это. Я вас спрашиваю иное: вы, следовательно, признаете, что показания Иванова в части линии ориентации на повстанческое движение – правильны?

Бухарин: – Да, гражданин прокурор.

Вышинский: – В какой форме вы ориентировали Иванова относительно ваших повстанческих планов?

Бухарин: – Я ориентировал Иванова исключительно в форме стратегии и тактики.

Вышинский: – А если говорить без этих слов – стратегия и тактика?

Бухарин: – Я говорил, что теперь наступил такой период, когда необходимо перейти к массовой тактике, поддержке повстанческих кулацких движений и так далее.

Вышинский: – Вот я и хотел это установить. Вы признаете, что вы говорили с Ивановым о том, что надо поддерживать повстанческие, всякого рода кулацкие движения?

Бухарин: – Признаю.

Вышинский: – Стало быть, весной 1932 года по прямому заданию центра, и в частности Рыкова и Бухарина, направляется на Северный Кавказ один из ваших ближайших соучастников по подполью Слепков для всемерной, как сказал Рыков, организации кулацких выступлений. Правильно это?

Бухарин: – Я уже сказал, что подтверждаю от первого до последнего слова все то, что сказал здесь Рыков.

Вышинский: – Следовательно, вы послали Слепкова для организации кулацких восстаний на Северном Кавказе?

Бухарин: – Следовательно, послал для того, чтобы поднять восстание.

Вышинский: – Теперь можно перейти к Сибири...

В Сибири оппозиционеры проводили аналогичные «мероприятия».

Наряду с организацией массовых повстанческих вспышек, оппозиционеры вели широкую кампанию по возбуждению недовольства среди крестьян. якобы руководствуясь решениями партии о проведении коллективизации и демонстрируя свое деловое рвение в этом направлении (а на самом деле, опять-таки, доводя до абсурда), троцкисты и сионисты (вспомните влитых в РКП(б) членов еврейской компартии – они теперь были секретарями горкомов, райкомов, прокурорами, судьями), желая озлобить и натравить народы против большевиков и особенно против Сталина, репрессировали не только кулаков, но середняков и бедняков, которые неосторожным словом обмолвились о коллективизации или о тех же перегибщиках, извращающих добрые начинания партии.

Троцкисты и сионисты провели настоящий геноцид по отношению к местному населению по всей стране. Тысячи русских, украинцев, белорусов, татар и других народов отправлялись в тюрьмы и лагеря. По сей день коллективизацию вспоминают почти в каждой сельской семье недобрым словом. Всё это лежит на совести оппозиционеров.

Вот неполный список виновников тех массовых репрессий против крестьянства. Привожу только руководящую верхушку оппозиционеров, более широкий слой палачей на местах еще предстоит выявить и обнародовать другим исследователям.

Комиссариат внутренних дел (ОГПУ):

Комиссар – Ягода Г.Г.
Помощник – Агранов Я.С. (Сорензон)
Начальник Главного управления милиции – Бельский Л.Н.
Начальник Главного управления лагерей и поселений – Берман М.Д.
Заместитель – Раппопорт С.Г.
Начальник Беломорских лагерей – Коган Л.И.
Начальник Беломорско-Балтийского лагеря – Фирин С.Г.
Начальник Главного управления тюрем – Апетер

Уполномоченные ОГПУ:

Азербайджана – Пуринс
Винницкой области – Соколинский
Дальневосточного края – Дерибас Т.Д.
Западной области – Блат
Казахстана – Золин
Киевской области – Балицкий В.А.
Ленинградской области – Заковский
Московской области – Реденс
Оренбургской области – Райский
Северо-Кавказского края – Фридберг
Смоленской области – Нельке
Средней Азии – Пилер
Сталинского края – Раппопорт
Таджикистана – Солоницин
Узбекистана – Круковский
Харьковской области – Карлсон

Видные работники ОГПУ – НКВД:

Абрамович А.А.
Иогансон Е.Г.
Абрампольский Г.Я.
Кац Ф.М.
Баумгарт В.С.
Кацнельсон З.Б.
Берман М.Д.
Кладовский Г.П.
Вайнштейн А.М.
Кудрик Л.М.
Вейцман И.Г.
Курин М.С.
Вейцман М.М.
Курмин Ф.М.

Водарский Е.А.
Лебель М.И.
Вольфзон Я.Ф.
Мейер Л.Н.
Вуль Л.Д.
Минкин А.Г.
Гиндин С.Г.
Патер М.Л.
Гинзбург Б.В.
Путилик И.В.
Гольдштейн К.А.
Розенберг С.А.
Госкин М.Ф.
Рыбкин А.И.
Гродисс Г.В.
Сенкевич Э.И.
Дорфман А.Р.
Сотников Ф.И.
Дымент Я.М.
Трилиссер М.А.
Зайдман В.Я.
Формаистер А.Р.
Зайдман Д.Я.
Френкель Н.А.
Залин Л.А.
Шапиро А.Л.
Иванов И.И.
Шпигельман Л.И.
Иезуитов М.С.
Юсин И.Ф.

Подобные списки можно привести с фамилиями работников суда, прокуратуры, партийных органов в центре, в областях и районах.

Таким образом, все успехи и недостатки, допущенные при осуществлении коллективизации, следует поделить между Сталиным и Троцким. Причем на стороне Сталина, в его намерениях и делах, мы видим положительные меры – добровольность, разъяснения. А у троцкистов, наоборот, – отрицательные, репрессивные действия, которые были направлены на срыв, на компрометацию коллективизации, что они полностью подтвердили на судебных процессах.

Выстрел в спину

7 ноября 1932 года, в XV годовщину Октябрьской революции, по традиции на Красной площади проводились парад войск и демонстрация трудящихся.

Сталин стоял на трибуне Мавзолея в окружении соратников. Его жена Надежда Сергеевна шла мимо трибуны в колонне Промакадемии. Она была по-праздничному веселая. Помахала мужу рукой, вместе с другими кричала «ура!».

Минуя Мавзолей, Аллилуева на ходу попрощалась с товарищами и свернула на гостевую трибуну, – туда, где стояли жены других руководителей партии.

Все были радостны, празднично возбуждены.

Вечером состоялся официальный прием в Кремле с громкими тостами и концертом известных артистов. Надежда Сергеевна находилась рядом с мужем, иногда отлучалась поговорить с друзьями.

Ничто не предвещало беды.

После приема (на следующий день) Ворошилов пригласил близких друзей к себе на квартиру. Пришел и Сталин с женой.

Вот здесь и произошло непоправимое.

Много было разных слухов по этому поводу, в том числе и специально придуманных недоброжелателями.

Мне кажется, самым достоверным о происшедшем является рассказ дочери Сталина – Светланы.

«Анна Сергеевна (сестра мамы) говорит, что в самые последние недели, когда мама заканчивала Академию, у нее был план уехать к сестре в Харьков... чтобы устроиться по своей специальности и жить там. Анна Сергеевна все время повторяет, что у мамы это было настоящей мыслью, что ей очень хотелось освободиться от своего «высокого положения», которое ее только угнетало. Это очень похоже на истину. Мама не принадлежала к числу практических женщин – то, что ей «давало» ее «положение», абсолютно не имело для нее значения.

...Мама стеснялась подъезжать к Академии на машине, стеснялась говорить там, кто она (и многие подолгу не знали, чья жена Надя Аллилуева). А в те годы вообще жизнь была куда проще, – отец еще ходил пешком по улицам, как все люди (правда, он больше любил всегда машину). Но и это казалось чрезмерным выпячиванием среди остальных. Она честно верила в правила и нормы партийной морали, предписывавшей партийцам скромный образ жизни. Она стремилась придерживаться этой морали, потому что это было близко ей самой, ее семье, ее родителям, ее воспитанию.

...Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала. Компромисс был не в ее характере. Она принадлежала сама к молодому поколению революции – к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прежних пороков. Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма, и вокруг нее было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением ее веру. И среди всех самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец. Таким он был в глазах юной гимназистки – только что вернувшийся из Сибири «несгибаемый революционер», друг ее родителей. Таким он был для нее долго, но не всегда...

И я думаю, что именно потому, что она была женщиной умной и внутренне бесконечно правдивой, она своим сердцем поняла, в конце концов, что отец, – не тот новый человек, каким он ей казался в юности, и ее постигло здесь страшное, опустошающее разочарование...»

В Промакадемии преподавали профессора, в большинстве сторонники Троцкого, они повседневно высказывали недоброжелательные суждения о том, что делает Сталин, обвиняли его в диктаторстве.

В ноябре 1927 года покончил жизнь самоубийством дипломат Иоффе. Он был неизлечимо болен, не мог больше переносить страдания. Но он был активный троцкист, и единомышленники решили использовать его смерть, объявив, что Иоффе ушел из жизни в знак протеста против политики Сталина.

Похороны, соответственно, превратили в оппозиционный митинг, где выступали Троцкий, Каменев, Зиновьев, они клеймили Сталина как виновника гибели Иоффе и всех бед в стране. Их слушала жена Сталина, присутствующая на похоронах. На нее производят угнетающее впечатление речи ораторов. Добавляет частенько свои ложки дегтя Бухарин, близкий друг Надежды Сергеевны.

В годы учебы в Промакадемии втерся в окружение жены Сталина хитрый мужичок – секретарь партийной ячейки академии, что говорит о его связях с троцкистами, Никита Хрущев. Аллилуева ввела его в свой дом. Веселый и пронырливый, Никита выглядел очень бесхитростным. Сталин запомнил его. После смерти жены, чувствуя за собой какую-то вину, Сталин поддерживал Хрущева как товарища Нади, выдвигал на должности районного и городского масштаба.

Ну а Никита иногда развлекал гостей Сталина во время застолий на даче – плясал впридавку с балалайкой и пел матерные частушки.

Однако вернемся вместе со Светланой в тот скорбный день.

«Моя няня говорила мне, что последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, Полина Семеновна Перл, она же – Жемчужина (жена Молотова). Они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была «мамина гостиная»), и няня слышала, как мама все повторяла, что «все надоело», «все опостылело», «ничего не радует»; а приятельница ее спрашивала: «Ну, а дети, дети?» – «Все, и дети», – повторяла мама. И няня моя поняла, что раз так, значит, действительно ей надоела жизнь...»

К сожалению, никого из близких не было в Москве в ту осень 1932 года. Павлуша и семья Сванидзе были в Берлине;

Анна Сергеевна с мужем – в Харькове, дедушка был в Сочи. Мама заканчивала Академию и была чрезвычайно переутомлена.

Ее называли «строгой», «серьезной» не по годам, – она выглядела старше своих лет только потому, что была необычайно сдержанна, деловита и не любила позволять себе «распускаться».

...Это сдерживание себя, эта страшная внутренняя самодисциплина и напряжение, это недовольство и раздражение, загоняемое внутрь, сжимавшееся внутри все сильнее и сильнее как пружина, должны были в конце концов неминуемо кончиться взрывом, пружина должна была распрямиться со страшной силой...

Так и произошло. А повод был не так уж и значителен сам по себе и ни на кого не произвел особого впечатления, вроде «и повода-то не было». Всего-навсего небольшая ссора на праздничном банкете в честь XV годовщины Октября. «Всего-навсего» отец сказал ей: «Эй, ты, пей!» А она «всего-навсего» крикнула вдруг: «Я тебе не – Эй!» – и встала и при всех ушла вон из-за стола...»

Вслед за Надеждой Сергеевной вышла Полина Семеновна Жемчужина. Они долго гуляли по кремлевским дорожкам. Жена Молотова была самой близкой подругой Аллилуевой, после

революции они несколько лет жили в одной квартире. Полина Семеновна успокаивала Аллилуеву, проводила ее домой. Но, видно, накопившиеся переживания – та пружина, о которой пишет Светлана, была взведена до предела: Надежда Сергеевна застрелилась.

«Моя няня, незадолго до своей смерти, когда уж почувствовала, что недолго осталось ей жить, как-то начала мне рассказывать, как все это случилось. Ей не хотелось уносить с собой это, хотелось очистить душу, исповедаться. Мы сидели с ней в лесочке, недалеко от той дачи, где я сижу и пишу сейчас, и она говорила.

Каролина Васильевна Тиль, наша экономка, утром всегда будила маму, спавшую в своей комнате. Отец ложился у себя в кабинете или в маленькой комнатке с телефоном, возле столовой. Он и в ту ночь спал там, поздно возвратясь с того самого праздничного банкета, с которого мама вернулась раньше.

Комнаты эти были далеко от служебных помещений, надо было идти туда коридорчиком мимо наших детских. А из столовой комната, где спал наш отец, была влево; а в мамину комнату из столовой надо было пройти вправо и еще этим коридорчиком. Комната ее выходила окнами в Александровский сад, к Троицким воротам.

...Каролина Васильевна рано утром, как всегда, приготовила завтрак в кухне и пошла будить маму. Трясаясь от страха, она прибежала к нам в детскую и позвала с собой няню, – она ничего не могла говорить. Они пошли вместе. Мама лежала вся в крови возле своей кровати; в руке был маленький пистолет «Вальтер», привезенный ей когда-то Павлушей из Берлина. Звук его выстрела был слишком слабый, чтобы его могли услышать в доме. Она уже была холодной. Две женщины, изнемогая от страха, что сейчас может войти отец, положили тело на постель, привели его в порядок. Потом, теряясь, не зная, что делать, побежали звонить тем, кто был для них существеннее, – начальнику охраны, Авелю Софроновичу Енукидзе, Полине Семеновне Молотовой, близкой маминной подруге.

Вскоре все прибежали. Отец все спал в своей комнатухе, слева от столовой. Пришли В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, все были потрясены и не могли поверить...

Наконец, и отец вышел в столовую. «Иосиф, Нади больше нет с нами», – сказали ему.

Так мне рассказывала моя няня. Я верю ей больше, чем кому-либо другому. Во-первых, потому, что она была человеком абсолютно бесхитростным. Во-вторых, потому, что этот ее рассказ был исповедью предо мной, а простая женщина, настоящая христианка не может лгать в этом никогда...»

Почему Светлана так педалирует на то, что рассказ няни – сушая правда? Что она, христианка, не может лгать?

Дело в том, что после самоубийства Аллилуевой враги Сталина (как и позже, после гибели Кирова) распускали слухи с целью скомпрометировать Сталина, они нашептывали, будто Сталин сам убил жену, потому что она разошлась с ним в политических взглядах. Эта ложь по сей день порой выплескивается в «демократических» СМИ.

Светлана полностью опровергает эти наветы:

«...Отец был потрясен случившимся. Он был потрясен потому, что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умен, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает «наказать» кого-то – «вот, мол», «на, вот тебе», «ты будешь знать!» Это он понял, но не мог осознать – почему? За что его так наказали?

И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не уважал ее как жену, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишний раз в театр? Неужели это важно?

Первые дни он был потрясен. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить. (Это говорила мне вдова дяди Павлуши, которая вместе с Анной Сергеевной оставалась первые дни у нас в доме день и ночь). Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо.

Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное. письмо; это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет. (Троцкисты и здесь сделали свое гнусное дело! – В.К.)

Он был потрясен этим и разгневан, и когда пришел прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь. И на похороны он не пошел...»

Эти строки Светлана Сталина писала уже взрослой женщиной, пройдя через многие сложности собственной жизни, она имеет все основания высказывать оценочные суждения и делать определенные выводы.

В ее книге мы находим полную эволюцию личности матери: влюбленная в Сталина семнадцатилетняя гимназистка, боевая подруга на фронте, единомышленник, революционерка-большевичка, верная жена, мать двоих детей, скромная, постоянно думающая о том, как бы не скомпрометировать Сталина какими-то претензиями на материальные блага (мебель, быт в квартире – самые простейшие, в Промакадемию ездила на трамвае).

Все шло, как и полагается в дружной семье. Но начинает проявляться влияние извне. Троцкистское окружение в Промакадемии повседневно, мало-помалу (они умеют это делать) сначала зарождает сомнения относительно позиции мужа, потом – симпатии к своим позициям и, наконец, полное согласие с оппозиционерами.

Вспомните строки Светланы о «страшном письме», о том, что «самоубийца всегда думает «наказать» кого-то: «вот, мол», «на тебе», это «ужасный удар в спину».

Соглашаясь со Светланой, что это «удар в спину», хочется спросить – чей удар? Кто его нанес?

Надежда Сергеевна, как утверждает дочь, «любила его (мужа) со всей силой цельной натуры однолюба, как ни восставал ее разум, сердце было покорено однажды, раз и навсегда. К тому же она была хорошей семьяниной. Для нее слишком много значили муж, дом, дети, ее собственный долг перед ними».

Оппозиционеры снова пытались придать самоубийству политический смысл, ссылаясь на последнее письмо Аллилуевой. Только политический смысл в этом поступке был совсем не тот, который им хотелось навязать народу.

Мне кажется, нет надобности делать какие-то предположения, ответ очевиден, он на поверхности: оппозиционеры-сионисты были большие мастера влиять на психику, на взгляды, на поведение человека, плести интриги. Наверняка, это была хорошо ими подготовленная, отрежиссированная, именно политическая акция. Они нанесли удар в спину Сталину рукой любимого человека – Надежды Сергеевны Аллилуевой. В этом и заключался главный политический смысл содеянного.

Как ни тяжел был этот удар, Сталин выстоял. Но, наверное, сделал глубокую зарубку в своей цепкой памяти и, когда пришло время, напомнил некоторым «невиновным жертвам террора» и эту свою боль.

Убийство Кирова

Это произошло 1 декабря 1934 года в Ленинграде. Существуют две версии. Первая – бытовая: якобы Сергей Миронович ухаживал за женой Николаева Мильдой Драуле, и Николаев убил Кирова из ревности. Убийца и сам в начале следствия придерживался именно этого. Вторая версия – политическая, а точнее, полностью политизированная: Сталин организовал убийство Кирова, опасаясь его как конкурента на пост Генерального секретаря партии. Киров был хорошим организатором и оратором, он пользовался большим авторитетом. Якобы при выборах руководящих органов партии на XVII съезде за Кирова проголосовало столько же, сколько за Сталина, ходили разговоры, что надо бы заменить его на Кирова. И вот Сталин организовал это черное дело – убрал соперника.

Обе эти версии вымышленные. Первая сочинена подлинными организаторами политической акции – оппозиционерами, чтобы скрыть настоящие причины преступления и отвести подозрения от действительных убийц. Вторая версия имела целью скомпрометировать Сталина и отстранить его от власти. Это выдает настоящих организаторов убийства, которые уже много лет добивались замены Сталина у руля государства своим лидером. Обвинение Сталина не подтверждается ни здравой логикой, ни фактами, ни документами, ни показаниями подсудимых, а является полностью вымышленной политической провокацией противников Сталина.

Но именно эта версия, взятая на вооружение и Хрущевым на XX съезде, все еще бытует и всячески муссируется до настоящего времени.

Существует подлинная, неопровержимая третья версия, старательно упрятанная оппозиционерами и скрываемая их последователями – современными «демократами». Ничего не надо искать, нет никаких тайн, все на поверхности. Организаторы и исполнители убийства сами на следствии и публично на открытом судебном процессе признались: «Да, мы убили Кирова!» Не нужно ничего искать, кого-то разоблачать.

Вот читайте их показания на открытом судебном процессе в августе 1936 года:

Подсудимый Евдокимов, касаясь фактической стороны подготовки убийства С.М. Кирова, рассказывает, что летом 1934 года на квартире Каменева в Москве состоялось совещание, на котором присутствовали Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Сокольников, Тер-Ваганян, Рейнгольд и Бакаев. На этом совещании было принято решение форсировать убийство С.М. Кирова.

Вышинский: – Так прямо и говорилось – «форсировать убийство Кирова»?

Евдокимов: – Да, так и говорилось.

– С этой целью осенью 1934 года, – продолжает Евдокимов, – Бакаев поехал в Ленинград проверить, как идет подготовка террористического акта против Сергея Мироновича Кирова ленинградскими террористами. Эти террористические группы установили слежку за Сергеем Мироновичем Кировым и выжидали удобного момента, чтобы совершить террористический акт.

Вышинский: – Убийство Сергея Мироновича Кирова было подготовлено центром?

Евдокимов: – Да.

Вышинский: – Вы лично принимали участие в этой подготовке?

Евдокимов: – Да.

Вышинский: – Вместе с вами принимали участие в подготовке Зиновьев и Каменев?

Евдокимов: – Да.

Вышинский: – По поручению центра Бакаев ездил в Ленинград проверять ход подготовки там на месте?

Евдокимов: – Да.

(Вышинский путем дальнейших вопросов устанавливает, что Бакаев во время своей поездки в Ленинград имел встречу с убийцей С.М. Кирова – Николаевым, с которым Бакаев вел разговор о подготовке убийства).

Вышинский (обращаясь к Бакаеву): – Вы в Ленинграде виделись с Николаевым?

Бакаев: – Да.

Вышинский: – По поводу убийства С.М. Кирова договаривались?

Бакаев: – Мне не нужно было договариваться, потому что директива об убийстве была дана Зиновьевым и Каменевым.

Вышинский: – Но вам говорил Николаев, что он решил совершить убийство Кирова?

Бакаев: – Говорил он и другие террористы – Левин, Мандельштам, Котолынов, Румянцев.

Вышинский: – Разговор был об убийстве Кирова?

Бакаев: – Да.

Вышинский: – Он проявил свою решимость. А вы как относились к этому?

Бакаев: – Положительно.

(Из дальнейших вопросов Вышинского Бакаеву выясняется, что последний после своей поездки в Ленинград докладывал Евдокимову и Каменеву о ходе подготовки убийства С.М. Кирова. На вопрос Вышинского обвиняемому Каменеву о том, имел ли место действительно такой доклад Бакаева ему, Каменев отвечал утвердительно).

Вышинский (обращаясь к Каменеву): – Что он вам передал?

Каменев: – Он сказал, что организация подготовлена к совершению удара и что этот удар последует.

Вышинский: – А как вы к этому отнеслись?

Каменев: – Удар был задуман и подготовлен по постановлению центра, членом которого я был, и я это рассматривал как выполнение той задачи, которую мы себе ставили.

(Далее отвечал на вопросы Вышинского Зиновьев).

Вышинский: – Обвиняемый Зиновьев, и вы были организатором убийства товарища Кирова?

Зиновьев: – По-моему, Бакаев прав, когда он говорит, что действительными и главными виновниками злодейского убийства Кирова явились в первую очередь я – Зиновьев, Троцкий и Каменев, организовав объединенный террористический центр. Бакаев играл в нем крупную, но отнюдь не решающую роль.

Вышинский: – Решающая роль принадлежит вам, Троцкому и Каменеву. Обвиняемый Каменев, присоединяетесь ли вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами были вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора?

Каменев: – Да.

(Каменев дополнил картину подготовки теракта следующим фактом: «В июне 1934 года я лично ездил в Ленинград, где поручил активному зиновьевцу Яковлеву подготовить параллельно с группой Николаева – Котолынова покушение на Кирова. В начале 1934 года мне из доклада Бакаева были известны все детали подготовки убийства Кирова николаевской группой».)

Вышинский: – Убийство Кирова это дело ваших рук?

Каменев: – Да.

Какие же еще нужны доказательства? Однако недоброжелатели Сталина организовали целый поток публикаций, порождающих недоверие к показаниям подсудимых и к самим процессам, заявляя, что все это инсценировка, что обвиняемые давали показания под давлением следователей, может быть, даже под пытками или воздействием каких-то психотропных препаратов.

Троцкий в своей книге «Преступления Сталина» (Москва, 1994 г.) на 300 страницах пытается утвердить эту тему недоверия к процессам и показаниям подсудимых.

Об убийстве Кирова Лев Давидович, со свойственным ему умением рассуждать логически, доказывает: «Зиновьев, Каменев и другие не могли организовать убийство Кирова, ибо в этом убийстве не было ни малейшего политического смысла. Киров был второстепенной фигурой, без самостоятельного значения. Действительные террористы должны были, естественно, начать со Сталина. Среди обвиняемых были члены ЦК и правительства, имевшие свободный доступ всюду: убийство Сталина не представляло бы для них никакого труда».

Убедительно? Вполне. Однако еще раз напомним слова профессора Гарвардского университета Адама Улама, который пишет о том, что Троцкий в интригах порой проявлял себя отнюдь не прямым и последовательным, а изворотливым и малодушным. Изложение событий самим Троцким – это, как говорит профессор, «жалкая полуправда с попытками игнорировать факты».

А факты говорят о том, что и заговорщики, и сам Троцкий занимались подготовкой террористических актов не только против «второстепенной фигуры» – Кирова. Так, например, Зиновьев на следствии показал следующее:

«Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде.

Это поручение мною было дано в Ильинском осенью 1932 года». (Зиновьев. Протокол допроса от 23–25 июля 1936 г.)

Другой руководитель объединенного блока – Каменев – на вопрос следователя, знал ли он о решении центра убить товарища Сталина и С.М. Кирова, ответил следующее:

«Да, вынужден признать, что еще до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока – Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока. Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял». (Каменев. Протокол допроса от 23–24 июля 1936 г.)

Пикель говорит:

«Бакаев не только руководил подготовкой террористического акта в общем смысле, а лично выезжал на места наблюдения, проверял и вдохновлял людей Летом 1934 года я как-то пришел к Рейнгольду. Рейнгольд мне сообщил, что наблюдения за Сталиным дали положительные результаты и что Бакаев с группой террористов выехали на машине сегодня с задачей убить Сталина. При этом Рейнгольд нервничал, что они долго не возвращаются. В этот же день вечером я вновь виделся с Рейнгольдом и он сообщил мне, что осуществлению террористического акта помешала охрана Сталина, которая, как он выразился, спугнула участников организации». (Пикель. Протокол допроса от 22 июля 1936 г.)

Троцкий, находясь за границей, особенно после ареста Каменева и Зиновьева, всячески форсирует совершение убийства Сталина, подгоняя всесоюзный объединенный троцкистско-зиновьевский центр. Он систематически посылает через своих агентов директивы и практические указания об организации убийства.

Близкий Троцкому человек, несший в свое время его личную охрану, участник троцкистско-зиновьевского блока Е.А. Дрейцер на следствии признал, что в 1934 году он получил письменную директиву Троцкого о подготовке террористического акта против Сталина и Ворошилова.

Он сообщил:

«Эту директиву я получил через мою сестру, постоянно проживающую в Варшаве, – Сталовицкую, которая приехала в Москву в конце сентября 1934 г. Содержание письма Троцкого было коротко. Начиналось оно следующими словами:

«Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

первая – убрать Сталина и Ворошилова, вторая – развернуть работу по организации ячеек в армии, третья – в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства». (Дрейцер. Протокол допроса от 23 июля 1936 г.)

Содержание этой директивы подтвердил и другой видный троцкист – Мрачковский, который показал следующее:

«Эстерман передал мне конверт от Дрейцера. Вскрыв конверт при Эстермане, я увидел письмо, написанное Троцким Дрейцеру. В этом письме Троцкий давал указание убить Сталина и Ворошилова». (Мрачковский. Протокол допроса от 4 июля 1936 г.)

Агент Троцкого – В. Ольберг, командированный в СССР для организации террористических групп, показал следующее:

«Я был непосредственно связан с Троцким, с которым поддерживал регулярную связь, и с Львом Седовым, который давал мне лично ряд поручений организационного порядка, в частности, по нелегальной связи с Советским Союзом. Я являлся эмиссаром Троцкого в Советском Союзе вплоть до моего ареста. С целью ведения в Советском Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным, я нелегально приехал в СССР». (В. Ольберг. Протокол допроса от 13 февраля 1936 г.)

Ольберг по приезде в СССР в целях конспирации организовал террористическую группу из троцкистов, находящихся не в Москве, а в городе Горьком, имея в виду перебросить ее в Москву для убийства Сталина. Убийство предполагалось совершить во время Первомайских празднеств 1936 года. В связи с этим, руководитель троцкистской организации в Горьком директор Горьковского педагогического института И.К. Федотов должен был командировать террористов в Москву под видом отличников учебы пединститута и обеспечить таким образом им возможность участвовать в демонстрации на Красной площади.

Почти одновременно с Ольбергом Троцкий перебрасывает и другого своего агента Берман-Юрина. Давая Берман-Юрину директиву об организации террористического акта против Сталина, Троцкий особо подчеркивал, что это убийство должно быть совершено не конспиративно, в тиши, а открыто, на одном из пленумов, или на конгрессе Коминтерна.

Вместе с Берман-Юриным в работе по подготовке террористических актов против Сталина принимал участие работник Коминтерна Фриц-Давид, также прибывший в СССР по личному поручению Троцкого в мае 1933 года. Берман-Юрин и Фриц-Давид установили между собой связь и готовили совершение террористических актов против Сталина на VII конгрессе Коминтерна.

«В беседе со мной, – показал на следствии Берман-Юрин, – Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами и что Сталин должен быть физически уничтожен. О Сталине он говорил с невероятной злобой и ненавистью. Он в этот момент имел вид одержимого. Во время беседы Троцкий поднялся со стула и нервно ходил по комнате. В нем было столько ненависти, что это производило исключительное впечатление, и мне тогда казалось, что это человек исключительной убежденности. Я вышел от него как загипнотизированный». (Берман-Юрин. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Троцкий не ограничивался организацией убийства одного лишь Сталина, он ставил своей задачей одновременное убийство других руководителей партии – Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова. Он рассчитывал, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на Украине вызовет панику в стране и позволит ему, Троцкому, а также Зиновьеву и Каменеву взять власть в свои руки.

Опять власть! Вспомните слова Молотова – современника описываемых событий: «Вся политическая борьба троцкистов и сталинцев была схваткой за обладание властью».

О лукавстве Троцкого и передергивании им фактов говорить не будем, он политик, а политика во все времена была грязным делом.

* * *

Сталин дружил с Кировым еще с гражданской войны, когда Киров организовывал поставку хлеба с Северного Кавказа в Царицын, а Сталин принимал этот хлеб в Царицыне и направлял дальше, в голодающий Петроград.

В мирные дни дружба Сталина и Кирова была почти родственной, Сергей Миронович, приезжая из Ленинграда по делам в Москву, останавливался не в гостиницах, а на квартире Сталина. Жена Сталина и дочка Светлана относились к Миронычу как к родному. Отпуск Киров проводил обычно вместе со Сталиным. В год гибели Сергей Миронович тоже был у Сталина в Сочи, они играли в городки, на бильярде, парились в бане. Киров уехал от Сталина за три недели до рокового выстрела.

Сталин очень тяжело переживал гибель еще одного верного друга, он похудел, замкнулся, ходил мрачный, убитый горем. Однажды вечером на даче в Кунцеве он, после долгого молчания, сказал:

– Совсем я осиротел.

Похороны Кирова подробно описала в своем дневнике Мария Анисимовна Сванидзе – жена Александра Семеновича Сванидзе, брата первой жены Сталина. Привожу отрывки из ее дневника.

«Должна описать похороны, вернее последнее прощание с С.М. Кировым, на котором присутствовали мы с Александром.

5/XII.

У нас были особые билеты в Колонный зал, где лежал прах Кирова, доступный для посещения всем. В 10 ч. вечера 5-го вход был закрыт и можно было пройти только по разрешению похоронной комиссии (подпись начальника охраны Паукера). Мы вошли в комнату, обычно в дни концертов – артистическую. Здесь строился почетный караул и толпились люди с билетами, могущие остаться после 10-ти для последнего прощания перед кремацией. Жена, сестры и близкие товарищи – женщины по преимуществу – сидели около гроба. Реденс распорядился провести нас (Аллилуевых и меня с Алеш.) к группе близких, и мы вышли в зал... Посреди зала, головой к левому променаду и ложам, если смотреть с эстрады, стоял гроб, простой красный кумачовый гроб, с рюшками, в ногах лежало покрывало из красного плюша. Лицо было зеленовато-желтое, с заострившимся носом, плотно сжатыми губами, с глубокими складками на лбу и щеках, углы губ страдальчески серьезно опущены. У левого виска и на скуле синее пятно от падения. Кругом гроба много венков, красные ленты переплетены с подписями от всех организаций и товарищей. С правой стороны гроба на стульях сидит несчастная жена, ее две сестры и две сестры покойного Кирова.

Тут же сидели Мария Ильинишна, сестра Ленина, Надежда Константиновна, Екатерина Давидовна Ворошилова, Нюра Деденс, Зина Орджоникидзе, брат Ленина, Мария Платоновна Орахелашвили, и к этой группе присоединились мы.

Кругом стояли прожектора для кино съемок. Толпились фотографы с «лейками», охрана, на эстраде все время играл оркестр Большого театра под управлением Штейнберга... Несмотря на полное освещение, казалось сквозь слезы, что темно, мрачно и болезненно неуютно...

Доступ публике закрыт с 10 ч. В зале ограниченный круг лиц. Все одевают шубы (мы тоже пошли и быстро оделись), ждут напряженно... Наконец шаги группы твердые и решительные

тельные. Со стороны головы покойного Кирова (все входили с противоположной) появляется И[осиф], окруженный Ворошиловым, Молотовым, Орджоникидзе, Кагановичем, Ждановым, Микояном, Постышевым, Петровским и др. С другой стороны стоят уже Корк, Егоров, и еще несколько членов Реввоенсовета становятся в почетный караул по двое. Иосиф у головы и уже не помню, как остальные. Играет музыка похоронный марш Шопена, шипят рефлекторы, щелкают аппараты, вертится киноаппарат. Все это длится несколько минут, но кажется тревожной вечностью.

Тухнут прожектора, смолкает музыка, уже стоит наготове с тяжами красными и винтами для крышки гроба охрана, уже наготове взять венки и быстро закончить последнюю церемонию.

На ступеньки около гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Сергея Мироновича. – Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает, я слышу сквозь собственные всхлипывания мужчин. Также тепло заплавав, прощается Серго – его близкий соратник, потом поднимается весь бледный – меловой Молотов, смешно вскарабкивается толстенький Жданов, наклоняется, но не целует Каганович, и с другой стороны, расставив руки, опираясь на гроб, наклоняется А.И. Микоян. Прощание окончено. Несколько секунд заминка, не знают, пойдут ли близкие женщины, но Марии Львовне делается дурно, ее обступают врачи, льют капли, все заняты ею. Вожди ушли. Гроб завинчивают крышкой, выносят венки и все наготове двинуться за гробом.

Мы выходим с беременной Нюрой маленьким ходом и несколько минут ждем у дверей процессии с гробом. Гроб ставят на грузовую машину, убранную красным и зеленью, укладывают венки, и она быстро уносится по Охотному и Моховой, сопровождаемая автомобилями, к крематорию. Церемония окончена, кордоны сняты, все разъезжаются. К утру от Сергея Мироновича Кирова останется горсточка пепла, а в душах всего народа светлая память о нем, его делах и мстительная ненависть к врагам...

На другое утро, т. к. у нас не было билетов на Красную площадь, мы уехали в 11 ч. за город и там по радио принимали всю церемонию похорон, 6-го были похороны, а 7-го в особняке Наркоминдела Розенгольц (Нарком Внешторг.) устроил вечер, и наша знать отплясывала до утра в честь Моршандо (министр торговли Франции), так неудачно навестившего Союз в такие траурные дни. И наши подхалимы не сумели показать своего «я», выявить настоящую советскую физиономию, сильную и независимую, и прилично выдержать траур, а расплясались. Неужели оно сделано с согласия и благословения ПБ и ЦК? Неслыханное дело. Неужели мы, такая великая страна, так трагично потерявшая своего героя, не можем оплакивать его даже в присутствии своих гостей из Франции...

На следующий день Французское посольство дало ответный ужин, но без всяких танцев – они были более тактичны, чем наши министры».

Мария Анисимовна справедливо возмущена бестактностью Розенгольца – ей еще не были известны подлинные причины убийства Кирова! В те дни пока еще функционировала версия, которую придумали оппозиционеры и проводил Ягода, – о том, что Киров был убит Николаевым на почве ревности.

Позднее, когда вскрылись причины и подробности теракта против Кирова, пирушка – прием, организованный Розенгольцем, – открывается в ином свете и значении.

Как видно из дневника Сванидзе, на приеме не было никого из членов Политбюро и из окружения Сталина. Следовательно, под предлогом приема в честь французского министра, были приглашены по особому списку только свои оппозиционеры-заговорщики – сторонники Троцкого. Они не случайно плясали (именно плясали, а не танцевали, как пишет Мария Анисимовна). И плясали они, наверное, не «барыню», а свои «Шолом» и «Семь-сорок». Это было настоящее торжество по случаю удачно осуществленной террористической акции. Они празд-

новали начало свержения «клики Сталина», потому что убийство Кирова было первым в целой серии запланированных терактов.

Этим торжеством они показывали сами себе и Троцкому, как они верны ему и сильны, никого и ничего не боятся, им наплевать на христианские и просто общепринятые правила поведения в дни похорон. Их распирает радость по поводу содеянного. Это подтверждается тем, что нарком внешней торговли Розенгольц и его подельщики показывали на суде в Колонном зале в 1937 году.

Розенгольц: – Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание у меня на квартире.

Вышинский: – А что это за письмо было, нельзя ли подробнее узнать?

Розенгольц: – Там Троцким ставилось несколько вопросов. Прежде всего указывалось, что если будут медлить, то произойдет то, что по частям будут разгромлены все контрреволюционные силы. Поэтому, поскольку уже значительный разгром кадров произведен, необходимо ряд возможных акций максимально ускорить.

Вышинский: – Например?

Розенгольц: – Главным образом ставилось два вопроса: первый вопрос – относительно того, чтобы в ответ на приговор по делу Пятакова ответить террористическими актами.

Вышинский: – То есть на приговор суда?

Розенгольц: – В ответ на приговор суда о расстреле Пятакова ставился вопрос об организации террористических актов.

Вышинский: – В отношении кого?

Розенгольц: – В отношении руководителей партии и правительства и вопрос в отношении максимального форсирования военного переворота.

Вышинский: – Позвольте Крестинского сейчас спросить. (Крестинскому): – Вы подтверждаете это?

Крестинский: – Да, подтверждаю. Совещание это было у Розенгольца. Это было в начале апреля. Мы на этом совещании говорили уже об аресте Ягоды и исходили из этого ареста как из факта. Об аресте Ягоды я узнал 2–3 апреля. Значит, это было в апреле месяце.

Вышинский: – Вы были также осведомлены об участии Ягоды в заговоре?

Крестинский: – Да, я об этом уже говорил вчера.

Вышинский: – Садитесь. Обвиняемый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц: – Тут же встал вопрос о террористическом акте. Мы с Крестинским обсуждали вопрос о возможном террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский: – Обвиняемый Крестинский, обсуждали вы вопрос о террористическом акте против Вячеслава Михайловича Молотова?

Крестинский: – Мы обсуждали с ним вопрос иначе – в более широком разрезе...

Вышинский: – Этот вопрос стоял у вас?

Крестинский: – Мы с ним говорили вообще о необходимости восстановить террористическую деятельность троцкистов, прервавшуюся после смерти Пятакова, и на эту тему мы говорили с Розенгольцем и Гамарником, говорили о необходимости террористических актов против руководителей партии и правительства.

Вышинский: – Против кого именно?

Крестинский: – Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович.

Вышинский: – Подсудимый Розенгольц, был ли у вас лично преступный замысел осуществить террористический акт против кого-либо из руководителей Советского правительства?

Розенгольц: – Да, я об этом показал и подтверждаю.

Вышинский: – Вы лично намеревались совершить террористический акт?

Розенгольц: – Да.

Вышинский: – Может быть, вы скажете, против кого?

Розенгольц: – Против... как показано мной на предварительном следствии, против Иосифа Виссарионовича Сталина.

Таким образом, выявляется, что убийство Кирова было началом целой серии террористических актов с целью захвата власти. Слухи, которые распускали троцкисты об устранении Кирова как конкурента Сталина, с полной очевидностью опровергаются как дезинформация, дымовая завеса, чтобы скрыть преступные замыслы самих заговорщиков.

Военный заговор

В 1990 году я написал книгу «Расстрелянные маршалы», есть в ней очерк и о М.Н. Тухачевском. Очерк написан в «оправдательном» стиле, в соответствии с опубликованными в те годы газетными и журнальными статьями и реабилитационной эйфорией, которой поддался и я.

В ходе работы над книгой «Генералиссимус» я более глубоко разобрался в причинах репрессий, опираясь на новые архивные документы, рассекреченные в перестроечные годы. В связи с этим пусть не удивляет читателей иная оценка и иной подход к «делу Тухачевского», не совпадающие с тем, что было написано мной прежде.

Собирая и изучая материалы об этом очень громком «деле» 1937 года, я как и прежде стремился находить первоисточники – людей, имевших непосредственное отношение к событиям и подсудимым.

Одним из немногих свидетелей, который долгие годы работал рядом с заговорщиками, знал их еще с гражданской войны, был Молотов. Поэтому я не раз расспрашивал его во время наших бесед и даже высказывал мысли, которые у меня были:

– Крупнейшие военачальники в гражданскую войну столько подвигов свершили. Вы их хорошо знали, не было сомнения насчет их «вражеской деятельности»?

Молотов твердо и, я бы сказал, даже жестко ответил:

– В отношении этих военных деятелей у меня никаких сомнений не было, я знал их как ставленников Троцкого – это его кадры. Он их насаждал с далеко идущими целями, еще когда сам метил на пост главы государства. Хорошо, что мы успели до войны обезвредить этих заговорщиков, – если бы этого не сделали, во время войны были бы непредсказуемые последствия, а уж потерь было бы больше двадцати миллионов, в этом я не сомневаюсь. Я всегда знал Тухачевского как зловещую фигуру...

Любопытно на этот счет мнение Троцкого, высказанное в его книге «Сталин» (он пишет о себе в третьем лице):

«Все те, которые возглавляли Красную Армию в сталинский период – Тухачевский, Егоров, Блюхер, Якир, Уборевич, Дыбенко, Федько, – были в свое время выделены на ответственные военные посты, когда Троцкий стоял во главе военного ведомства, в большинстве случаев им самим во время объезда фронтов и непосредственного наблюдения их боевой работы. Правда, почти все полководцы гражданской войны и строители армии оказались впоследствии «предателями» и «шпионами». Но это не меняет дела. Именно они отстояли революцию и страну. Если в 1933 г. выяснилось, что Сталин, а не кто-либо другой, строил Красную Армию, то на него, казалось бы, падает и ответственность за подбор такого командного состава. Из этого противоречия официальные историки выходят не без трудностей, но с честью: назначение изменников на командные посты ложится ответственностью целиком на Троцкого; зато честь одержанных этими изменниками побед безраздельно принадлежит Сталину».

Надо признать, логика на стороне Троцкого. Но и слова Молотова о том, что это его кадры, Троцкий фактически подтверждает: он их выбирал, назначал, выращивал.

Я предпринял немало усилий для того, чтобы познакомиться с материалами суда и следствия по делу так называемого «Заговора Тухачевского». Это было очень непросто, всюду, куда я обращался, следовали вежливые отказы. Даже председатель Верховного суда СССР В.И. Терехин, который относился ко мне доброжелательно (мы оба были депутатами Верховного Совета СССР), и тот многозначительно поднял палец к потолку и сказал: «Это могут разрешить только там». Но в конце концов я своего добился. Листаю казенные, строгие страницы.

«Стенограмма-протокол.

Заседание специального судебного присутствия Верховного Суда СССР по делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М., Путны В.К.

Судебное заседание от 11 июня 1937 года. 9 часов утра.

Слушается дело по обвинению в измене Родине, шпионаже и подготовке террористических актов...»

Далее опять перечисляются фамилии всех обвиняемых.

Дело рассматривается в закрытом судебном заседании...

«Подсудимым объявляется состав суда:

Председательствующий – Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР армейский юрист т. Ульрих В.В. Члены присутствия: зам. наркома обороны СССР, начальник воздушных сил РККА командарм т. Алкснис Я.И., Маршал Советского Союза т. Буденный С.М., Маршал Советского Союза т. Блюхер В.К., начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга т. Шапошников Б.М, командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга т. Белов И.П., командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга т. Дыбенко П.Е., командующий войсками Северо-Кавказского военного округа командарм 2-го ранга т. Каширин Н.Д. и командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса имени Сталина комдив т. Горячев Е.И.»...

Подсудимым разъяснено: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года (это означало – участие защитников в судебном процессе исключается, приговор является окончательным и обжалованию не подлежит).

Может быть, увидев такой состав суда, подсудимые даже обрадовались, потому что перед ними были их товарищи по гражданской войне, которые хорошо знали о их боевых делах и с которыми они и после войны были в добрых, дружеских отношениях. Но... приговор был беспощадный и однозначный. Даже из краткой стенограммы видно, что бывшие боевые товарищи добивались от подсудимых признания. Видимо, это объясняется тем, что до начала заседания судьи были ознакомлены работниками НКВД с той фальшивкой, которая была подброшена гестапо. И они поверили ей, читая выглядевшие абсолютно подлинными письма Тухачевского, в которых он излагает планы заговора по свержению существующей власти.

Как видно из стенограммы, материалы, изложенные в агентурных сведениях, на процессе не фигурировали. В деле их тоже нет, их по правилам контрразведывательных органов нельзя было рассекречивать.

Так что же получается – подсудимые не виновны? Я склоняюсь к тому, что обвинение в шпионаже надуманное. Не были подсудимые шпионами, ни немецкими, ни японскими. Один из инициаторов создания компромата против Тухачевского – шеф политической разведки Вальтер Шелленберг – в своих мемуарах «Лабиринт», изданных в России в 1991 году, пишет:

«В свое время утверждалось, что материал, собранный Гейдрихом с целью запутать Тухачевского, состоял большей частью из заведомо сфабрикованных документов. В действительности же подделано было очень немного – не больше, чем нужно для того, чтобы заполнить некоторые пробелы. Это подтверждается тем фактом, что все весьма объемистое досье было подготовлено и представлено Гитлеру за короткий промежуток времени в четыре дня.

Решено было установить контакт со Сталиным через одного из немецких дипломатических агентов, работавших под началом штандартенфюрера СС Беме, немецкого эмигранта, проживавшего в Праге. Через него Беме установил контакт с доверенным другом доктора Бенеша, тогдашнего президента Чехословацкой Республики. Доктор Бенеш сразу же написал письмо лично Сталину, от которого к Гейдриху по тем же каналам пришел ответ с предложением установить контакт с одним из сотрудников советского посольства в Берлине. Мы так и

поступили, названный русский моментально вылетел в Москву и возвратился в сопровождении личного посланника Сталина, предъявившего специальные полномочия от имени Ежова, бывшего в то время начальником ГПУ.

Сталин запрашивал, в какую сумму мы оцениваем собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих и не помышляли о том, что будет затронута финансовая сторона дела. Однако, не подав и виду, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эmissар Сталина выплатил сразу после самого беглого просмотра документов.

Материал против Тухачевского был передан русским в середине мая 1937 года».

Отметим некоторые сомнительные моменты в этой цитате. Сталин едва ли сам «запрашивал» и торговался о стоимости «материала». Дата передачи компромата «в середине мая 1937 года» свидетельствует о том, что этот материал запоздал, так как «дело Тухачевского» по всем параметрам уже было сформировано к маю, маршал был арестован 22 мая и уже 25 мая дал признательные показания.

Значит, фальшивка не сработала? Может быть, и заговора не было?

По этому поводу документы и сами подсудимые дают ответ однозначный – заговор был. Это не значит, что у них были членские билеты какой-то организации, что велись протоколы ее заседаний.

А что же было?

Были конкретные заговорщические дела и планы по «дворцовому перевороту», устранению Сталина и его соратников. Власть! Власть! Не зря называли Тухачевского «Красным Наполеоном». Вот факты из стенограммы открытого судебного процесса 1938 года:

Вышинский: – Насколько я понимаю, по вашей концепции так выходило, что основная ваша надежда в этом преступном замысле была на группу Тухачевского. Так это?

Розенгольц: – Да.

Вышинский: – С этой группой прямую и непосредственную связь держал кто?

Розенгольц: – Крестинский.

Вышинский: – Следовательно, он в известной мере как член блока организует деятельность этой группы. Так я понимаю?

Розенгольц: – Понятно.

Вышинский: – Следовательно, ему в этом деле принадлежит одна из ведущих ролей?

Розенгольц: – Он все время торопил Тухачевского...

Вышинский: – И когда вы на предварительном следствии говорили, что Крестинский после ареста Ягоды или даже раньше – после ареста Пятакова – особенно остро ставил вопрос перед Тухачевским, то это так и было в действительности? Это характеризует энергию, какую развивал тогда Крестинский в этом вопросе?

Розенгольц: – Я не хочу и не имею оснований специально выделять Крестинского...

Вышинский: – Вы – нет, а у меня есть основания. Я вас спрашиваю как человека, который вместе с Крестинским организовывал этот черный заговор... Подсудимый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц: – Момент, на котором я остановился, это совещание, которое было с Тухачевским. Оно было в конце марта. Крестинский на очной ставке внес поправку, что оно было в начале апреля, но это разногласие несущественное. Было совещание с Тухачевским.

Вышинский: – Где было это совещание?

Розенгольц: – У меня на квартире.

Вышинский: – У вас на квартире совещание с кем?

Розенгольц: – С Тухачевским и Крестинским.

Вышинский: – Когда было совещание, дайте точную дату.

Розенгольц: – Это было в конце марта 1937 года.

Вышинский: – Дальше.

Розенгольц: – На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая, ему удастся этот военный переворот осуществить.

Вышинский: – В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Розенгольц: – Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, – это возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире под каким-нибудь предлогом, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства.

Вышинский: – Это был его план или был ваш общий план?

Розенгольц: – Мы этот план его не обсуждали. Он просто сообщил нам его как один из вариантов, на который он возлагает большие надежды... Тут же встал вопрос о террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский: – Обвиняемый Крестинский, обсуждали вы вопрос о террористическом акте против Вячеслава Михайловича Молотова?

Крестинский: – Мы обсуждали с ним вопрос иначе – в более широком разрезе...

Вышинский: – Против кого именно?

Крестинский: – Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович, но специально террористического акта в отношении Молотова в деталях мы не обсуждали...

Вышинский: – Значит, Тухачевский заявил, что в первой половине мая он поднимет восстание?

Крестинский: – Да, он это заявил.

Вышинский: – Что вы скажете о ваших встречах с Гамарником?

Розенгольц: – Я подтверждаю те показания, которые я давал на предварительном следствии.

Вышинский: – Какие именно?

Розенгольц: – Относительно Гамарника основным моментом является то, что Гамарник сообщил о своем предположении, по-видимому, согласованном с Тухачевским, о возможности захвата здания Наркомвнудела во время военного переворота. Причем Гамарник предполагал, что это нападение осуществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством, полагая, что он в достаточной мере пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковых частях. Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих.

Вышинский: – Значит, кроме того, что Тухачевский вас посвящал в план своего преступного заговора, вас также посвящал в этот план и Гамарник?

Розенгольц: – Да.

Приведу еще один любопытный «бытовой пассаж», который наглядно и ярко свидетельствует о виновности заговорщиков и об их откровенности, когда они собирались в своем кругу.

Родственница Тухачевского, Лидия Норд, издала в Париже книгу «Маршал М.Н. Тухачевский». Она бывала в семье Михаила Николаевича, слышала его беседы с единомышленниками – Уборевичем, Якиром, Фельдманом и другими. Она восхищается остроумием и иронией, искрящимися в их словах в адрес Сталина, Ворошилова. Она открыто пишет о том, что этих «ортодоксов» собирались «убирать». О тональности и направленности, в которых велись беседы, читатели могут судить по одной цитате из книги Лидии Норд:

«Мне совершенно непонятно германофильство Сталина, – говорил Михаил Николаевич. – Сначала я думал, что у него только показной интерес к Германии, с целью показать «свою образованность»... Но теперь я вижу, что он скрытный, но фанатичный поклонник Гитлера. Я не шучу. Это такая ненависть, от которой только один шаг до любви... Стоит только Гитлеру сделать шаг к Сталину, и наш вождь бросится с раскрытыми объятиями к фашистскому вождю.

Вчера, когда мы говорили частным порядком, то Сталин оправдал репрессии Гитлера против евреев, сказав, что Гитлер убирает со своего пути то, что мешает ему идти к своей цели, и с точки зрения своей идеи Гитлер прав. Успехи Гитлера слишком импонируют Иосифу Виссарионовичу, и если внимательно приглядеться, то он многое копирует у фюрера. Немалую роль, по-моему, играет и зависть к ореолу немецкого вождя... Как ни говорите, и «чином» Гитлер выше – все-таки был ефрейтором, а наш даже солдатом не был. Стремление первого лезть в полководцы оправданно – «плох тот капрал, который не мечтает стать генералом», а вот когда бывший семинарист хочет показать, что он по меньшей мере Мольтке, – это смешно, а при нынешнем положении вещей и очень грустно. И еще печальнее то, что находятся люди, которые вместо того, чтобы осадить его, делают в это время восторженные физиономии, смотрят ему в рот, как будто ожидают гениальных мыслей...»

Но несмотря ни на что, наши доморощенные «демократы» как глухие и слепые пишут и пишут в газетах, журналах, сочиняют целые книги, вещают с экранов телевизора о насилии над заговорщиками, их невиновности.

Реальные события и факты не подтверждают этих измышлений. Вот подлинный документ, собственноручно написанный Тухачевским на первом же допросе!

Народному комиссару

внутренних дел Н.И. Ежову

Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня 25-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932-му году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем подробно покажу дополнительно.

Тухачевский
25.5.37.

Какие тут пытки? Какие истязания? Тухачевский пишет: «...впервые был допрошен 25-го и сегодня 25-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и что я был во главе его».

Следователь Ушаков (Ушамирский Зиновий Маркович), который вел дело Тухачевского, а позднее сам был арестован, рассказал: «Я его пальцем не тронул и был поражен, что такой сильный физически и духовно (маршал, герой войны) так сразу во всем признался». Ушамирский объясняет это тем, что он выложил Тухачевскому все материалы, которыми располагал, включая и показания сообщников, и Тухачевский, внимательно прочитав их, понял, что ему не вывернуться.

На первом же допросе Тухачевского 25 мая (маршала привезли из Куйбышева на Лубянку 25 мая) была проведена очная ставка с однодельцами. На этой очной ставке, вполне естественно, сначала Тухачевский отрицал свое участие в заговоре.

А уличавший его Фельдман позже писал: «Я догадывался наверняка, что Тухачевский арестован, но я думал, что он, попав в руки следствия, все сам расскажет – этим хоть немного искупит свою тяжелую вину перед государством, но, увидев его на очной ставке, услышал от него, что он все отрицает и что я все выдумал...»

Имеется также заявление Тухачевского. От того же 25 мая 1937 г. – об очных ставках с Примаковым, Путной и Фельдманом: «Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания».

Просьбу Тухачевского удовлетворили, очные ставки состоялись. Однодельцы показали правду. И тогда Тухачевский в тот же день написал приведенное выше короткое признание. Но поскольку этот день был для него нелегким, он, видимо, устав, дает обещание: «Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора...» Обещание маршал выполнил. На дальнейших допросах назвал несколько десятков заговорщиков. Все были арестованы и расстреляны.

В недавние перестроечные времена натужно искали свидетельства о пытках, которым якобы подвергался маршал Тухачевский. Одно из них опубликовано в «Военно-историческом архиве» № 1—1997 г.:

Напомяну Кому-либо Письмо Понимая, что
H. K. Понимая.

[illegible]

[Handwritten signature]

26.5.72
Завление о рождении
Помяк Байдека 17456, Актон
госур 84. Кинкал
K34701

«Вот некоторые сведения, раскрывающие причины, в силу которых Тухачевский вынужден был дать ложные показания. Бывший сотрудник НКВД СССР, член КПСС Вул в 1956 г. сообщил:

«Лично я видел в коридоре дома 2 Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унижить его. Все следствие по делу Тухачевского и других было закончено очень быстро... Помимо мер физического воздействия, определенную роль в получении показания сыграли уговоры следователей».

Допустим, надели «арестантский армяк». Эту одежду содержащегося во внутренней тюрьме Тухачевский был просто обязан надеть. Но «прекрасный серый костюм» все же с маршала не сняли. Ну а «лапти» полностью на совести Вула, это очевидно. Вул мог бы придумать что-нибудь более эффектное – железные кандалы, например, или деревянные колодки. И вообще, не маловато ли всего этого, чтобы «физически» сломить такого несомненно стойкого человека, каким был Тухачевский? Других «физических воздействий» на него, как видим, не было. Зачем же оскорблять маршала таким подозрением в малодушии? Он был человек сильный духом и телом.

Так произошло и с комкором Фельдманом (бывшим начальником управления по учету командных кадров РККА). Он был арестован 15 мая 1937 года как один из соучастников подготовленного Тухачевским «дворцового переворота». В первый же день, сразу после ареста, Фельдман написал следователю (Ушамирскому) Ушакову:

«Вы и н-к особого отдела т. Леплевский, который также беседовал со мною, предъявили обвинение в участии в военно-троцкистской антисоветской организации и предлагаете встать на путь чистосердечного раскаяния. Прошу ознакомить меня с фактами, изобличающими меня в участии в вышеназванной организации. После этого мне легче будет разобраться в этом вопросе».

Все документы и улики Фельдману были предъявлены. И на первом же допросе 16 мая 1937 года он показал, что в военно-троцкистскую организацию его вовлек в 1934 году Примаков, что военно-троцкистская организация возглавлялась Тухачевским.

Через несколько дней Фельдман на очной ставке с Тухачевским уже сожалеет, что маршал для облегчения вины сразу же не признается. А его личные отношения со следователем Ушамирским тоже совсем не похожи на пытки и истязания. Вот одна из записок Фельдмана Ушакову (Ушамирскому):

«Помощнику начальника 5 отдела ГУГБ НКВД Союза ССР тов. Ушакову. Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго... Благодарю за Ваше внимание и заботливость – я получил 29-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого. Фельдман. 31.V.1937 г.»

Не могут быть «яблоки и печенье» тридцатью сребрениками, за которые комкор Фельдман предает заговор. Его поведение, пусть подобоострастное, очень похоже на поведение человека, раскаявшегося и ищущего снисхождения.

Здесь следует напомнить, что Фельдман был одной из зловещих фигур в организации репрессий. Как выяснилось на следствии (и мы говорили об этом выше), троцкисты многие мероприятия партии и правительства доводили до абсурда, желая вызвать недовольство советских людей. Так они действовали при раскулачивании и такую же тактику применили при репрессиях.

Не кто иной как Фельдман, будучи начальником управления по учету командного состава РККА, разработал директивную инструкцию об особом учете «О. У.» Есть документы, убедительно подтверждающие это. Например, составленный в апреле 1964 года секретный доклад управления кадров Министерства обороны СССР «О нарушении законности по отношению к командному, политическому и начальствующему составу в период культа личности Сталина». К докладу приложен «Список бывших военнослужащих от комбрига и выше, в отношении которых отменены решения о привлечении их к уголовной ответственности». Это самый полный список – на 274 страницах, который мне доводилось видеть.

Документы эти, как видно из названия доклада, составлены в период хрущевского развенчания «культа личности Сталина». Составлены, скорее всего, по указанию «развенчателя» и, следовательно, несут в себе оправдательную тенденциозность.

Но подлинные документы, приведенные в том же докладе, позволяют говорить об обратном. Вот как выглядит по ним роль того же Фельдмана.

В докладе кадровиков, в частности, говорится:

«Необоснованные репрессии по отношению к командно-начальствующему составу Советской Армии и Военно-Морского Флота, увольнения и аресты по политическим мотивам в значительных размерах начались в 1935 году после злодейского убийства С.М. Кирова.

Многие командиры и начальники были исключены из партии и уволены из армии в связи с проверкой партийных документов, которая проводилась с мая 1935 года по февраль 1936 года. Так, в записке бывшего нач. ОРПО ПУРКА корпусного комиссара Троянкера Б.У. на имя нач. ПУРКА армейского комиссара 1 ранга Гамарника Я.Б. от 10.12.1935 г. сообщалось, что уже к 1 декабря 1935 г. было исключено из партии в связи с проверкой партийных документов 2948 человек, из которых 60–70 % составлял командно-начальствующий (без политработников) состав. В октябре 1936 года бывший начальник Управления по командно-начальствующему составу комкор Фельдман Б.И. докладывал наркому обороны, что командующими войсками военных округов пачками представляются к увольнению из армии лица командно-начальствующего состава. Основная причина: троцкизм или связь с троцкистами. При проверке же оказывается, что много представлений необоснованных».

То есть Фельдман был очень обеспокоен тем, что арестовывают и увольняют из армии «троцкистов», и открыто защищал их: «При проверке же оказывается, что много представлений необоснованных».

Это, как говорится, официальная сторона дела. А неофициальная, по показаниям самого Фельдмана после ареста, заключалась в том, что он придумал, как вывести из-под удара своих единомышленников-троцкистов, и доложил об этом одному из руководителей военного заговора – Гамарнику. Гамарник эту идею, понятно, одобрил.

Как и компрометирующее доведение до абсурда решений партии и правительства, так и эта защита маскировались под особое рвение в выполнении указаний Сталина и Ворошилова по очищению армии от врагов и ненадежных элементов, выявленных после убийства Кирова.

А вот еще один подлинный документ.

«СЕКРЕТНО»

*Заместителю народного комиссара
обороны СССР
армейскому комиссару 1-го ранга
тов. Гамарнику Я.Б.*

14 января 1937 г.

Во исполнение Ваших указаний о введении условного шифра в отношении лиц начсостава, увольняемых по политико-моральным причинам, докладываю:

Наиболее приемлемым вариантом, не нарушающим Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, является установление особой нумерации приказа. После номера приказа проставляются буквы «О.У.» (особый учет). В остальном форма приказа ничем не будет отличаться от обычных приказов по личному составу.

Внешне эти приказы будут иметь такой вид:

«Приказ

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

по личному составу армии

№ 115/оу

г. Москва

Командир взвода № стрелкового полка лейтенант СЕМЕНОВ Иван Семенович освобождается от занимаемой должности и увольняется в запас РККА по ст. 43 п. «б» «Положения о прохождении службы командным начальствующим составом РККА со званием лейтенант запаса».

Все уволенные по приказам НКО с данным шифром будут братья на особый учет с тем, чтобы не приписывать их к войсковым частям, не зачислять в переменный состав тер. частей, не призывать в РККА по отдельным заданиям и нарядам и не направлять в войска в начальный период войны.

В случае утверждения Вами этого мероприятия я дам соответствующие указания командующим войсками военных округов (флотов).

Начальник УНКС

Фельдман»

С таким «шифром Фельдмана» были уволены из армии тысячи командиров, и почти все они сразу же по прибытии на место жительства арестовывались, как только местные органы НКВД видели на их документах шифр «О.У.», – он, собственно, был сигналом для ареста. Шифр «О.У.» являлся страшным «клеймом» для латышей, поляков, эстонцев, литовцев, финнов, корейцев, китайцев и лиц других национальностей, не входивших тогда в Советский Союз.

Кроме того, в этом приказе говорилось: «Выявить всех родившихся, проживающих или имеющих родственников в Германии, Польше и других иностранных государствах и наличие связи с ними».

Все командиры с шифром «О.У.», вне зависимости от их честности, опыта работы, партийности, участия в гражданской войне, отличий по защите Родины, были уволены из Красной Армии. Списки этих уволенных в запас командиров направлялись в НКВД. Нетрудно догадаться о их дальнейшей судьбе – в НКВД «рулили» единомышленники Фельдмана, начиная с наркома Ягоды.

В числе многих уволенных с клеймом «О.У.» был, например, комдив Данило Сердич, серб по национальности, которого высоко ценил Жуков. Сердич командовал дивизией, в годы гражданской войны проявил себя исключительно храбрым человеком, был награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. В дни Октябрьской революции он командовал сводным отрядом Красной гвардии в Петрограде и являлся одним из активнейших участников революции. Это был прекрасный во всех отношениях человек. Но по национальности он был серб, и этого оказалось достаточно, чтобы под общую метелку его уволили. Ну а как только он со злополучным шифром «О.У.» вышел из рядов армии, его тут же арестовали и расстреляли.

С клеймом «О.У.» был арестован и поляк комбриг Рокоссовский.

Любопытен и такой пример из книги бывшего министра юстиции Российской Федерации В. Ковалева «Два сталинских наркома» (Москва, 1995, изд. «Универс»). Эта книга министра-«демократа» содержит злую антисталинскую направленность. Она, по расчету Ковалева, должна разоблачить Сталина и его подручных в жестокости репрессий.

Действительно, вакханалия репрессий быстро стала неуправляемой. «Тройки» и «двойки», словно соревнуясь в эффективности, с пулеметной скоростью решали судьбы людей. Число осужденных к высшей мере наказания стремительно росло. Службы, приводившие смертные приговоры в исполнение, работали с напряжением. Даже возникла проблема индустриализации методов уничтожения. И она была решена.

Конкретные данные на этот счет стали известны много лет спустя из материалов раскритического уголовного дела бывшего начальника административно-хозяйственного отдела

Управления НКВД по Московской области Исае Давидовича Берга. В книге В. Ковалева говорится о нем следующее:

«Берг тогда являлся начальником оперативной группы по приведению в исполнение решений «тройки» УНКВД МО. С его участием были созданы автомашины, так называемые душегубки. В этих автомашинах перевозили арестованных, приговоренных к расстрелу, и по пути следования к месту исполнения приговора они отравлялись газом.

Берг признавал, что он организовал приведение в исполнение приговоров с применением автомашины (душегубки), объясняя это тем, что он выполнял указание руководства УНКВД МО и что без них невозможно было бы исполнить столь большое количество расстрелов, к которым арестованных приговаривали три «тройки» одновременно.

Из рассказов на допросах Берга и из разговоров, которые ходили среди сотрудников УНКВД МО, было известно, что процедура приведения приговоров в исполнение, организованная Бергом, носила омерзительный характер: приговоренных к расстрелу арестованных раздевали догола, связывали, затыкали рот и бросали в машину, имущество арестованных под руководством Берга расхищалось.

Не станем подробно рассматривать дело И.Д. Берга, ибо не это предмет нашего повествования. Отметим лишь, что подобных ему «изобретателей» и «умельцев» в оперативных подразделениях по приведению смертных приговоров в исполнение было немало».

Напрасно министр не пожелал «подробно рассматривать», если бы он этим занялся, то обнаружил бы и других коллег И. Берга.

Гамарник, Тухачевский и другие заговорщики – одного поля ягоды. Об этом свидетельствует и тот факт, что ни один из них не заступился ни за кого из многих тысяч боевых соратников по гражданской войне, отправленных Фельдманом в мясорубку репрессий. Это было их общее дело: истреблять «ленинскую гвардию», вызывать недовольство в армии и народе, компрометировать политику Сталина.

Чистка партии и армии была нужна, ее проводил Сталин, это очевидно, и не надо его оправдывать. Но и тот факт, что троцкисты и оппозиционеры подстроились в этом деле к линии партии по очистке и, как во многих прежних делах, извратили ее до абсурда, превратив действительно в кровавую вакханалию, тоже отрицать нельзя.

Еще одно любопытное документальное подтверждение принадлежит одному из тех, кто в 20-е – 30-е годы осуществлял оппозиционную линию Троцкого. Его имя Михаил Шрейдер. Он написал книгу «НКВД изнутри. Записки чекиста» (М., 1995). Шрейдер прошел много ступеней чекистской службы и действительно все знал в ней «изнутри».

С ностальгической теплотой он вспоминает «товарищей» по карательной службе: А. Агранова (Соренсона), начальника управления тюрем Аветера, начальника ГУЛАГа М. Бермана, его зама Рапопорта, начальника Беломорских лагерей А. Когана, начальника главного управления Л. Бельского, начальника Беломоро-Балтийского лагеря С. Фирина и многих других с подобными фамилиями (которые перечислял сам автор).

С ними Шрейдер занимался раскачиванием, раскулачиванием, истреблением христианских священнослужителей: 600 000 русских людей – царских офицеров, попов и кулаков с русскими фамилиями. Шрейдер не без гордости заявляет: «В тюрьмах и лагерях с конца 20-х – середины 30-х годов был образцовый порядок».

Другие авторы – Л. Гордон, Э. Клопов в книге «Что это было?» (М., 1989) сообщают:

«На первой стадии коллективизации, конец 1929 г. – первое полугодие 1930 г., было раскулачено свыше 320 000 семей... (Если в каждой семье минимум 3 человека – это уже миллион! – В.К.). На второй стадии коллективизации – с осени 1930 г. до лета 1931 г. – репрессиям подверглись новые сотни тысяч семей... Таким образом, только в 1929–1931 гг. было раскулачено почти 600 000 семей... Можно заключить, что число арестованных, сосланных и

иным образом пострадавших на протяжении (только) первых лет коллективизации, достигает 4–5 млн. человек».

Таков «образцовый порядок», который навели Шрейдер и перечисленные им сослуживцы, а Троцкий, как выяснилось, был их главный организатор, вдохновитель и опекун.

И тогда встает вопрос – при чем здесь Сталин, на которого навешивают эти миллионные цифры количества репрессий 20-х – 30-х годов?..

А что касается военного заговора – тем, кто еще сомневается в нем, нелишне перечитать приведенный выше отрывок из стенограммы судебного процесса. Никаких пыток – спокойный диалог. Нет намерения оговорить Тухачевского, лишь деловое изложение обстоятельств: существует план «дворцового переворота», намечены дата и силы, которым предстоит его осуществлять, определено, кого убивать в первую очередь.

Встает вопрос – когда все это стало известно Сталину: во время следствия, на суде или раньше?

Можно полагать, что эти и другие сведения (разговоры на квартирах) доходили до Сталина сразу же после встреч и совещаний, в том числе и тех, на которых обсуждался план контрреволюционного восстания. Регулярно и безотказно работала служба подслушивания, активно действовали разного рода информаторы.

Сталин еще даже промедлил: арестовали Тухачевского 22-го, а на Лубянку привезли 25 мая. Рисковал Сталин. Очень рисковал. По показаниям еще одного заговорщика, на секретной сходке Тухачевский стучал кулаком по столу и кричал:

«Я не могу больше ждать. Вы что хотите, чтобы нас арестовали как Пятакова и Зиновьева и поставили к стенке?»

Сталин, безусловно, знал и об этом, но арест маршала был оформлен, как полагается – решением Политбюро и санкцией генерального прокурора.

Только и слышишь сегодня: «Сталин – кровавый злодей, уничтожил тысячи невинных, обезглавил Красную Армию, истребив 40 тысяч командного состава».

Как же так – заговорщики признали свою вину, умоляли суд о пощаде, а нынешние опровергатели их преступных деяний истошно кричат на весь мир: «Не было этого, их вынудили под пытками, им все приписали, подтасовали!»

Впрочем, пытки были, были массовые незаконные аресты и расстрелы, но их осуществляли работники НКВД, суда и прокуратуры из числа троцкистов, оппозиционеров, заговорщиков, которых, кстати, выявлял и обезвреживал Берия. Они сами признавались в применении «физических методов» на следствии.

Было два периода репрессий: первый – до середины 30-х годов (троцкистский), второй (сталинский) – после убийства Кирова.

Пытки и какое-либо воздействие на подсудимых в открытых процессах в Колонном зале и на заговорщиков Тухачевского, как установлено, не применялись. Говорят, Сталин сам следил за ходом этих судов. Факты это подтверждают. Не только следил, но и встречался с некоторыми подсудимыми по их просьбе, по их письмам, напоминавшим о старой дружбе, о признании вины и раскаянии.

Много раз в прессе последних лет говорилось о сорока тысячах репрессированных командиров. Причем они представляются как расстрелянные, а не просто репрессированные. Утверждается также, что подобное истребление продолжалось на протяжении всего периода деятельности Сталина. Однако документы и факты не подтверждают этого обвинения. Всплеск массовых репрессий относится к тридцатым годам, когда несколько десятков тысяч командиров истребили Фельдман, Гамарник и их соратники по военному заговору.

В 1938 году Сталин сам ужаснулся от допущенных троцкистами перегибов. Тогда на Пленуме ЦК ВКП(б) было принято специальное постановление с названной впервые цифрой – 40 тысяч репрессированных. Вот этот документ:

«Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечает, что за 1937–1938 годы под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистили СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры...»

Далее приводятся конкретные примеры нарушения законности и указывается одна из причин массового террора:

«Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались прибравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры – как в центре, так и на местах – враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах...

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры – СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Запретить органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со статьей 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР...

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор...»

Вот выдержки из выступления на пленуме Сталина:

«– В ходе своевременного и правильного очищения наших вооруженных сил от проникшей в них иностранной агентуры товарищ Ворошилов и его заместители по наркомату обороны явно перестарались. Доверившись «информации», которую получали от бывшего наркома НКВД Ежова, уволили из вооруженных сил около 40 тысяч опытных командиров – якобы за политическую неблагонадежность. Большинство было уволено под прикрытием ставших модными лозунгов: за связь с врагами народа или за потерю бдительности. Достаточно было НКВД СССР установить, что среди знакомых военнотружашего или среди тех, с кем он повседневно общался по службе, оказался разоблаченный агент иностранной разведки, чего он, конечно, не знал и знать не мог, чтобы такого командира немедленно увольняли из вооруженных сил. (Воспоминание О.У. Фельдмана. – В.К.)

Товарища Ворошилова, конечно, можно понять. Потеря бдительности – дело крайне опасное: ведь для того чтобы осуществить успешное наступление на фронте, нужны сотни тысяч бойцов, а чтобы провалить его – два-три мерзавца-предателя в Генеральном штабе. Однако чем бы ни оправдывали увольнение 40 тысяч командиров из вооруженных сил – это мероприятие не только чрезмерное, но и крайне вредное во всех отношениях. Центральный Комитет партии поправил товарища Ворошилова.

К январю 1938 года в армию и на флот возвращено 11 тысяч ранее уволенных опытных в военном деле командиров. Наши враги за рубежом в провокационных целях распространяют слухи о массовых расстрелах, которые якобы имели место в Советском Союзе, проливают крокодиловы слезы по разоблаченным нами и расстрелянным своим агентам, по всем этим Тухачевским, Егоровым, Якирам. Утверждают, что разоблачение иностранной агентуры в СССР якобы понизило боеспособность советских вооруженных сил, а число расстрелянных в Советском Союзе чуть ли не перевалило за миллион человек. Это провокационная клевета. В 1937 году за контрреволюционные преступления судебными органами осужден 841 человек. Из них расстрелян 121 человек. В 1938 году по статьям о контрреволюционных преступлениях органами НКВД было арестовано 52 372 человека, при рассмотрении их дел в судебных органах осужден был 2731 человек, из них расстреляно 89 человек и 49 641 человек оправдан. Такое большое количество оправдательных приговоров подтвердило, что бывший нарком НКВД Ежов арестовывал многих людей без достаточных к тому оснований, за спиной ЦК партии творил произвол, за что и был арестован 10 апреля 1939 года, а 4 апреля 1940 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР провокаторы Ежов и его заместитель по НКВД Фриновский расстреляны. Что касается большинства заключенных, находящихся в лагерях системы ГУЛАГа НКВД СССР, то это обычные уголовники, которых в интересах безопасности советского народа нельзя держать на свободе.

Иностранная же агентура, которая всегда организует и провоцирует антисоветские выступления, нами уничтожена. То, что мы, товарищи, очистили вооруженные силы от заговорщиков и предателей, освободили страну от иностранной агентуры, – большая заслуга Коммунистической партии перед советским народом. Без этого нельзя было бы осуществить хорошую подготовку страны к обороне, ведь расстрелянные враги народа основной своей задачей ставили свержение советского строя, восстановление капитализма и власти буржуазии в СССР, который бы в этом случае превратился в сырьевой придаток Запада, а советский народ – в жалких рабов мирового империализма. Важное место в планах врагов народа занимали: подрыв экономической и военной мощи СССР, содействие иностранным агрессорам в деле нападения на СССР, подготовка военного поражения СССР...»

Это сказано Сталиным до Великой Отечественной войны. Нетрудно предположить, какие злодеяния учинили бы троцкисты (хорошо организованные), осуществляя свои планы по содействию гитлеровской и японской армиям.

Далее Сталин рассказал о планах троцкистов – планах, удивительно схожих с тем, что произошло с нашей страной в 80-е – 90-е годы. Можно только изумляться стратегической прозорливости Иосифа Виссарионовича.

«— Захватив власть и установив бонапартистские порядки в стране, опираясь на вооруженное ими контрреволюционное отребье, на уголовные и деклассированные элементы, эти презренные и жалкие предатели намеревались прежде всего отказаться от социалистической собственности, продав в частную собственность капиталистическим элементам важные в экономическом отношении наши хозяйственные объекты; под видом нерентабельных ликвидировать совхозы и распустить колхозы; передать трактора и другие сложные сельскохозяйственные машины крестьянам-единоличникам, именуемым фермерами, для возрождения кулацкого строя в деревне; закабалить страну путем получения иностранных займов; отдать в концессию важные для империалистических государств наши промышленные предприятия; отдать Япо-

нии сахалинскую нефть, а Украину – Германии. В то же время осужденные враги народа стремились всеми силами подорвать боеспособность советских вооруженных сил.

Вот что, например, о планах врагов народа заявил на процессе один из активных участников антисоветского заговора Сокольников: «...Мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу капитализма – потому что тогда сможем опереться на некоторые слои в стране, – создавать мелкокапиталистическую среду, мелких торговцев, мелкую буржуазию».

Корни этой компании, этой банды надо было искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их верную холопскую службу. И мы эти корни нашли.

Не покладая рук, работали иностранные разведчики, отыскивая и находя себе, к сожалению, союзников в нашей стране, помощников в среде, правда, разложившихся, враждебных советскому строю людей.

Поскольку разоблаченные и расстрелянные враги народа имели своей целью открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору, своевременное разоблачение и ликвидация их – одно из важнейших мероприятий в деле подготовки страны к успешной обороне».

О том, что Сталин был человек решительный, говорить излишне. Обнаружив такие проiski врагов, он принял необходимые, по его понятиям, государственные меры, провел «оздоровительную» чистку в органах НКВД.

Сталин помнил о десятках тысяч сионистов из Еврейской коммунистической партии, принятых против его воли в ВКП(б). Очень большую силу имели эти сионисты, слившиеся с оппортунистами всех мастей; во главе с Троцким они занимали высокие посты в НКВД, прокуратуре, судах, лагерях и партийных органах.

Сталин помнил многих по именам (да и списки сохранились). Всегда помнил он и их черные дела, когда решения партии доводились до абсурда и компрометировались добрые начинания истинных большевиков. Сталин все помнил. И они за все заплатили.

Завершая исследования о причинах возникновения и о проведении массовых репрессий в нашей стране с 1922 по 1938 год, необходимо сослаться еще на один документ, с самого низа айсберга, с той его подводной части, куда, наверное, еще никто не заглядывал. Документ этот по содержанию ужасный, фиксирующий гибель нескольких сот тысяч человек!

СОВ. СЕКРЕТНО

Товарищу СТАЛИНУ

СПРАВКА

В период с 1919 по 1930 гг. органами ВЧК – ОГПУ было расстреляно около 2,5 млн. врагов народа, контрреволюционеров, саботажников и пр.

Из числа сотрудников НКВД, разоблаченных и выявленных врагов народа осуждено 63 079 чел. Расстреляно 41 080 чел. Продолжают отбывать наказание 22 319 чел.

Из всех осужденных врагов народа 90 % – лица еврейской национальности.

Данные приведены без учета смертности в лагерях.

Приложение: сведения по регионам СССР,
таблица на 2-х листах, рапорт начальника
1 СО НКВД СССР тов. Баштакова на 2-х листах.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

СОЮЗА ССР
(Л. Берия)

Верно: руководитель секретариата НКВД СССР
МАМУЛОВ С.С.

После публикации этой «Справки» в печати в письмах и устно в разговорах мне было высказано немало сомнений о ее подлинности, вплоть до того, что это фальшивка, состряпанная самими сионистами, чтобы подтвердить, что Сталин – антисемит: «90 % расстрелянных – лица еврейской национальности».

После дополнительного анализа документов и событий первого послереволюционного десятилетия (диктатура Троцкого) проясняется следующее: в «Справке» указаны 2,5 миллиона, как писал сам Троцкий: «уничтоженных с наслаждением... русских офицеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!».

В следующем абзаце «Справки» сказано о репрессированных «сотрудниках НКВД (добавлю от себя – работников судов, прокуратуры, лагерей), из которых 90 % – лица еврейской национальности». Они – исполнители того уничтожения и поплатились за свои преступления не потому, что были евреи, а Сталин – антисемит. Нет и нет! Это Троцкий создал свою «гвардию» из евреев.

В истории большевистской партии не раз возникал пресловутый «еврейский вопрос». Дело в том, что среди троцкистов и зиновьевцев преобладание евреев было уж слишком очевидным. Осмотрительный Сталин не преминул сделать по этому поводу оговорку: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры». И все равно Сталина обвиняли в антисемитизме.

СОВ. СЕКРЕТНО

ТОВАРИЩУ С ТА Л И Н У

О П Р А В К А

В период с 1919 по 1930 г.г. органами ВЧК - ОГПУ было расстреляно около 2,5 млн. врагов народа, контрреволюционеров, саботажников и пр.

Из числа сотрудников НКВД, разоблаченных и вынужденных врагов народа осуждено 63079 чел. Расстреляно 41080 чел. Продолжают отбывать наказание 22319 чел.

Из всех осужденных врагов народа - 90% лица еврейской национальности.

Данные приведены без учета смертности в лагеря

Приложение: сведения по регионам СССР, таблица на 2-х листах, рапорт начальника I СО НКВД СССР тов. Баштакова на 2-х листах.



НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

(Л. БЯЛЯ)

Верный секретарь НКВД СССР

МАМУЛОВ С.С.

Конечно, как человек, выросший в недрах православной культуры, и человек, широко информированный, он не мог не знать и не понимать, какова роль мирового сионизма. Но это совсем не то, что примитивный антисемитизм, в котором его облыжно упрекают. Если бы Сталин был антисемитом, он не потерпел бы рядом долгие годы Кагановича, Мехлиса и других, которых очень уважал и ценил. Многие соратники Сталина были женаты на еврейках. Будь он антисемитом, при его власти он бы этого не допустил. Например, еврейками были жена Молотова – Жемчужина, Ворошилова – Горбман, Калинина – Лорберг, Кирова – Маркус, Куйбышева – Коган, Каменева – Бронштейн (сестра Троцкого) и т. д.

Не раз высказывалось мнение, что это неслучайно, что «дочери Иеговы» подставлялись и продвигались в подруги жизни к влиятельным людям в соответствии с хорошо продуманным и

организованным планом на этот счет, который разработан и осуществляется единым сионистским центром, теми, кого мы называли «Они».

Не имея на то документальных доказательств (кроме фактов самой жизни), не будем углубляться в эту щекотливую, хотя и очевидную тему.

Великая заслуга Сталина перед народами, населяющими Россию, и особенно перед русским народом, перед историей, заключается в том, что он разглядел, понял сионистское нашествие и отважился на борьбу с этим нашествием под видом «мировой революции».

Стратегическая гениальность Сталина проявилась в терпении и выдержке, когда он, не обладая еще решающей властью (она была у Троцкого и его единомышленников), вел дискуссии и споры с оппозиционерами, постепенно укрепляя свою власть, подбирая соратников, завоевывая доверие партии и народа.

Решительность и твердость Сталина в достижении поставленной цели – строительстве социализма – проявилась в беспощадной борьбе с явными и скрытыми врагами, вплоть до террора по отношению к активным заговорщикам.

Сталин спас страну от сионистского нашествия, агентура которого уже проникла во все сферы партийного, государственного аппарата, карательных органов, профсоюзов и творческих организаций. Эта его победа может быть приравнена к победе над германским нашествием 1941–1945 годов.

Сионисты никогда не забудут поражения, которое нанес им Сталин. В наши дни и вечно они будут поносить, очернять, обливать желчью Сталина, потому что он их лишил очень важного, почти достигнутого продвижения к заветной цели – мировому господству через захват России.

Сталин не дал им возможности разрушить Российское государство и создать на его территории свою «Землю обетованную».

Совершенно ясно, что не один Сталин осуществлял репрессии. Огромную роль играли в этом его верные и услужливые соратники – Ворошилов, Ежов, Берия, Мехлис, Ульрих – с одной стороны и с другой – оппозиционеры Троцкий, Ягода, Берман, Аветер, Фельдман и многие другие.

Факты, как говорится, упрямая вещь. Это не высосанные из пальца разного рода публикации недобросовестных исследователей о судебных процессах 1937–1938 годов. А такого добра за последние годы – несть числа. Подобные публикации, как и досужие слухи, создавались и распространялись с определенной целью – породить сомнение по поводу законности этих процессов. Авторы таких «сочинений» в большинстве не имели прямого соприкосновения ни с подсудимыми, ни с документами следствия. Все, что они писали, озаренные перестроечной эйфорией, – это переложение всяческих домыслов, чтобы любой ценой выгородить заговорщиков, представить их несчастными жертвами. Это не так – что подтверждают и непосредственные участники процессов: с одной стороны, сами подсудимые, с другой – журналисты, дипломаты (их сотни), которые присутствовали на открытых заседаниях суда в самом большом зале в центре Москвы.

Все подсудимые на вопрос председателя суда Ульриха – признают ли они себя виновными – отвечали неизменно утвердительно. Попробуем, во-первых, установить – был ли суд инсценировкой, подвергались ли подсудимые физическому и психическому воздействию.

Известный зарубежный писатель Лион Фейхтвангер по этому поводу в своей книге «Москва, 1937», изданной на Западе (позднее и у нас, но теперь умалчиваемой), писал:

«Пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что исторические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством.

Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились как соль в воде под воздействием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили...

В основном процессы были направлены прежде всего против самой крупной фигуры – отсутствовавшего обвиняемого Троцкого. Главным возражением против процесса являлась недостоверность предъявленного Троцкому обвинения.

«Троцкий, – возмущались противники, – один из основателей Советского государства, друг Ленина, сам давал директивы препятствовать строительству государства, одним из основателей которого он был, стремился разжечь войну против Союза и подготовить его поражение в этой войне? Разве это вероятно? Разве это мыслимо?»

После тщательной проверки оказалось, что поведение, предписываемое Троцкому обвинением, не только не невероятно, но даже является единственно возможным для него поведением, соответствующим его внутреннему состоянию.

Троцкий бесчисленное множество раз давал волю своей безграничной ненависти и презрению к Сталину. Почему, выражая это устно и в печати, он не мог выразить это в действии? Действительно ли это так невероятно, чтобы он, человек, считавший себя единственно настоящим вождем революции, не нашел все средства достаточно хорошими для свержения «ложного мессии», занявшего с помощью хитрости его место? Мне это кажется вполне вероятным.

Мне кажется также вероятным, что если человек, ослепленный ненавистью, отказывался видеть признанное всеми успешное хозяйственное строительство Союза и мощь его армии, то такой человек перестал также замечать непригодность имеющихся у него средств и начал выбирать явно неверные пути.

...Он великий игрок. Вся жизнь его – это цепь авантур: рискованные предприятия очень часто удавались ему.

Русским патриотом Троцкий не был никогда... Что же являлось и является и ныне главной целью Троцкого? Возвращение в страну любой ценой, возвращение к власти».

Далее писатель, хорошо информированный о политической ситуации на Западе, пишет о том, что Троцкий не только активизировал своих сторонников в Советском Союзе, вплоть до террора и подготовки физического уничтожения Сталина и его сторонников, на сотрудничество с фашистами, он вместе с ними готовил «пятую колонну» для ослабления СССР перед войной и нанесения ударов в тылу, когда начнется война.

Фейхтвангер далее продолжает:

«Что касается Пятакова, Сокольников, Радека, представших перед судом во втором процессе, то по поводу их возражения были следующего порядка (возражения у писателя. – В.К.): невероятно, чтобы люди с их рангом и влиянием вели работу против государства, которому они были обязаны своим положением и постами...

Мне кажется неверным рассматривать этих людей только под углом зрения занимаемого ими положения и их влияния. Пятаков и Сокольников были не только крупными чиновниками. Радек был не только главным редактором «Известий» и одним из ближайших советников Сталина. Большинство этих обвиняемых были, в первую очередь, конспираторами, революционерами, бунтовщиками и сторонниками переворота – в этом было их призвание... К тому же они верили в Троцкого, обладавшего огромной силой внушения. Вместе со своим учителем они видели в «государстве Сталина» искаженный образ того, к чему они сами стремились, и свою высшую цель усматривали в том, чтобы внести в это искажение свои коррективы.

Не следует также забывать о личной заинтересованности обвиняемых в перевороте. Ни честолюбие, ни жажда власти у этих людей не были удовлетворены. Они занимали высокие должности, но никто из них не занимал ни одного из тех высших постов, на которые, по их мнению, они имели право; никто из них, например, не входил в состав Политического бюро.

Правда, они опять вошли в милость, но в свое время их судили как троцкистов, и у них не было больше никаких шансов выдвинуться в первые ряды. Они были в некотором смысле разжалованы, а «никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны», – говорит Радек».

Фейхтвангер пишет о зарубежной прессе, утверждавшей, что обвиняемых якобы подвергали гипнозу, давали им специальные наркотические средства и т. п. Его спрашивали: «Вы видели и слышали обвиняемых: создалось ли у Вас впечатление, что их признания вынужденны?»

И писатель отвечал:

«Это впечатление у меня действительно не создалось. Людей, стоявших перед судом, никоим образом нельзя было назвать замученными, отчаявшимися существами, представленными перед своим палачом. Вообще не следует думать, что это судебное разбирательство носило какой-либо искусственный или даже хотя бы торжественный, патетический характер.

Ничто не разделяло суд от сидящих в зале. Не было также ничего, что походило бы на скамью подсудимых; барьер, отделявший подсудимых, напоминал скорее обрамление ложи. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику... Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности... Очень жаль, что в Советском Союзе воспрещается производить в судах фотографирование и записи на грампластинки. Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше.

Признавались они все, но каждый на свой манер: один с циничной интонацией, другой молодежато, как солдат (армии Троцкого), третий внутренне сопротивляясь, прибегая к уверткам, четвертый, как раскаявшийся ученик, пятый – поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы».

Далее писатель характеризует поведение на процессе целого ряда участников. Подчеркивает, что члены суда, прокурор ни разу не повышали голоса, все вели себя в высшей степени корректно.

Фейхтвангер отрицает, что прокурор (или судья) прерывал подсудимых, затыкал им рот, хамил, кричал, бесцеремонно лишал слова. Фейхтвангер задает от имени сомневающихся вопрос: подсудимые не защищаются, не пытаются привести в свое оправдание смягчающие обстоятельства – почему?

«То, что обвиняемые признаются, объясняется очень просто. На предварительном следствии они были настолько изобличены свидетельскими показаниями и документами, что отрицание было бы для них бесцельно.

...В 1935 году перед лицом возрастающего процветания Советского Союза обвиняемые должны были признать банкротство троцкизма. В силу этих обстоятельств... признания обвиняемых прозвучали как вынужденный гимн режиму Сталина. Эти троцкисты... уже не могли защищать то, что они совершили, потому что их троцкистские убеждения были до такой степени опровергнуты фактами, что люди зрячие не могли больше в них верить. Что же оставалось им делать, после того как они стали на неправую сторону?... В последнем выступлении перед смертью признаться: социализм не может быть осуществлен тем путем, которым мы шли... а только другим путем – путем, предложенным Сталиным.

Но даже если отбросить идеологические побудительные причины и принять во внимание только внешние обстоятельства, то обвиняемые были прямо-таки вынуждены к признанию. Как они должны были себя вести после того, как они увидели перед собой весьма внушительный следственный материал, изобличающий их в содеянном? Они были обречены, независимо от того, признаются они или не признаются... Грубо говоря: если они не признаются, они обре-

чены на смерть на все сто процентов, если признаются – на девяносто девять... Из их заключительных слов видно, что такого рода соображения действительно имели место».

Послушайте, защитники Бухарина и обвинители правосудия, что кричит Бухарин, по сути дела, уже с того света:

«Мне кажется, что когда по поводу процессов, проходящих в СССР, среди части западноевропейской и американской интеллигенции начинаются различные сомнения и шатания, то они, в первую очередь, происходят из-за того, что эта публика не понимает того коренного отличия, что в нашей стране противник, враг, в то же самое время имеет это раздвоенное, двойственное сознание. И мне кажется, что это нужно в первую очередь понять.

Я позволяю себе на этих вопросах остановиться потому, что у меня были за границей среди этой квалифицированной интеллигенции значительные связи, в особенности среди ученых, и я должен и им объяснить то, что у нас в СССР знает каждый пионер.

Часто объясняют раскаяние различными, совершенно вздорными вещами вроде тибетских порошков и так далее. Я про себя скажу, что в тюрьме, в которой я просидел около года, я работал, занимался, сохранял голову. Это есть фактическое опровержение всех небылиц и вздорных контрреволюционных рассказней.

Говорят о гипнозе. Но я на суде, на процессе вел юридически свою защиту, ориентировался на месте, полемизировал с государственным обвинителем, и всякий, даже не особенно опытный человек в соответствующих отделах медицины, должен будет признать, что такого гипноза вообще не может быть...» и т. д.

И вот последняя фраза в «последнем слове Бухарина», она как будто обращена прямо к нынешним «правозащитникам»:

«Я, а priori, могу предположить, что и Троцкий и другие мои союзники по преступлениям, и II Интернационал будут пытаться защищать нас, в частности и в особенности меня. Я эту защиту отвергаю, ибо стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед народом. Чудовищность моих преступлений безмерна...»

Можно было бы привести еще несколько подобных откровений других подсудимых, но для краткости ограничимся этими. Вина заговорщиков настолько очевидна, что вопрос – верить или не верить? – вообще здесь не стоит. Он просто требует уточнения – кому верить? Тем, кто изливает сомнения и обвинения, не имея на то никаких оснований, кроме своей тенденциозной направленности (и натравленности), или непосредственным участникам и свидетелям этих процессов?

Нельзя также оскорблять недоверием тех, кого расстреляли. Перед тем как уйти из жизни, они наверняка хотели сказать народу правду.

Троцкий был самым главным обвиняемым на открытых судебных процессах, хотя он и не сидел на скамье подсудимых.

О репрессиях

Хрущевым и заведенной им после XX съезда прессой утверждалось, что Сталин проводил репрессии, движимый исключительно амбициозным желанием оставаться в истории вторым после Ленина руководителем в Октябрьской революции, гражданской войне, а после смерти Ленина – первым историческим лицом, создателем социалистического государства. Для достижения этой цели Сталин якобы безжалостно уничтожил бывших революционеров, которые в какой-то форме не поддерживали это его желание, зная правду о его действительно не первостепенном положении в революции и в партии в те годы.

«Личные амбиции, жестокость и недальновидность» – таково объяснение сталинских репрессий пришедшими к власти «демократами» в перестроечные годы. На утверждение этой версии брошены все силы средств массовой информации, представляющие Сталина «палачом, извергом, беспринципным, единовластным диктатором».

Все это лишь видимая, надводная часть айсберга, имя которому – политическое нашествие на Россию. Подводная часть этого айсберга – большая часть, главное основание – для широкой массы людей невидима. Подводную часть старательно прячут пришельцы и всех мастей доморощенные разоблачители Сталина.

Мудрые люди говорят, что все познается в сравнении. Последуем и мы этому доброму совету. Постараемся взглянуть на подлинные документы и факты непредвзято.

Репрессии проводились во всех революциях и восстаниях. Это уже считается закономерным: приходят к власти новые силы, они убирают прежних сопротивляющихся властителей и их приближенных. В России после революции чистка от представителей старого строя затянулась на несколько лет. В числе репрессируемых, как возможных врагов революционных преобразований, истребляли «буржуев», бывших офицеров, жандармов, кулаков, священнослужителей. Но, повторяю, политическими деятелями, а позднее историками, это воспринималось как естественное для революции явление, протест вызывали только масштабы.

Репрессии, о которых пойдет разговор, проводились в мирное время и были своеобразной аномалией для революции. Происходило нечто непонятное: репрессировались не только представители старого царского строя, а революционеры начали истреблять своих же соратников-революционеров, с которыми свергали царя и защищали молодую республику на фронтах гражданской войны.

Не всем и не сразу понятно, как и почему произошло разъединение двух групп революционеров, приведшее к борьбе не на жизнь, а на смерть и, в конечном счете, к физическому уничтожению друг друга. Начался раскол, когда еще революционеры были в подполье, представляли собой вроде бы единую партию, но уже тогда в ней появились разногласия по программным и тактическим проблемам. Партия разделилась на большевиков и меньшевиков.

Каждой стороной это разъединение объяснялось одинаково – якобы для того, чтобы быстрее принести свободу и счастье народу, ради чего, собственно, и была начата вся революционная борьба.

Настоящая причина разлада была совсем не в бесконечных спорах и дискуссиях, а в том, что извечно губило все движения, восстания, революции, – это борьба за власть внутри руководства, амбиции и претензии на господство, по виду групповое, а на деле – индивидуальное и эгоистичное. Имя этой болезни – вождизм. Эта болезнь всегда очень тщательно скрывается. В ней никто не признается, прячут ее от окружающих и даже от себя претенденты на лидерство. Но если разматывать клубок политических противоречий до конца, то внутри его окажется именно эта губительная бацилла вождизма. Известно, что факты можно истолковать, объяснить как угодно, подвести к желаемым выводам. Например, грандиозные сражения Второй мировой войны ее участники в мемуарах и ученые-историки в своих трудах описывают в зависимости

от того, на чьей стороне они воевали и кому выражают свои симпатии. Так и о репрессиях по-разному пишут и объясняют, исходя из своих политических убеждений, хотя опираются на одни и те же факты.

Во второй половине XX века (после смерти Сталина) ни по какой другой теме не писали (и не пишут по сей день) так много в нашей и зарубежной печати, как о репрессиях. Случайно ли это?

Вроде бы объективную причину репрессий я услышал от Молотова, ближайшего соратника и единомышленника Сталина. Не раз я заводил с ним разговор на эту тему, в последние десять лет его жизни часто бывая у него на даче.

Но по порядку.

Однажды Молотов подробно рассказал, на мой взгляд, о самом главном – о репрессиях:

– Вы должны понять прежде всего то, что репрессии являются следствием борьбы за власть, с одной стороны, и уничтожением вражеской агентуры, в которую превратились троцкисты, с другой стороны. Еще до революции в партии произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Идеиные разногласия приводили не только к словесным битвам за формулировки каких-то программ, решений и постановлений. Борьба велась и за руководящее положение в центральных органах партии.

После революции были в партии два течения, которые продолжали борьбу уже в новых условиях, но, в конечном счете, и это было соперничество за власть – я имею в виду ленинцев и троцкистов.

Сталину досталось очень тяжелое наследство: опытный, талантливый руководитель Троцкий с его могучей организацией (многие государственные и партийные посты занимали его единомышленники). Для того чтобы справиться с ними, Сталину необходима была опора на людей, которые его поддерживали бы.

В тридцатые годы у Сталина еще не было авторитета, необходимого для Генсека. Поэтому во всех своих делах и выступлениях он подчеркивал, что является продолжателем дела Ленина. Авторитет Ленина служил ему опорой. Ленинцы объединялись вокруг Сталина в борьбе с троцкистами.

Надо не упускать из виду, что Сталин и его сторонники в те годы были стороной, которая защищалась от нападков троцкистов.

При неукротимой энергии Троцкого, его напористости и эрудиции Сталину очень нелегко приходилось в неравной борьбе. Сначала все шло в словесных битвах. Затем Иосиф Виссарионович, будучи человеком крутым и решительным, стал кроме говорильни и дискуссий применять власть. Ну а власть, как вы знаете, оружие очень сильное. Сталин свалил и выслал самого Троцкого и принялся выкорчевывать его сторонников. А их было много! И они оружия не сложили. Троцкий продолжал руководить своей оппозицией из-за рубежа. Ставилась задача: не только свержение Сталина и его соратников, но и физическое устранение. Троцкисты первыми перешли к террору – убийство Кирова стало апогеем в этой их черной затее. Но Сталин после убийства Кирова тоже показал зубы и даже клыки!

Что бы сегодня ни писали, ни выдумывали о причастности Сталина к убийству Кирова, все это неправда, попытка обелить троцкистов. Сталин по-настоящему дружил и высоко ценил Сергея Мироновича.

Ну а потом пошло и поехало. Как снежный ком с горы. Сталин истреблял своих врагов в центре, а на местах угодники, желая выслужиться перед Генсеком, выискивали врагов в республиках и областях. А заодно, оказывается, «убирали» и своих недоброжелателей, людей чем-то неудобных местной власти...

Таковы были пояснения Молотова. Я спросил Вячеслава Михайловича:

– Неужели у Вас не возникали сомнения, ведь арестовывали людей, которых Вы хорошо знали по их делам еще до революции, а затем в гражданской войне?

– Сомнения возникали, однажды я об этом сказал Сталину, он ответил: «Поезжайте на Лубянку и проверьте сами, вот с Ворошиловым». В это время в кабинете был Ворошилов. Мы тут же поехали. В те дни как раз у нас были свежие недоумения по поводу ареста Постышева. Приехали к Ежову. Он приказал принести дело Постышева. Мы посмотрели протоколы допроса: Постышев признает себя виновным. Я сказал Ежову:

«Хочу поговорить с самим Постышевым». Его привели. Он был бледный, похудел и вообще выглядел подавленным. Я спросил его: «Правильно ли записаны в протоколах допроса Ваши показания?» Он ответил: «Правильно». Я еще спросил: «Значит, Вы признаете себя виновным?» Он ответил: «Раз подписал, значит, признаю, чего уж тут говорить...» Вот как было дело. Как же мы могли не верить, когда человек сам признается...

В одном выступлении на Пленуме Сталин изложил причины репрессий. Первую из них он указывает ту же, о которой мне сказал Молотов в нашей беседе. «В стране боролись две программы – непримиримые, как смертельные враги, стоящие одна против другой. Две программы, два лагеря. С одной стороны – оторванная от народа и враждебная народу маленькая кучка людей, ставшая агентами иностранных разведок (троцкисты. – В.К.), с другой стороны – трудящиеся, строящие светлое социалистическое общество, обеспечивающее им свободную и сытую жизнь» (сталинисты. – В.К.).

Другой причиной расширения репрессий Сталин считал следующее: «...среди коммунистов существуют еще не вскрытые и не разоблаченные отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии.

Такой карьерист-коммунист полагает, что раз на члена партии подано заявление, хотя бы неправильное или даже провокационное, он, этот член партии, опасен для организации и от него нужно избавиться поскорее, чтобы застраховать себя как бдительного. Поэтому он считает излишним объективно разбираться в предъявленных коммунисту обвинениях и заранее предпринимает необходимость его исключения из партии.

В связи с этим Пленум обязал обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий снимать с партийных постов и привлекать к партийной ответственности тех партийных руководителей, которые не выполняют директив ЦК ВКП(б), исключают из партии членов и кандидатов ВКП(б) без тщательной проверки всех материалов и допускают произвол по отношению к членам партии».

Исходя из этого, часть вины, которую огульно валят на Сталина, наверное, следует переложить на подхалимов, перестраховщиков и тех, о ком говорят: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет».

Во все времена все государственные руководители и военачальники при приближении войны не только готовили армию, но очищали тыл от шпионов и ненадежных субъектов, которые с началом боевых действий могли принести огромный вред своим войскам и содействие противнику.

Напомню пример из истории.

Русские войска, изгнав Наполеона со своей земли, приближались к Парижу. Наполеон с главными силами отошел не к столице, а на юг, за Манд, рассчитывая ударить во фланг армиям союзников, которые, конечно же, пойдут на Париж и подставят свой фланг.

Казакам удалось поймать французского гонца, который с несколькими пакетами направлялся из Парижа к Наполеону. Письма доложили царю Александру I. В одном из донесений сообщалось, что в Париже есть группа влиятельных лиц, проявляющих открытую вражду к императору Наполеону и готовых стать чрезвычайно опасной силой в условиях, когда противник приблизится к столице. (Силы эти представляли собой нечто похожее на наших троцкистов – они, служа Наполеону, намеревались втайне реставрировать старый дореволюционный строй.)

Императору Александру I и до этого поступала информация, и даже приезжали эмиссары от оппозиционеров, но он не доверял им. Теперь, убедившись по захваченной переписке, что враждебные силы действительно существуют и помогут наступающим, Александр I решил двинуть силы союзных армий на Париж, не ввязываясь в последний бой с главными силами французского императора. Взятие Парижа означало победный конец войны. Сам Наполеон воскликнул: «Если неприятель дойдет до Парижа – конец империи!»

Роялисты-оппозиционеры (как троцкисты) занимали многие государственные посты, например, Талейран был верховным камергером – нечто равное нашему председателю правительства (Каменеву). Роялисты в Париже саботировали распоряжения Наполеона по организации обороны столицы, распространяли слухи, что русский император обещает французам неприкосновенность личности и имущества. «Русский царь берет Париж под свое покровительство». Талейран (как наши перевертыши) организовал государственный переворот и доложил русскому царю, что сенат лишил Наполеона престола, создал новое правительство. С этим правительством в дальнейшем Александр I и его союзники вели переговоры о мире. Затем сенат провозгласил королем Людовика XVIII. В общем, контрреволюция состоялась. Этот пример подтверждает: если оппозицию («пятую колонну») вовремя не убрать, она может восторжествовать и привести к очень трагическим последствиям.

Нет сомнения, Сталин хорошо знал историю и готовил страну к обороне, очищал ее от враждебных сил, он был осведомлен о действиях оппозиции внутри страны и проникающей из-за рубежа агентуры.

Между прочим, Леон Фейхтвангер, не будучи военным деятелем, очень точно и метко написал в своей книге:

«Главной причиной, заставившей руководителей Советского Союза провести этот процесс перед множеством громкоговорителей, является, пожалуй, непосредственная угроза войны. Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае – ссылать... Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имеющие серьезного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность».

Убедительно оправдывают Сталина в его репрессиях против врагов, слова человека с той, с зарубежной стороны, который по своему положению ни в коем случае не может считаться другом Советского Союза. Я имею в виду бывшего американского посла в СССР Джозефа Дэвиса. Вот что он писал в газете «Санди Экспресс» в 1941 году. После нападения Германии на Советский Союз его спросили: «А что Вы скажете относительно членов «пятой колонны» в России?» Он ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». Дэвис говорит далее: «Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935–1938 гг. являются возмутительными примерами варварства, неблагоприятности и проявлением истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

После подробного изложения планов Бухарина и его сподвижников – троцкистов – Дэвис пишет: «Короче говоря, план этот имел в виду полное сотрудничество с Германией. В качестве вознаграждения участникам заговора должны были разрешить остаться на территории небольшого, технически независимого Советского государства, которое должно было передать Германии Белоруссию и Украину, а Японии – приморские области и сахалинские нефтяные промыслы».

Дэвис заявляет также, что советское сопротивление, «свидетелями которого мы в настоящее время являемся (боевые действия 1941 года. – В.К.), было бы сведено к нулю, если бы Сталин и его соратники не убрали предательские элементы».

Обобщая, подводя итог «сталинским репрессиям», оппоненты из троцкистов заявляют: Сталин уничтожил «ленинскую гвардию».

Так ли это? Вспомним, что говорил сам Ленин о «гвардии», которую репрессировал Сталин. Например, Зиновьева и Каменева еще в 1917 году за предательство Ленин назвал «политическими проститутками», а в «завещании» писал: «Это не является случайностью». Следовательно, Ленин предвидел систематическую антипартийность Каменева и Зиновьева.

О Бухарине, наряду с его талантливостью, Ленин отмечает: «его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое, он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики».

О Пятакове Ленин пишет: «Он не тот человек, на которого можно было положиться в серьезном политическом вопросе». Говорил и о самом «Иудушке Троцком», с его, по определению Ленина, «небольшевизмом», «его борьбой против ЦК», «чрезмерной самоуверенностью» и «чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела», неоднократным предательством. Прежде всего это была многотысячная Еврейская коммунистическая партия с ее сионистской сутью, влитая в ВКП(б) усилиями троцкистов, – перекрасившиеся эсеры, бундовцы и прочие, которые тоже стали объектом «сталинских репрессий».

Разве можно всех, перечисленных выше, называть «ленинской гвардией»? Наверное, более точное название этим проникшим в большевистскую партию было бы – «сионистская гвардия Троцкого».

И если это так (а это именно так), то «сталинские репрессии» обретают совсем иной смысл и направленность: Сталин вынужден был защищать страну и партию от враждебных действий оппозиционеров-заговорщиков. Он долго вел эту защиту в дискуссиях и спорах. И только когда встал вопрос о «дворцовом перевороте» и уничтожении большевиков-руководителей, Сталин перешел к решительным мерам, которых требовала создававшаяся ситуация.

Таким образом, во всей многолетней борьбе с Троцким и троцкистами Сталин и его единомышленники были стороной защищающейся, репрессии стали крайней вынужденной мерой для разгрома оппозиционеров, которые первыми перешли к крайним мерам – террору против большевистского руководства партии, уничтожению Советского Союза, достижений в строительстве социализма и создании своей антинародной системы правления.

Результатом репрессий, проведенных Сталиным, был не только разгром троцкизма и всяких антисоветских и антирусских блоков и оппозиций – главная победа Сталина, по масштабам исторически стратегическая, фактически это разгром сионизма на территории Советского Союза. Одержав победу над сионизмом, Сталин избавил тем самым народы, населяющие Советский Союз, от порабощения не менее опасного, чем гитлеровское фашистское нашествие. Если бы победу в «политической войне» 20-х – 30-х годов одержали троцкисты, ход истории в нашей стране сразу обрел бы форму истинного порабощения и истребления коренного населения, наподобие того, что происходит сейчас, начиная с 90-х годов, в нашей стране. Об этом, например, красноречиво свидетельствует описанный выше троцкистско-сионистский разгром Русской Православной Церкви.

Многие страдания, горе и трудности всех народов, населяющих Советскую страну, лежат на совести заговорщиков и предателей. Не будь их, строительство нового общества и жизнь людей, несомненно, проходили бы более благоприятно, безболезненно и плодотворно. Не было бы массового истребления коренных жителей России (в основном русских) при троцкистском извращении и насильственном насаждении коллективизации. Не истребляли бы кулачество как класс. Не сбивались бы с толку участники революции, и особенно молодые коммунисты, в бесконечных дискуссиях и провокационных обвинениях Сталина и его сторонников. Не было бы массовых арестов за антисоветские разговоры. Из-за этих спровоцированных троцкистами массовых арестов возникла у людей потребность самозащиты, которая проявилась в доносах, наущничестве, стукачестве, ложных обвинениях и прочих подлостях.

Переполненные тюрьмы и лагеря в 20-х и первой половине 30-х годов – это следствие деятельности оппозиционеров. Причем сами они порождали волну «преступлений» и сами же карали, находясь в органах НКВД, прокуратуры, судах и лагерях.

Из стенограмм судебных процессов 1937–1938 годов, из политической платформы правых, из их стратегии и тактики обнаруживается полное совпадение с политикой и практикой нынешних реформаторов в России. Но если у заговорщиков все было в теории, то наши перестроечники-«демократы» осуществили это на практике. То есть в действительности они оказались наследниками троцкистов, оппозиционеров, заговорщиков.

Именно поэтому они прежде всего реабилитировали «врагов народа», осужденных в показательных процессах 1937–1938 годов, оказались их единоутробными братьями. Единомышленниками.

Для Сталина, для законов, которые существовали в то время в СССР, троцкисты были и юридически, и практически несомненными преступниками, чего они и сами не отрицали.

Следовательно, и репрессии были естественной ответной реакцией на преступления, вражескую деятельность троцкистов, контрреволюционеров и военных заговорщиков.

* * *

Читателям, наверное, интересно узнать, что думал, как оценивал сам Сталин деяния заговорщиков и судебные процессы 1937–1938 годов. В личном архиве Сталина сохранилась стенограмма его выступления на расширенном заседании Военного совета. Стенограмма неправленая, она пролежала в сейфе полвека и впервые была опубликована в 1994 году в журнале «Источник», № 3. Поскольку эта публикация дошла до немногих, привожу ее в очень сокращенном виде – самую суть, из которой видно, что заговорщиков привлекли к ответственности на законном основании, а не по прихоти «тирана» и «диктатора», как это утверждают его многочисленные очернители.

Сталин в своем выступлении приводит много конкретных фактов преступных действий и имена их исполнителей. Опускаю все это для краткости, оставляю лишь причины, по которым эти люди, по мнению Сталина, пошли на преступную измену и предательство.

Сталин: – Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних мерзавцами, других – чудаками, третьих – помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я и хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего, обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Троцкий, Рыков, Бухарин – это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом, Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский – по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник – 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать.

Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах как о враждебном классе трудового народа, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные

лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения – вы это знаете?

Голос: – Известно.

Сталин: – Энгельс был сын фабриканта – непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа – неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался – шпионом.

Поэтому общая мерка, что это не сын батрака, – это старая мерка, к отдельным лицам неприменимая. Это не марксистский подход.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Так что это вторая ходячая, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще, точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал, не всегда правильна, и очень часто она подводит.

Значит, при характеристике этого ядра и его членов я также эту точку зрения, как неправильную, не буду применять.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал – 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них 10 человек шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила.

У нас нет данных, что Рыков сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года Енукидзе. Мы знаем, через кого они получали секретные сведения, через кого доставляли эти сведения – через такого-то человека из германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

У нас нет данных, что Бухарин сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали – информируйте, сами не доставляли.

У нас нет данных, что Гамарник сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский, – занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные – Енукидзе, Карахан, как я уже сказал. Ягода – шпион, и у себя в ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные, и работайте так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы – германские шпионы. Так он поступил с Гаем – немецко-японским шпионом. Он это сам признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем – шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером – шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит, Ягода. Дальше – Тухачевский. Вы читали его показания.

Голоса: – Да, читали.

Сталин: – Он оперативный план наш, оперативный план – наше святое святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Якир – систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич – не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан – немецкий шпион. Эйдеман – немецкий шпион. Карахан – информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзутак. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди.

Могут задать, естественно, такой вопрос – как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами оголтелым орудием в руках германского шпионажа? – А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют – дай информацию. Не дашь – у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют – начинайте заговор.

Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3 патентованных подстрекателей-шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер – и они это дело готовили.

Тухачевский особенно, который играл роль благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3 месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек? Что это? Что за дивизия в 7 тыс. человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это срам. Как может быть такая дивизия. Я у Тухачевского спрашивал, как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тыс. человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60... 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов? Здесь одно из двух, либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Тов. Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по приказам германского рейхсвера.

Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были не что иное, как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы, и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т. д. Рейхсвер, как могучая сила, берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих

людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос – почему этим господам так легко удавалось завербовать людей? Вот мы человек 300–400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 г. и кончая 1937 г. Не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем – недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляет с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человек думает, что он гениален, и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начинали с малого, с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, т. к. Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвигнуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели. (Веселое оживление в зале.)

Третий вопрос – почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки, как-никак, дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии, вам известно, эти успехи несколько вскружили голову; когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, – все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать, какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения.

Успехи одни. Это очень большое дело – успехи. И мы все стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона – самодовольство ослепляет. Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Но отсюда не все видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Есть одно средство настоящей проверки – это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот это насчет сигналов.

Еще недостаток, в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали Генеральный штаб? Для того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы Генеральный штаб проверял людей, чтобы Генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации.

Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда, когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это неправильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества: на Украине – Якир, здесь в Белоруссии – Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе и что они там вытворяли, бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры.

Спустя рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели: Гаркавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе – представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей. (Смех.) Возвращают бумаги на этих шесть человек – не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры 6 дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

В чем основная слабость заговорщиков и в чем наша основная сила? Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают, и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там другой, там какого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай кашу, а мы поглядим. Они боялись народа. Если бы вы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других – в другое, третьих – в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем?

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятаящиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали, вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же – такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

Голоса: – Чепуха, чудесные люди есть.

Сталин: – В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу.

Ворошилов: – Вот этот самый господчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек 150 людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение 2 1/2, почти 3 лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

Буденный: – Я его видел, там все троцкисты, одни взятые уже, другие под подозрением.

(Вспомните доклад Фельдмана Гамарнику о том, как он спасал троцкистов, подставляя вместо них под репрессии невиновных командиров, по придуманному им О.У. – Особому учету. – В.К.)

Сталин: – Так как половину из них арестовали, то значит, нечего тут смотреть...

Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди... Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы, если такие люди придут и сами расскажут обо всем, – простить их. Есть такие люди?

Голоса: – Безусловно. Правильно.

Сталин: – Кое-кого задели случайно. Кое-кто есть из выжидающих – вот рассказать этим выжидающим, что дело проваливается. Таким людям нужно помочь с тем, чтобы их прощать. Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной. (Смех.)

У этих и оружия нет, может быть, они только знают о врагах, но не сообщают.

Ворошилов: – Положение их, между прочим, неприглядное; когда вы будете рассказывать и разьяснять, то надо рассказать, что теперь не один, так другой, не другой, так третий, все равно расскажут, пусть лучше сами придут.

Сталин: – Простить надо. Даем слово простить, честное слово даем.

Дамоклов меч войны

Если подвести итог внешнеполитической деятельности с 1931 до начала 1941 года, то главным является то, что, несмотря на происки англо-американского империализма, удалось избежать вовлечение Советского Союза в войну против Германии. В противном случае летом 1939 года нам бы пришлось в одиночестве вести войну на два фронта: против фашистской Германии на западе и Японии на востоке.

...Заклучение договора о ненападении с Германией было правильным шагом с нашей стороны. Он дал необходимую передышку для более лучшей подготовки страны к обороне...

Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии.

И. Сталин

(Из выступления на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), конец мая 1941 года)

Сближение с Германией. Секретный договор. (Август – сентябрь 1939 года)

В городе Данциге находился Верховный комиссар Лиги Наций Буркхардт, его обязанностью было следить за выполнением статуса вольного города Данцига. Буркхардт, постоянно живший в Швейцарии, по профессии был историком, а по взглядам – сторонником того, что происходило в третьем рейхе. Впоследствии он написал мемуары, в которых есть такой эпизод.

10 августа 1939 года на квартиру Буркхардта позвонил лидер местных фашистов Форстер и сказал:

– Фюрер желает видеть вас завтра в четыре часа дня у себя в Оберзальцберге.

– Но это невозможно! Мое положение... И к тому же как я могу попасть туда за такой короткий срок?

– Все предусмотрено. Фюрер предоставляет вам личный самолет... Сегодня в полночь аэродром будет оцеплен. О вашем отъезде никто не узнает...

Буркхардт, естественно, сообщил об этом приглашении в Лондон и Париж. Английский министр иностранных дел Галифакс попросил Буркхардта поговорить с Гитлером обстоятельно, явно намекая на то, чтобы он узнал, каковы его реальные планы на ближайшее будущее.

В назначенный час Буркхардт прилетел в Оберзальцберг, там его ждала машина, на которой по горному серпантину он двинулся к резиденции Гитлера «Бергхоф» – вилле, сооруженной на высокой скале.

С первых же слов Гитлер обрушился на Польшу:

– Польша прибегает к угрозам в отношении Данцига! Польские газеты заявляют, что это именно тот язык, которым надо со мной разговаривать! Если вновь возникнет малейший инцидент, я без предупреждения разгроблю поляков, так что от них не останется и следа!

– Но это будет означать всеобщую войну, – сказал Буркхардт.

– Пусть так! Если мне суждено вести войну, я предпочитаю, чтобы это было сегодня, когда мне пятьдесят лет, а не когда будет шестьдесят! О чем, в сущности, идет речь? Только о том, что Германия нуждается в зерне и лесе. Для получения зерна мне нужна территория на востоке, для леса – колония, только одна колония. Все остальное ерунда. Я ничего не требую от Запада ни сейчас, ни в будущем. Раз и навсегда: ничего! Все, что мне приписывают, – выдумки. Но мне нужна свобода рук на востоке. Повторяю еще раз – вопрос идет только о зерне и лесе.

В конце концов Гитлер прямо сказал:

– Все, что я предпринимаю, направлено против России. Мне нужна Украина, чтобы нас не могли морить голодом, как в прошлую войну.

Он еще и еще раз повторял эту мысль, словно для того, чтобы Буркхардт ее лучше запомнил и поточнее передал тем, на кого был рассчитан весь этот разговор. Провожая Буркхардта, Гитлер заявил:

– Я хочу жить в мире с Англией. Я готов гарантировать английские владения во всем мире и заключить с ней пакт об окончательном урегулировании.

Он даже выразил согласие встретиться с этой целью с кем-либо из английских руководящих лиц.

После встречи Буркхардт немедленно вылетел в Базель и в секретном разговоре передал английским и французским представителям министерств иностранных дел заманчивые предложения Гитлера, причем ни он, ни его собеседники не подозревали, что все это было предпринято фюрером ради маскировки удара по Польше, дабы изолировать ее от западных союзников, связать им руки этими своими обещаниями!

Именно в эти дни в Москву прибыли военные миссии западных держав, и Гитлер, опасаясь, чтобы Англия и Франция не договорились с Советским Союзом о заключении совместного оборонительного пакта, решил подбросить западным союзникам уверения, что он никогда не будет с ними воевать и никаких намерений на Западе у него абсолютно нет.

Для того чтобы читатели могли воочию убедиться в хитрости и вероломстве Гитлера, я обращаю внимание на несколько фактов и дат. Разговор с Буркхардтом, который приведен выше, состоялся 11 августа. Планы войны против Польши к тому времени уже были полностью отработаны, все документы об этом подписаны, и войска находились в состоянии боевой готовности. 5 августа, то есть за шесть дней до этого разговора, шеф службы безопасности Гейдрих вызвал в свою резиденцию на Принц-Альбрехт-штрассе в Берлине тайного агента Альфреда Наужокса, того самого, который был причастен к фабрикациям фальшивок по делу Тухачевского и других советских военачальников. Гейдрих дал задание Наужоксу подготовить и провести операцию, с которой, собственно, и началось нападение на Польшу. Эта провокация широко известна, много раз описана, поэтому я напому ее лишь в общих чертах.

Переодевшись в польскую военную форму, немецкие разведчики совершили налет на свою же радиостанцию в городе Глейвице и, разгромив ее, подбросили польские документы и оставили труп заранее привезенного с собой уловника, одетого тоже в польскую форму.

Немецкие радиостанции немедленно передали сообщение о провокационном нападении «поляков», а на рассвете 1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут германские армии вторглись на территорию Польши на всем протяжении границы. Этот день в мировой истории принято считать началом Второй мировой войны. Позднее, после войны, Наужокс (в свое время представший перед Нюрнбергским судом в качестве одного из военных преступников) написал книгу «Человек, который начал войну», в ней он признает факт провокации: «...необходим был человек, чтобы подготовить инцидент, чтобы, так сказать, нажать курок. Я был этим человеком...»

Беседа Буркхардта с Гитлером состоялась 11 августа, а 12 августа в Москве начались переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции.

Сталин, обеспокоенный агрессивными акциями Германии в Европе и имея данные о том, что Гитлер готовится к нападению и на Советский Союз, предпринимал попытки договориться с правительствами Англии и Франции о совместных усилиях в борьбе с агрессором. Однако некоторые руководители Англии и Франции все еще надеялись, что Гитлер, направив свой удар на восток, против Советской страны, завязнет в этой войне и, сильно ослабев в ней, станет более сговорчивым или, во всяком случае, неопасным ни для Англии, ни для Франции.

Намереваясь испугать Гитлера возможным союзом с СССР, английское и французское правительства предложили советским руководителям провести переговоры, результатом которых был бы проект договора между этими странами. Но это была лишь официальная сторона дела. В действительности же это скорее был прием, для того чтобы толкнуть Германию против СССР. Они понимали, что Гитлер предпримет все, чтобы не допустить подписания такого договора: ведь для рейха война на два фронта – против Советского Союза на востоке и против Англии и Франции на западе – была смерти подобна.

Англия и Франция подготовили свои военные миссии. Но уже из того, каков был их состав и как долго они собирались, из тех инструкций, что были им даны (а они теперь известны), ясно, что переговоры были рассчитаны только на затягивание времени. Эти переговоры дают возможность понять расстановку сил и интересы ведущих европейских государств в те годы. Я приведу несколько эпизодов, расширяющих наше понимание этого отрезка истории.

В Лондоне советский посол И. Майский устроил завтрак в честь английской и французской миссий, направлявшихся в Москву. На этом завтраке посол, как и полагается опытному дипломату, хотел выяснить, хотя бы ориентировочно, настроение и намерения делегаций. Как оказалось, главой британской делегации был назначен престарелый адмирал Дрэкс. Будучи всего только комендантом Портсмута, Дрэкс никакого влияния в армии не имел, ничего собой не представлял, для того чтобы возглавить такую делегацию.

В разговоре с Дрэксом Майский спросил:

- Скажите, адмирал, когда вы отправляетесь в Москву?
- Это окончательно еще не решено, но в ближайшие дни.
- Вы, конечно, летите?

– О нет! Нас в обеих делегациях, вместе с обслуживающим персоналом, около сорока человек, большой багаж... На аэроплане лететь неудобно.

– Может быть, вы отправитесь в Советский Союз на одном из ваших быстроходных крейсеров? Это было бы сильно и внушительно: военные делегации на военном корабле... Да и времени от Лондона до Ленинграда потребовалось бы немного.

– Нет, и крейсер не годится. Пришлось бы выселить два десятка офицеров из кают и занять их места... Зачем доставлять людям неудобство? Нет, нет! Мы не пойдем на крейсере.

Как оказалось, делегация после десятидневных сборов лишь 5 августа отправилась на тихоходном товарно-пассажирском пароходе «Сити оф Эксетер». В будущей же работе им предстояло руководствоваться такой инструкцией: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам. Что-нибудь вроде согласованного заявления о политике отвечало бы этой цели». И было в этой инструкции даже такое, прямо скажем, совсем странное указание: «Делегация должна вести переговоры очень медленно, следя за ходом политических событий».

Член французской миссии генерал Бофр позднее писал: «Можно заключить, что англичане не имели никаких иллюзий в отношении результата предстоящих переговоров и что они стремились прежде всего выиграть время. Это было далеко от того, о чем мечтало общественное мнение».

Советскую делегацию возглавлял народный комиссар обороны маршал К.Е. Ворошилов, членами являлись начальник Генерального штаба командарм 1 ранга Б.М. Шапошников, народный комиссар ВМФ флагман флота 2 ранга Н.Г. Кузнецов, начальник ВВС командарм 2 ранга А.Д. Локтионов и заместитель начальника Генерального штаба комкор И.В. Смородинов. Этот состав явно показывает, что в делегацию были включены военные руководители первой величины и советская сторона была готова к самым серьезным решениям.

На первом же заседании глава английской миссии хотел завязать дискуссию о целях и общих принципах сотрудничества, то есть действовал в соответствии с имеющейся у него инструкцией. Однако Ворошилов довольно жестко постарался перевести разговор в конкретное русло:

– Цель у нас ясна, и теперь идет вопрос о выработке плана для достижения этой цели, вот этим я и предлагаю заняться.

Началось обсуждение того, как Англия, Франция и СССР должны совместно действовать, если начнется война с фашистской Германией. Камнем преткновения стала проблема – пропустят ли Польша и Румыния через свою территорию советские войска в случае нападения Германии на Францию, Англию или союзные с ними страны – для помощи им? Выяснилось, что миссии Англии и Франции не могли предложить никаких определенных планов по этому поводу; воздействовать же на Польшу и Румынию в соответствующем направлении они отказывались, а у СССР с этими странами никаких договоров не было.

Работа военных миссий началась в Москве 12 августа, но к 14 августа уже было ясно, что никакого результата эти переговоры не дадут, и поэтому советская военная миссия вскоре заявила следующее: «Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии. Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции... заранее обречено на неуспех». И ниже: «...Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

По всему было видно, что все три участника переговоров не в полной мере понимали опасность, исходящую от фашизма. Это, безусловно, относится к позиции Англии и Франции, да и наша делегация далеко не все сделала, чтобы воздвигнуть барьер против фашистской агрессии. Ворошилов, не имея дипломатического опыта, вел диалог слишком прямолинейно и, по сути дела, не искал компромиссов.

Тем временем в Лондоне предпринимались различные шаги, чтобы найти пути для сговора с фашистской Германией и, если не удастся толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом, то залучить его в коалицию и осуществить это вместе с Англией и Францией. Прогермански настроенная группа политических деятелей Англии рассчитывала, что при всем своем безрассудстве Гитлер все-таки сделает правильный, с их точки зрения, выбор и войне на два фронта предпочтет договоренность с западными державами. 1 августа советник германского посольства Кордт направил в министерство иностранных дел в Берлин как бы итоговое донесение о всех состоявшихся до этого в Лондоне разнообразных и напряженных переговорах.

В этих переговорах, писал он, английская сторона признавала, что «руководящие круги Германии и Великобритании должны попытаться путем переговоров, с исключением всякого участия общественного мнения, найти путь к выходу из невыносимого положения...», что «Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов...» и «обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, представленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов... Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Совет-

ским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе. Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом...»

Из этого донесения отлично видна готовность правящих кругов Англии предать Польшу. Ведь именно она подразумевается под «некоторыми государствами в германской сфере интересов», от гарантий помощи которым, в случае нападения Германии, Великобритания готова была отказаться и повлиять в этом отношении на Францию. Обещание же отозвать свою миссию, которая находится в СССР, еще раз подтверждает, что работой этой миссии Великобритания только пугала и привлекала на свою сторону Германию.

Гитлер, не доверяя предложениям Англии, видя, что переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой, уже идут в Москве, решил предпринять энергичные шаги, чтобы договоренность между ними так и не состоялась. Он опасался этого союза, потому что тогда Гитлеру противостояла бы мощная коалиция и его агрессивные планы в Европе просто рухнули бы.

Немецкая дипломатия начинает усиленно зондировать возможность сближения с Советским Союзом, а Сталин, не сумев найти путей к договоренности с Англией и Францией, не стал уклоняться от этого сближения. В результате бесед с советником советского посольства в Берлине Г. Астаховым, а также нескольких бесед германского посла в СССР фон Шуленбурга с Молотовым, была достигнута принципиальная договоренность о приезде министра иностранных дел Германии Риббентропа в Москву.

После переговоров на уровне послов и министров Гитлер и Сталин обменялись телеграммами. Вот телеграмма Гитлера от 20 августа 1939 года (получена в Москве 21 августа):

«Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень в перестройке германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый Советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа,

самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, имперский министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Гитлер был хорошо осведомлен о том, что английская и французская миссии тянут переговоры и не имеют даже полномочий на подписание договора. Не случайно он подчеркивает, что его имперский министр может быть в Москве всего один-два дня и что он имеет полные полномочия составлять текст соглашения и подписывать сам пакт без долгих проволочек. Гитлер торопил события.

В тот же день, а именно 21 августа 1939 года, Сталин ответил Гитлеру:

«Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

Так началась сложная личная политическая «игра» между двумя диктаторами. Обычно в таких акциях говорится и пишется одно, а в действительности скрывается совсем иное. Напомню лишь одну фразу из беседы Гитлера с Буркхардтом, которая состоялась за девять дней до написания письма Сталину:

– Я хочу жить с Англией в мире. Я готов гарантировать английские владения во всем мире... Все, что я предпринимаю, направлено против России.

У нас есть возможность узнать тайные замыслы Гитлера именно этих дней не в пересказе, а от него самого. На следующий день после получения письма от Сталина, 22 августа 1939 года, Гитлер вел разговор в Оберзальцберге с командующими всеми видами вооруженных сил Германии. Фюрер был полностью откровенен, так как говорил с теми, кому предстояло осуществлять его замыслы.

Записи этого разговора были обнаружены в материалах министерства иностранных дел рейха. Вот некоторые фрагменты из них:

«С осени 1939 года... я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я – единственные, которые смотрим только в будущее. Так, я в ближайшие недели на германо-советской границе подам руку Сталину и вместе с ним приступлю к новому разделу мира... Генерал-полковник Браухич обещал мне войну с Польшей закончить в течение нескольких недель. Если бы он мне доложил, что потребуется даже два или один год для этого, я бы не дал приказа о наступлении и договор бы заключил не с Россией, а с Англией. Мы не можем вести длительную войну. Несчастных червей – Даладье и Чемберлена я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не могут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть наша автаркия и русское сырье. Польша будет опустошена и заселена немцами. Мой договор с Польшей был только выигрышем во времени. В общем, господа, с Россией случится то, что я сделал с Польшей.

После смерти Сталина, он тяжело больной человек, мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства.

...Мы в дальнейшем будем сеять беспокойство на Дальнем Востоке и в Аравии. Мы являемся господами и смотрим на эти народы в лучшем случае как на лакированных обезьян, которые хотят почувствовать кнут.

Обстоятельства для нас благоприятные как никогда. У меня только одна забота, что Чемберлен или какой-либо другой негодяй придет ко мне с предложениями о посредничестве. Он полетит с лестницы... Нет, уже поздно для этого. Наступление и уничтожение Польши начнется рано утром в воскресенье.

Я пушу несколько рот в польской форме на Верхнюю Силезию и протекторат. Поверит мир этому или нет – для меня безразлично. Мир верит только успеху...

Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложений англичан. Россия не заинтересована в сохранении Польши, и Сталин знает, что его режиму придет конец независимо от того, выйдут ли его солдаты из войны победителями или побежденными. Смещение Литвинова сыграло решающую роль. Изменение отношений с Россией я осуществил постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политические переговоры. Предложили заключить пакт о ненападении. Затем последовало многогранное предложение со стороны России. Четыре дня назад я сделал важный шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что готова к заключению договора. Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. Теперь Польша оказалась в том положении, в каком я стремился ее видеть».

А в действительности, в открытых отношениях говорилось и вершилось совсем другое.

23 августа 1939 года Риббентроп был уже в Москве, и прямо с дороги состоялась первая его трехчасовая беседа со Сталиным и Молотовым в присутствии германского посла фон Шуленбурга. А поздно вечером в тот же день была вторая беседа, закончившаяся подписанием печально известного договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Во время бесед Риббентропа со Сталиным, кроме отношений между Германией и Советским Союзом, обсуждались также взаимоотношения обеих держав и с другими странами мира.

В беседах с Молотовым в начале 80-х годов я расспросил его, как проходило обсуждение и подписание договора. Эти рассказы, а также стенографическая запись беседы, сделанная немецким переводчиком, позволяют получить представление, о чем же говорилось в тот вечер и ночь в Кремле.

В числе прочих тем зашел разговор о Японии. Риббентроп сказал:

– Германо-японская дружба не направлена против Советского Союза. Более того, мы в состоянии, имея хорошие отношения с Японией, внести вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин желает этого, то я готов действовать в этом направлении и соответствующим образом использую свое влияние на японское правительство и буду держать в курсе событий советских представителей в Берлине.

Сталин, немного подумав, ответил:

– Советское правительство действительно желает улучшения своих отношений с Японией, но есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится войны и готов к ней. Если Япония хочет мира – это намного лучше! Конечно, помощь Германии в деле улучшения советско-японских отношений была бы полезной. Но я бы не хотел, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива этого исходит от Советского Союза.

– Разумеется, все будет сделано, как вы желаете, – сказал Риббентроп. – Я буду продолжать уже имевшие место беседы с японским послом в Берлине об улучшении советско-японских отношений. Никакой новой инициативы ни с вашей стороны, ни с нашей стороны в этом вопросе не будет.

На вопрос Сталина об отношениях Германии с Турцией Риббентроп сказал:

– Мы имеем сведения, что Англия потратила пять миллионов фунтов стерлингов на распространение антигерманской пропаганды в Турции.

Сталин на это заметил:

– По моей информации, суммы, затраченные Англией для подкупа турецких политических деятелей, много больше пяти миллионов фунтов. И вообще поведение английского правительства выглядит очень странным. Как вы знаете, недавно мы начали переговоры с британской миссией, и вот в течение этих переговоров британская миссия так и не высказала Советскому правительству, что же она в действительности может и чего хочет.

– Англия всегда пыталась и до сих пор пытается подорвать развитие хороших отношений между Германией и Советским Союзом, – сказал Риббентроп. – Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство.

– Британская армия слаба, – согласился Сталин. – Британский флот больше не заслуживает своей прежней репутации. Английский воздушный флот увеличивается, но Англии не хватает пилотов. Если, несмотря на все это, Англия еще господствует в мире, то это происходит лишь благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией.

Риббентроп согласился с этим мнением Сталина и, слегка понизив голос, как бы подчеркивая конфиденциальность своего заявления, сказал Сталину:

– На днях Англия снова прошупывала почву с виноватым упоминанием 1914 года. Это был типично английский глупый маневр. Я предложил фюреру сообщить англичанам, что в случае германо-польского конфликта ответом на любой враждебный акт Великобритании будет бомбардировка Лондона.

Сталин сказал:

– Несмотря на свою слабость, Англия будет вести войну ловко и упрямо. А если еще учесть ее союз с Францией, то надо помнить, что Франция располагает армией, достойной внимания.

Риббентроп ответил:

– Французская армия численно меньше германской. В то время как наша армия в ежегодных наборах имеет по триста тысяч солдат, Франция может набирать ежегодно только сто пятьдесят тысяч рекрутов. К тому же наш Западный вал в пять раз сильнее, чем линия Мажино. Если Франция попытается воевать с Германией, она определенно будет побеждена...

Добавлю здесь, что Риббентроп сильно привирал, говоря о Западном вале, иначе – линии Зигфрида; в то время она существовала по большей части лишь на бумаге, так как только строилась.

Зашел разговор и об антикоминтерновском пакте, на что Риббентроп заявил:

– Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западной демократии. Да мы по тону вашей русской прессы видели, что Советское правительство осознает это полностью.

Сталин сказал:

– Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английский торговцев.

Риббентроп согласился со Сталиным и даже пошутил:

– Конечно же, вы, господин Сталин, напуганы антикоминтерновским пактом меньше лондонского Сити и английских торговцев. У нас среди берлинцев ходит широко известная шутка: «Сталин еще присоединится к антикоминтерновскому пакту». – Присутствующие улыбнулись этой шутке, а Риббентроп продолжал: – Германский народ, особенно простые люди, тепло приветствует установление понимания с Советским Союзом. Народ чувствует, что естественным образом существующие интересы Германии и Советского Союза нигде не

сталкиваются и что развитию хороших отношений ранее препятствовали только иностранные интриги, особенно со стороны Англии.

– И я верю в это, – сказал Сталин, – немцы желают мира и поэтому приветствуют дружеские отношения между Германским государством и Советским Союзом...

Риббентроп не сдержался и прервал Сталина:

– Германский народ, безусловно, хочет мира, но, с другой стороны, возмущение Польшей так сильно, что все до единого готовы воевать. Германский народ не будет более терпеть польских провокаций.

Сталин неожиданно предложил тост за фюрера:

– Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье!

Затем были провозглашены тосты за здоровье имперского министра иностранных дел Риббентропа и посла графа фон Шуленбурга. Молотов поднял бокал за здоровье Сталина, Риббентроп, в свою очередь, тоже предложил тост за Сталина и за благоприятное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

Уже прощаясь, Сталин сказал Риббентропу:

– Советское правительство относится к новому договору очень серьезно. Я могу дать честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера.

* * *

31 августа на внеочередной сессии Верховного Совета СССР был ратифицирован советско-германский договор о ненападении. В своем выступлении Молотов в числе прочего сказал:

«...Всем известно, что на протяжении последних шести лет, с приходом национал-социалистов к власти, политические отношения между Германией и СССР были натянутыми. Известно также, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем, Советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. Сейчас нет нужды возвращаться к отдельным моментам этих отношений за последние годы, да они вам, товарищи депутаты, и без того хорошо известны. Следует, однако, напомнить о том разъяснении нашей внешней политики, которое было сделано несколько месяцев тому назад на XVIII партийном съезде... Товарищ Сталин предупреждал против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликт с другими странами. Разоблачая шум, поднятый англо-французской и североамериканской прессой по поводу германских «планов» захвата Советской Украины, товарищ Сталин говорил тогда: «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых к тому оснований».

Как видите, товарищ Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз. Заключение советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение товарища Сталина блестяще оправдалось. (Бурная овация в честь тов. Сталина.)»

Как выяснилось позже, и пакт о ненападении, и вся политика Гитлера и его дипломатов были только маскировкой готовящейся войны. Под этой дымовой завесой Гитлер собирал силы для того, чтобы удар по нашей стране был предельно мощным. Сегодня много пишут, будто Сталин ничего не понял, не разгадал, все принимал за чистую монету, но не будем спешить с выводами.

* * *

Думаю, что здесь необходимо сказать и о тех секретных соглашениях, которые служили дополнением к заключенному договору о ненападении. Они были давно опубликованы за рубежом, о них знал весь мир, они стали предметом обостренного внимания и у нас, особенно в республиках Прибалтики. В нашей прессе эти документы не были обнародованы на том основании, что они известны только в фотокопиях, но дело в том, что все последующие события развивались так, что сомневаться в наличии этих соглашений, увы, не приходится. Фактически было осуществлено все то, что в них предусматривалось.

Мне кажется, пора сказать полную правду об этих соглашениях. Не будем же мы для этого ждать еще полвека!

На I Съезде народных депутатов СССР¹ в июне 1989 года была создана специальная комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года.

Перед принятием решения о создании комиссии М.С. Горбачев заявил: «Проблема эта стоит давно, она обсуждается, изучается и историками, и политологами, и соответствующими ведомствами. И я должен сказать: пока мы обсуждаем в научном плане, в ведомствах каких-то, уже все документы, в том числе и секретное приложение к этому договору, опубликованы везде. И пресса Прибалтики все это опубликовала. Но все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом... Мы давно занимаемся этим вопросом. Подлинников нет, есть копии, с чего – неизвестно, за подписями; особенно у нас вызывает сомнение то, что подпись Молотова сделана немецкими буквами...»

Видимо, М.С. Горбачева неточно информировали. На фотокопиях этих документов подписи Молотова обычные, на русском языке. Могу судить о схожести этих подписей с теми, которые стоят на фотографиях, подаренных мне Молотовым. Разумеется, подделать подпись не представляет трудностей, вспомните хотя бы фальсификацию подписи Тухачевского. Но уместен вопрос: кому и зачем понадобилось подделывать подписи под текстом якобы «несуществовавших» секретных договоров?

Что касается подписей Молотова немецкими буквами, то и они были. Договоры и протоколы печатались на двух языках. Молотов подписывал русский вариант по-русски, а немецкий – по-немецки, демонстрируя знание немецкого языка, хотя это по протоколу и не предусматривается.

Вот секретный протокол, служивший дополнением к подписанному пакту о ненападении.

Секретный дополнительный протокол

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

¹ Я был тогда депутатом, сам все это слышал и видел. – В.К.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Марева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы, с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.
Москва, 23 августа 1939 года.

Таков этот подписанный советским представителем откровенный раздел сфер влияния с фашистской Германией. К сожалению, эту политическую авантюру не зачеркнешь и из истории не выбросишь.

В уже упомянутой речи 31 августа Молотов говорил с трибуны Верховного Совета СССР: «Советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы, поворот в сторону улучшения отношений между двумя самыми большими государствами Европы. Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, он суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира...»

В типографии «Правды» еще набирали эти слова, а в ночь на 1 сентября германские бомбы уже сыпались на города Польши, и механизированные колонны фашистов мчались по польским дорогам.

2 сентября 1939 года в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС:

«Берлин, 1 сентября (ТАСС).

По сообщению Германского информационного бюро, сегодня утром германские войска в соответствии с приказом верховного командования перешли германо-польскую границу в различных местах. Соединения германских военно-воздушных сил также отправились бомбить военные объекты в Польше».

Вот такое бесстрастное заявление по поводу беды, постигшей соседнее с нами государство. Официально в прессе царил нейтральность, а за кулисами шла другая жизнь.

9 сентября Молотов послал Риббентропу телефонограмму (разумеется, с согласия Сталина):

«Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи.

Молотов».

Сообщая, что немецкие войска уже «вошли в Варшаву», гитлеровцы тем самым хотели ускорить начало наступления и советских войск на оговоренную в протоколе польскую территорию. Они при этом не обманывали, но окончательно Варшава капитулировала только 27 сентября. Поэтому не случайно Молотов 14 сентября просил (после поздравления!), «чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы». Германский посол в Москве Шуленбург так докладывает об этом в министерство иностранных дел Германии:

«Срочно! Совершенно секретно! От 14 сентября 1939 года, 18 часов 00 минут.

Молотов вызвал меня сегодня в 16 часов и заявил, что Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им (Молотовым) во время последней беседы срока. Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских «меньшинств»), Советам было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава. Молотов поэтому просит, чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы... Я хотел бы обратить ваше внимание на сегодняшнюю статью в «Правде», к которой завтра прибавится аналогичная статья в «Известиях». Эти статьи содержат упомянутую Молотовым политическую мотивировку советской интервенции.

Шуленбург».

Когда настал момент для начала действий Красной Армии, Сталин пригласил Шуленбурга в Кремль и сделал ему заявление, о котором германский посол тут же телеграфировал в Берлин:

«Очень срочно! Секретно! 17 сентября 1939 года.

Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска. Во избежание инцидента Сталин спешно просит нас проследить за тем, чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток – Брест-Литовск – Лемберг. Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга.

Советская комиссия прибудет в Белосток завтра, самое позднее послезавтра.

Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже сегодня ночью польскому послу и копия которой в течение дня будет разослана всем миссиям, а затем опубликована. В ноте дается оправдание советских действий. Зачитанный мне проект содержал три пункта, для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет. Сталин заявил, что вопрос о публикации германо-советского коммюнике не может быть поставлен на рассмотрение в течение ближайших двух-трех дней.

В будущем все военные вопросы, которые возникнут, должны выясняться напрямую с Ворошиловым генерал-лейтенантом Кестрингом.

Шуленбург».

Необходимо, мне кажется, привести здесь и текст правительственной ноты, которая была разослана всем послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР, в которой объяснялись и оправдывались действия Советского Союза в отношении Польши.

«17 сентября 1939 года.

Господин посол,

польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение 10 дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское

государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может более относиться к этим фактам безразлично.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверение в совершенном к вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР

В. Молотов».

И опять, в который уже раз, даже в таком официальном, разосланном по всему миру документе, Сталин и Молотов кривили душой и говорили неправду, особенно в той части, где они обещали «выволить польский народ из злополучной войны» и дать ему «возможность зажить мирной жизнью».

Документы, которые стали известны в наше время (я уже говорил выше о том, что это документы германского министерства иностранных дел), свидетельствуют совсем о другом. Вот телеграмма германского посла в Москве, отправленная в министерство иностранных дел Германии 25 сентября 1939 года:

«Совершенно секретно! Срочно!

Сталин и Молотов попросили меня прибыть в Кремль сегодня в 20 часов. Сталин заявил следующее. При окончательном урегулировании польского вопроса нужно избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом. С этой точки зрения он считает неправильным оставлять независимым остаток Польского государства. Он предлагает следующее: из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга, должны быть добавлены к нашей (германской) порции. За это мы отказываемся от претензий на Литву.

Сталин указал на это предложение как на предмет будущих переговоров с имперским министром иностранных дел и добавил, что, если мы согласны, Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства. Сталин подчеркнуто указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию.

Я ответил Сталину, что доложу своему правительству.

Шуленбург».

27 сентября Риббентроп снова прилетел в Москву, и 28 сентября им и Молотовым был подписан новый германо-советский «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией». Этот договор официально и юридически закреплял раздел территории Польши между Германией и Советским Союзом, к нему прилагалась соответствующая карта, на которой была указана новая граница, и эту карту подписали Сталин и Риббентроп.

К этому договору прилагались два дополнительных секретных протокола. В одном из них фиксировались те изменения в территориальных разграничениях, о которых еще раньше договорился Сталин – о том, что Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отходят в сферу влияния Германии, а Советскому Союзу теперь отдается вся литовская территория.

В своем комментарии при создании уже упомянутой комиссии М.С. Горбачев еще сказал: – Секретного протокола пока нет, и мы его оценить не можем. Я думаю, вообще комиссия такая должна быть, с этим я действительно согласился бы. Она должна выработать политическую и правовую оценку этого договора о ненападении, без упоминания секретного протокола, поскольку все архивы, что мы перерыли у себя, ответа не дали. Хотя, я вам скажу, историки знают и могли бы вам сказать: вот то-то происходило, двигались навстречу две мощные силы, и на каких-то рубежах, так сказать, это соприкосновение совершенно остановилось. Что-то лежало в основе. Но это пока рассуждения. Поэтому тут требуется разбирательство, анализ всех документов, всей той ситуации, как она шла... Это не простой вопрос, но раз он есть, уходить, уклоняться, я думаю, не нужно... давайте братья и изучать...

М.С. Горбачев предлагает не уклоняться. Раз для изучения вопроса нужны документы, я приведу опубликованный в США текст второго секретного протокола, и давайте попытаемся самостоятельно оценить ситуацию.

Секретный дополнительный протокол

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов.

За правительство Германии И. Риббентроп.

Москва, 28 сентября 1939 года.

Вот так, черным по белому, зафиксирован сговор с фашистским режимом о единых действиях, препятствующих агитации и пропаганде за возрождение Польши, сговор, свидетельствующий о полной утрате тогдашними советскими руководителями интернационалистских принципов. (Только не надо забывать, ради чего Сталин шел на такой сговор.)

Для того чтобы завершить эту тему с наиболее возможной на сегодняшний день ясностью, приведу выдержку из исследования комиссии I Съезда народных депутатов СССР и то, что я разыскал сам как дополнение к этим исследованиям.

Почему я говорю «на сегодняшний день»? Потому что документы, касающиеся международных отношений тех дней, известны лишь германские и советские. Что касается документов, имеющих у английской и американской сторон, то Англия объявила их закрытыми до 2017 года, а США вообще не указывают срока ограничения.

Германская и советская стороны, согласно договоренности (несмотря на то, что воевали не на жизнь, а на смерть), свято хранили тайну секретных соглашений.

Впервые о существовании протокола публично было упомянуто на Нюрнбергском процессе, когда военные преступники, сидевшие на скамье подсудимых, пытались перевернуть обвинение и, опираясь на секретные договоры, доказать, что советские руководители, подписавшие эти соглашения, являются равноценными соучастниками агрессии.

При допросе в суде статс-секретаря германского МИД Вайцзеккера защитник Гесса стал задавать ему вопросы о секретном протоколе. Вайцзеккер подтвердил существование такого документа и подробно пересказал его содержание.

Председатель суда спросил:

– Свидетель, вы видели подлинник этого секретного соглашения?

Вайцзеккер ответил:

– Да, я видел фотокопию этого соглашения, может быть, я видел даже подлинник, но во всяком случае фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе.

Во время объявленного перерыва главный обвинитель от СССР Руденко заявил протест по поводу этих дебатов о секретном договоре, так как до начала процесса главные обвинители стран-победительниц договорились не касаться таких вопросов, которые могут быть использованы обвиняемыми для поворота дела в свою пользу. В числе прочих от советской стороны были определены не подлежащими обсуждению «советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение».

Комитет обвинителей поддержал Руденко. В результате трибунал отклонил претензии защитника Зайдля и постановил исключить из его речи обвинения в адрес СССР и не включать их в протокол. Однако в своем последнем слове обвиняемый Риббентроп все же коснулся этой темы:

«Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта... а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны, еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад».

Так существование протокола получило огласку. Краткая история немецких оригиналов такова. Пока боевые действия на фронтах развивались для Германии успешно, договор и секретный протокол хранились в сейфе МИД Германии. Но когда стало ясно, что война может быть проиграна и огромные архивы едва ли удастся куда-то увезти и спрятать, Риббентроп приказал сделать микрокопии на фото пленку с наиболее важных документов.

Весной 1945 года поступило указание уничтожить архивы. Выполняя это указание, советник Карл фон Леш уничтожил документы, но спрятал микрофильмы (20 катушек, где заснято 9725 страниц документов) в железную коробку, обмотал ее промасленной тканью и зарыл в землю в парке замка Шенберг (Тюрингия), куда в то время был вывезен архив. 12 мая 1945 года фон Леш рассказал о документах подполковнику английской армии Роберту Томсону. А тот сообщил об этом союзникам-американцам. 14 мая коробку вырыли, 19 мая доставили в Лондон, где американцы сняли дубликаты со всех микрофильмов. С этих микрофильмов и сделаны фотокопии, на издание которых ссылался я и которые сегодня известны всему свету.

Однако если прояснился вопрос об оригиналах немецкой стороны, то куда делись подлинники, принадлежащие нашей, советской стороне?

Как стало известно недавно, секретный протокол нашей стороны хранился в личном сейфе Молотова. О протоколе, подписанном от имени государства, не знал никто, кроме присутствовавших при его подписании. Не было об этом известно ни Политбюро ЦК партии, ни Верховному Совету СССР.

В печати содержание протокола впервые было опубликовано 23 мая 1946 года (газета «Сан-Луи пост диспетч»), а позднее во многих сборниках документов.

В советской печати о протоколе не только не упоминалось, но даже отрицалась возможность его существования, если появлялось какое-нибудь сообщение за рубежом. В 1989 году I Съезд народных депутатов СССР (на котором я присутствовал) поручил созданной под председательством А.Н. Яковлева комиссии дать «политическую и правовую оценку советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года». Комиссия ознакомилась с архивами МИД, Министерства обороны, КГБ, Главного архивного управления, Общего отдела ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма. Запрашивала немецкие документы через посольство ФРГ. Нигде оригиналы секретного протокола не найдены.

Дальше я привожу обоснование комиссии, почему она все же считает возможным признать существование протокола, несмотря на отсутствие подлинников:

«Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Тем не менее комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал.

Первое. В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым – Подцеробу. Таким образом, оригиналы у нас были, а затем они исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает.

Следующий факт. Найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР.

Третье. Криминалисты провели экспертизу подписи Молотова в оригинале договора о ненападении, подлинник которого, как вы сами понимаете, у нас есть, и в фотокопии секретного протокола. Эксперты пришли к выводу об идентичности этих подписей.

Четвертое. Оказалось, что протоколы, с которых сняты западногерманские фотокопии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора. Как вы понимаете, таких совпадений не бывает.

И наконец, пятое. Существует разграничительная карта. Она напечатана, завизирована Сталиным. Карта разграничивает территории точно по протоколу. Причем на ней две подписи Сталина. В одном случае – общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке.

Таким образом, дорогие товарищи, эти соображения не вызывают малейших сомнений в том, что протокол такой существовал».

Таково заключение комиссии.

Ставит точки над «и» в отношении этих протоколов статья, опубликованная в газете «Советская Россия» 11 марта 1993 года, в которой бывший руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин окончательно снимает покровы с тайны о протоколах, отвечая на вопрос: «Ходила версия, причем на официальном уровне, что существуют только копии секретных протоколов. Вы помните, Горбачев говорил, что даже запрашивали германскую сторону, но подлинника не обнаружили и там?..» – следующим образом:

«То, что он большой мистификатор, секрета не представляет. Во всяком случае, в 1987 году секретные протоколы и карта были положены ему на стол. Он расстелил карту и долго изучал ее. Это была крупномасштабная карта с обозначением населенных пунктов, рек и прочего на немецком языке. Он изучал линию границы, которая была согласована. Насколько помню, там стояли две подписи: Сталина и Риббентропа. Потом Горбачев посмотрел и сам протокол – небольшой документ, по-моему, всего два листочка, и обратил внимание на то, что подпись Молотова была сделана латинскими буквами. Та главная загадка, которая всех сбивала с толку и была необъяснима. Горбачев изучал документы долго, потом сказал: «Убери, и подальше!»»

Шло время, и вдруг эти протоколы стали вызывать повышенный интерес. Их запрашивали и Фалин, и Яковлев. Я доложил об этом Горбачеву. Он сказал: «Никому ничего давать не надо. Кому нужно – скажу сам».

А на первом Съезде народных депутатов СССР он заявляет, что «все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом». Зачем, почему?.. Вскоре после этого он пригласил меня к себе и спросил как бы между прочим, уничтожил ли я эти документы. Я ответил, что сделать этого не могу, на это нужно специальное разрешение. Он: «Ты понимаешь, что представляет сейчас этот документ?» Ну, после того, как он на весь мир заявил, что документов этих не видел, я представлял, насколько для него это неудобная тема, он хотел бы поскорее уйти от нее и забыть, но сделать это было не так-то просто».

Вот так работают высокие комиссии. Верховный Совет СССР пытается прояснить этот вопрос, а глава государства Горбачев (еще раз показывая этим свою безответственность!) прячет, скрывает от своего народа и всего мира подлинные документы!

* * *

А теперь я расскажу о дополнительных сведениях, на мой взгляд, тоже убедительно подтверждающих существование протокола. Я удивляюсь, как не пришло в голову никому из членов комиссии воспользоваться таким достоверным источником.

Просматривая свои материалы о тех далеких днях, перечитывая текст договора, вглядываясь в подписи под ним, рассматривая фотографии Нюрнбергского процесса, я размышлял о том, что участники тех событий – Сталин, Гитлер, Молотов, Риббентроп, Геринг, Гесс и другие – сошли с исторической сцены, никто уже не может рассказать, что и как тогда произошло. И вдруг я вспомнил. Жив еще один человек, который нередко бывал рядом со всеми этими деятелями, не только слышал их разговоры, но и помогал объясниться, – это переводчик Павлов Владимир Николаевич.

Бросив все дела, я немедленно стал добывать телефон и адрес Павлова. Именно добывать – в Москве найти нужного человека не так просто.

И вот я у Павлова. Меня встретила его жена – общительная и, сразу видно, властная дама. Она тут же предупреждает, что Владимир Николаевич не дает интервью, не пишет мемуаров, а со мной будет беседовать из уважения, которое испытывает ко мне как к писателю. Маленький магнитофон, который я хотел использовать как записную книжку, она взяла и вынесла в прихожую:

– Будем говорить без этого...

В гостиную вошел Владимир Николаевич, не похожий на того, каким я видел его на многих фотографиях: там он небольшого роста, худенький и, я бы сказал, не выделяющийся, всегда сбоку или позади тех, кому помогает вести разговор. Теперь он пополнел, блондин от природы – стал совсем светлый, даже не седой, а какой-то выцветший. Ему за восемьдесят, но очень здоров, но память свежая. Видимо, по профессиональной привычке не берет на себя инициативу разговора, а лишь отвечает на вопросы. Ему бойко помогает супруга.

Для знакомства я попросил Владимира Николаевича коротко рассказать о себе. Вот фрагмент нашей беседы:

«Я никогда не собирался быть переводчиком, окончил энергетический институт, занялся научной работой, хотел увеличить прочность лопастей турбин. А языками увлекался для себя. Как сегодня говорят, это было хобби. Нравилось и легко давалось. Видно, от природы мне это было отпущено, свободно владел немецким, английским, а позднее французским и испанским. И вот в 1939 году меня вызывают в ЦК ВКП(б). Представляете? Я всего кандидат в члены партии. В ЦК со мной беседовали два человека на немецком языке в присутствии какого-то работника ЦК. Как выяснилось, они должны были выяснить, как я знаю язык. И, выяснив,

сказали: «Он знает немецкий лучше нас». Тут же мне было велено, чтобы я ехал в Наркоминдел к товарищу Молотову. Его только что назначили наркомом вместо Литвинова, и он обновлял аппарат.

Все это было как во сне, я не хотел быть дипломатом, мне было 24 года, все мои мысли были в науке. Я об этом честно сказал Молотову на первой же беседе. Но он коротко и четко отрезал: «Вы коммунист и обязаны работать там, где нужнее».

Так я стал помощником наркома иностранных дел СССР. Я переводил на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом. Был с Молотовым на его встречах с Гитлером. Был заведующим Центральным европейским отделом Наркомата. Работал как переводчик на всех конференциях в годы войны – Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской. С 1974 года на пенсии в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла.

– Расскажите подробнее о подписании договора о ненападении с Германией.

– Да, я тогда переводил разговор Сталина, Риббентропа и Молотова.

– В наши дни много пишут и говорят о секретном дополнении к договору – протоколе. Даже в докладе Яковлева Съезду народных депутатов, после изложения всех косвенных доказательств о существовании протокола, все же сказано – подлинников нет. Если вы были при подписании договора и этого секретного приложения, то на сегодня вы единственный живой свидетель происходившего в тот день – 23 августа 1939 года. Скажите четко и прямо: был ли секретный протокол?

– Да, был. И еще добавлю такую подробность, в которую сегодня вообще трудно поверить. Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны.

– Это действительно очень неожиданно слышать.

– Ничего удивительного. Секретный протокол сегодня осуждают, а по тем временам, в той международной обстановке, его расценивали как мудрый поступок Сталина. Гитлеру нужен был спокойный тыл. Он очень спешил с подписанием договора. Оставалось несколько дней до нападения на Польшу, а позднее на Францию. Не допустить открытия фронта на востоке, обеспечить тыл было заветной мечтой Гитлера. Риббентроп привез только текст основного договора, Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия: Прибалтийские республики и Финляндия станут сферой влияния Советского Союза. Кроме того, Сталин заявил о нашей заинтересованности в возвращении Бессарабии и объединении украинских и белорусских западных областей с основными территориями этих республик.

Риббентроп растерялся от таких неожиданных проблем, сказал, что не может их решить сам и должен получить разрешение фюрера. Сталин сказал: не будем откладывать, вот телефон – звоните. Получив такое разрешение, Риббентроп из кабинета Сталина связался с Гитлером и изложил ему пожелания Сталина. Фюрер уполномочил Риббентропа подписать дополнительный протокол. Он и не мог не согласиться. У него войска были сосредоточены – через неделю начнется война, любые обещания он готов дать, понимая, что все они будут нарушены и не выполнены, когда в этом появится необходимость. (Кстати, этот разговор подтверждает в своих показаниях на Нюрнбергском процессе бывший начальник юридического отдела МИД Германии Фридрих Гаус: «Рейхсминистр по этим пунктам (имеется в виду протокол) имел разговор по телефону с Гитлером... Гитлер уполномочил Риббентропа одобрить советскую точку зрения». – В.К.)

После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали. Все это я видел сво-

ими глазами, слышал и переводил разговор участников переговоров. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено».

Подтверждение рассказа Павлова я нашел в показаниях самого Риббентропа на Нюрнбергском процессе.

Цитата из последнего слова Риббентропа на Нюрнбергском процессе, которую я уже привел в этой главе, на мой взгляд, убедительно доказывает достоверность рассказа Павлова.

Не буду приводить другие подробности моей беседы с Павловым, она была очень интересной, мой рассказ о договорах и так затянулся. Я на это решился только потому, что все это имеет отношение к деятельности Сталина и в какой-то степени объясняет, кто кого «переиграл»: фюрер обманул Сталина, усыпив его бдительность и обеспечив себе благоприятные условия для захвата Польши, разгрома Франции, но Сталин показал себя в этом случае еще более дальновидным, чем Гитлер, стратегом.

В узком кругу среди членов Политбюро Сталин ходил сияющий и торжественный, он считал, что достиг огромного успеха (и был прав!). Германия стала дружественным государством, а Англия и Франция втянулись в войну с ней. Таким образом, война от наших границ была Сталиным отодвинута далее на запад, империалистические страны теперь решали свои проблемы с оружием в руках, а Советский Союз благополучно остался в стороне! И готовился к отражению агрессии (о которой знал!) со стороны Германии.

Даже недоброжелатель Хрущев в своем докладе на XX съезде так вспоминал о тех днях: «Сталин воспринимал этот договор как большую удачу. Он ходил буквально гоголем. Ходил, задравши нос, и буквально говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера!»

Много пишут и доказывают о недальновидности Сталина – якобы он проиграл Гитлеру как дипломат и политик еще до начала военных действий. Но это все слова. Желание опорочить Сталина подталкивает оппонентов на ложь, передергивание, извращение фактов.

В предвоенном поединке Сталина и Гитлера, как минимум, можно засчитать «ничью». Гитлер добился своего – избавился от угрозы второго фронта при решении своих проблем (и особенно с Францией) в Европе. Сталин всеми силами хотел оттянуть начало войны «хотя бы на два года», чтобы подготовить страну и армию к отражению агрессии. И Сталин этого добился.

Так что «ничья» очевидна. Но это не все! Плюс к тому, что перечислено выше, Сталин осуществил колоссальное по своей масштабности стратегическое решение: он отодвинул на сотни километров западную границу страны, освободив Западную Белоруссию, Западную Украину и Бессарабию. Сталин лишил гитлеровцев очень выгодного плацдарма, присоединив Прибалтийские республики к Советскому Союзу. Можно писать (и кричать!) что угодно по этому поводу – «оккупация», «захват» (хотя кинохроника свидетельствует, что советские войска в Латвии, Литве и Эстонии встречали радостно, с цветами), но что бы сегодня ни говорили, Сталин лишил немцев такого стратегического плацдарма, с которого они могли бы в первый месяц исходной стратегической группировкой войск «пропороть» территорию нашей страны и дойти до Волги. От Риги до Ленинграда и до Москвы, как говорится, рукой подать. В Прибалтике хорошие дороги, аэродромы, можно по морю подвозить войска и снабжение. Если бы ударная группировка по плану «Барбаросса» была развернута на прибалтийском плацдарме, свежие армии вермахта взяли бы столицу с ходу, потому что для ее защиты у нас не было войска (главные силы находились на юге у западной границы), никаких оборонительных сооружений под Москвой не имелось. Через неделю гитлеровцы были бы у стен нашей столицы, а мощные танковые клешни рвались бы к Сталинграду. И Волгу они форсировали бы с ходу, так как в глубине страны не было сил, способных остановить их. Войска с Дальнего Востока, если бы их попытались подтянуть к волжскому рубежу, за короткий срок по единственной железной дороге сосредоточить не успели бы. И неизвестно, чем бы завершился этот первый удар, может

быть, пришлось бы нам проводить Челябинскую, Свердловскую и Новосибирскую оборонительные операции.

Но благодаря стратегической дальновидности Сталина (если, как говорится, он все решил единолично) немцы, лишившись прибалтийского плацдарма, вынуждены были пробиваться к Москве дальними путями через Львов, Минск, Смоленск, а также Кишинев, Киев, Орел и потерять на этих пространствах почти половину армии и ее вооружения. Благодаря стратегической прозорливости Сталина, гитлеровцы не осуществили свою «молниеносную» войну в 1941-м. И можно сказать, это, в какой-то степени, предрешило исход войны.

Да, были и негативные стороны в действиях Сталина – отступил от принципа интернационализма, пошел на переговоры (пусть даже на сговор) с потенциальным врагом, – но ради чего? Ради спасения страны и народов, ее населяющих. Дипломатия и политика, давно известно, грязное дело. Почему Сталин должен быть чистоплюем, общаясь с гангстерами от политики?

О его дальновидности, находчивости, твердости свидетельствует то, что Сталин быстро сообразил, как извлечь выгоду из желания Гитлера обеспечить свой тыл. В какие-то минуты Сталин предложил (и оно было тут же написано) секретное соглашение (потому оно и напечатано на машинке Министерства иностранных дел, которое возглавлял Молотов). Сталин, не теряя времени, из своего кабинета заставил Риббентропа позвонить Гитлеру и добиться его согласия на подписание дополнительных условий, которые, как видим, лишили самого Гитлера выгоднейших исходных позиций для нападения.

Нет, сколько бы ни придумывали оппоненты провинностей Сталину перед войной, факты говорят о другом: Сталин мертвой хваткой вцепился сначала в Риббентропа, а потом в Гитлера – и своего добился!

Стратегическая дальновидность необязательно проявляется в вооруженной борьбе, иногда благополучие Отечества достигается умелым временным отказом от применения силы, ради будущих побед. Наглядным примером тому (и оправданием действий Сталина) может служить поведение прославленного полководца Александра Невского. Россия в результате монгольского нашествия была ослаблена и раздроблена. Не было сил у славного князя Невского дать отпор монголам.

Карамзин пишет в своей «Истории Государства Российского», что Батый слышал о знаменитых его (Невского) достоинствах и велел сказать ему: «Князь Новгородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов! Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедля в шатре моем, да познаешь силу и величие монголов». Александр любил Отечество больше своей княжеской власти, не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и, презирая личную опасность не менее тщеславия, вслед за братом Андреем поехал в стан монгольский, где сгинул уже его отец, так же вызванный к хану.

Много бед претерпел Невский в стане врагов, его вынудил Батый проделать труднейшее путешествие к Великому хану. Не один год длилась эта унижительная покорность. Но своей стратегической мудростью Невский спас Россию, позволил ей отдышаться, собраться с силами, встать с колен и в конечном счете изгнать монголов.

Не похожа ли ситуация – когда у Сталина не было готовой армии, а супостат предлагает мирное сотрудничество? Не мудро ли принять это предложение и оттянуть войну на несколько лет, чтобы потом одержать победу?

Явно не случайно Иосиф Виссарионович, вдохновляя на подвиги армию, напоминал своей речью образ великого Александра Невского.

В общем, видящий да увидит, слышащий да услышит, ну а тому, кто слеп к правде, любые исторические аналогии пустой звук.

Мирные дни

В период борьбы с оппозицией Сталин, желая повысить свой уровень в теории, пригласил для занятий профессионального философа Стэна, бывшего в тот период зам. директора Института Маркса и Энгельса. Стэн включил в программу труды Гегеля, Канта, Фейербаха, Фихте, Шеллинга, Каутского, Плеханова... На уроках, которые происходили дважды в неделю, преподаватель «терпеливо пытался разъяснить высокопоставленному ученику гегелевские концепции о субстанции, отчуждении, тождестве бытия и мышления – понимания реального мира как проявления идеи. Абстрактность раздражала Сталина, но он пересиливал себя и продолжал слушать монотонный голос Стэна, изредка перебивая недовольными репликами: «Какое все это имеет значение для классовой борьбы?», «Кто использует всю эту чепуху на практике?» В конечном итоге Сталин так и «не одолел сути диалектического отрицания, единства противоположностей... так и не усвоил тезис о единстве диалектики, логики и теории познания», – утверждал Волкогонов.

Тогда возникает вопрос: как мог Сталин, не понимая диалектики, действовать столь эффективно, успешно реализуя свои замыслы? За счет чего он переиграл политических соперников? И в первую очередь – Троцкого, интеллект которого был «более изощренным, более ярким и богатым», которому в числе других качеств были свойственны «живость мысли, широкая эрудиция, солидная европейская культура» (Д.А. Волкогонов).

А может быть, гегелевская диалектика вообще несовместима с реальной жизнью, ее незнание или «непонимание» позволяет вести дела более успешно? Быть может, диалектика Макиавелли умнее и жизненнее, чем гегелевские абстракции? Может быть, Сталин в своей практической деятельности выступал в роли стихийного диалектика, каждый раз заново открывая законы диалектики в конкретной ситуации и действуя в соответствии с ними? А тогда зачем ему «диалектика» по Стэну? И к чему вообще разговоры о «непонимании» им диалектики? Не для того ли только, чтобы сказать в его адрес что-то нелестное?

Сталин действовал по призыву Маркса к философам: перейти от объяснения мира к его преобразованию.

Теперь посмотрим на занятия Сталина философией с позиции здравого смысла. С одной стороны – глава государства, предельно загруженный конкретными делами, ведущий напряженную политическую борьбу, полный забот в поисках верных направлений дальнейшего развития страны. С другой стороны – вальяжный философ, ведущий неторопливый, размеренный образ жизни, отнюдь не перегруженный делами, и при этом свысока смотрящий на своего неискушенного в «чистой» философии ученика, безуспешно надеющегося получить от занятий конкретную пользу.

Ясно, что вопросы Сталина: «А для чего это нужно?», «Что это дает?» – вопросы умного и делового человека. А вот ответы Стэна, что «это нужно вообще» или «это нужно знать каждому образованному человеку» в данной ситуации выглядят наивно. Погруженный в свою специальность, он не учитывает ни мотивов ученика, ни уровня его личности, ни ситуации в стране. Иными словами, Стэн не проявляет элементарного здравого смысла.

Напомним, что здравый смысл – это постоянное отражение в психике естественных, реальных связей и отношений, в которых реализуется сам процесс жизни.

Большинство психологов – сознательно или бессознательно – принимали за единственный образец умственной работы – работу ученого, философа, вообще теоретика. Между тем в жизни мыслят не только теоретики. В работе любого организатора, администратора, производственника и т. д. ежечасно встают вопросы, требующие напряженной мыслительной деятельности... Работа практического ума непосредственно вплетена в практическую деятельность и подвергается ее непрерывному испытанию, тогда как работа теоретического ума подвергается

такой проверке лишь в конечных результатах. Отсюда та своеобразная ответственность, которая присуща практическому мышлению... Жесткие условия времени – одна из самых характерных особенностей работы практического ума. Сказанного уже достаточно, чтобы поставить под сомнение очень распространенное убеждение в том, что наиболее высокие требования к уму предъявляют теоретические деятели науки, философии, искусства. Гегель видел в занятии философией высшую ступень деятельности разума. Психологи начала XX века наиболее высоким проявлением умственной деятельности считали, как правило, работу ученого. Во всех этих случаях теоретический ум рассматривался как высшая возможная форма проявления интеллекта. Практический же ум, даже на самых высоких его ступенях – ум политика, государственного деятеля, полководца, – расценивался с этой точки зрения как более элементарная, легкая, как бы менее квалифицированная форма интеллектуальной деятельности.

Это убеждение глубоко ошибочно... «С точки зрения многообразия, а иногда и внутренней противоречивости интеллектуальных задач, а также жесткости условий, в которых протекает умственная работа, первые места должны занять высшие формы практической деятельности. Умственная работа ученого, строго говоря, проще, яснее, спокойнее (это не значит обязательно легче), чем умственная работа политического деятеля или полководца» (Б.М. Теплов). Как говорится, золотые слова!

Сталин обладал феноменальной памятью, она сочеталась с выдающейся нацеленностью, настроенностью восприятия происходящего или получаемой информации. Что это значит? Полезно это или вредно сейчас и на перспективу? Нужно запоминалось навсегда. Бесполезное отсеивалось и не засоряло память.

Память, внимание, восприятие реальной действительности – проявление всего этого в комплексе называется умом. У каждого человека ум проявляется индивидуально. Каким же умом обладал Сталин? Как и в чем он проявлялся?

Ум Сталина видится, в первую очередь, в стремлении к простоте, ясности и умении ее достичь.

Способность свести сложное по форме к простому, к самой сути, необходимо отличать от упрощенчества, при котором общая картина действительности искажается. Если одно и то же содержание два человека выражают с различной степенью простоты, то из них умнее тот, кто излагает проще.

Сталин ориентировался в своей политической деятельности на простых людей: рабочих, служащих, колхозников, партийных активистов. Звать всех людей к постижению «всей сложности и взаимозависимости мира» – не что иное, как высоколобое актерство. Неужели же из выступлений вождя они должны уяснить для себя только то, что «мир сложен и многообразен»? Ну и в какую сторону идти? И каковы «очередные задачи»?!

В подтверждение моих суждений приведу цитату, с содержанием которой нельзя не согласиться. «Троцкий так красиво говорил, так находчиво полемизировал, остроумно шутил. А Сталин отвечал простыми фразами, сам себе непрерывно задавал вопросы и сам на них отвечал... в конечном итоге Троцкий убеждал всех в своем уме, и только. А Сталин обращался к людям и убеждал их в правильности своих идей. Поэтому и говорил просто. Поэтому и вопросы сам задавал... Троцкий, как ему казалось, стремился говорить умно, а Сталин – понятно. В результате от речей Троцкого у большинства оставалось впечатление собственной глупости, цели его оставались непонятны... им для их собственной работы было необходимо знать, чего хочет шеф, понимать и видеть, что это действительно полезно для страны, а не является какой-то очередной авантюрой типа «мировой революции». По этой причине практики во главе со Сталиным не могли не побеждать идейно теоретиков» (Ю.И. Мухин).

Но, как говорится, слава Богу, после разгрома троцкистов и заговорщиков прекратились трибунные дискуссии, которые поглощали так много сил, здоровья и времени. Сталин наконец

получил возможность более полно, полезно и целенаправленно применять свой ум и способности в практическом строительстве социализма.

После титанических усилий в осуществлении индустриализации и коллективизации на первый план встали вопросы обороны страны и сплочения народов к преодолению трудностей в надвигающейся войне. Проблемы ждали стратегического мышления и решения Сталина.

* * *

Решая вопросы, связанные с обороной страны, Сталин вникал в подробности, обыкновенно интересующие только специалистов.

В июне 1935 года на одном из подмосковных полигонов выстроили новые орудия. В назначенное время прибыли Сталин, Молотов, Орджоникидзе. Они останавливались у каждого орудия, слушали доклады конструкторов, задавали вопросы.

Доложил о своей Ф-22 и Грабин (по цвету окраски эта 76-миллиметровая пушка была желтенькой). Перешли к полууниверсальной пушке К-25 Маханова. Послушав объяснение, Сталин вдруг повернул назад, к Ф-22. Далее – вспоминает Грабин:

«Сталин подошел к дощечке, на которой были выписаны данные о нашей желтенькой, остановился и принялся знакомиться с ними. Я подошел к нему. Сталин продолжал знакомиться с данными, написанными на дощечке, а затем обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действие всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность орудийного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал коротко и, как мне казалось, ясно. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

– Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная, и легкая...»

Смотр продолжался долго, затем была стрельба. Пушка Грабина не подвела конструктора. А вот с универсальной пушкой Маханова расчету пришлось повозиться. Когда закончилась стрельба, Сталин вышел из блиндажа и на ходу стал как бы думать вслух:

– Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас еще не решены. Надо быстрее решать и не ошибиться бы при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, еще молодые, но они уже есть. Их надо растить. И появились заводы, способные изготовить любую пушку, но надо, чтобы они умели не одну только пушку изготовить, а много...

Грабин и Маханов шли рядом с ним.

Потом он остановился. И сказал конструкторам:

– Познакомьтесь.

Они ответили, что давно друг с другом знакомы.

– Это я знаю, – сказал Сталин, – а вы при мне познакомьтесь.

«Маханов взглянул на меня с приятной улыбкой, – продолжает вспоминать Грабин, – и мы пожали друг другу руки.

– Ну, вот и хорошо, что вы при мне познакомились, – сказал Сталин.

Я не мог ничего понять.

Сталин обнял нас обоих, и мы пошли по направлению к нашим пушкам. Через несколько шагов Сталин остановился.

Обращаясь к Маханову, он сказал:

– Товарищ Маханов, покритикуйте пушку Грабина.

Вот этого ни один из нас не ожидал. Подумав, Маханов сказал:

– О пушках Грабина ничего плохого не могу сказать.

Не ожидал я такого ответа, даже удивился. Тогда Сталин обратился ко мне:

– Товарищ Грабин, покритикуйте пушку Маханова.

Собравшись с мыслями, я сказал, что универсальная пушка имеет три органических недостатка. Перечислил их и заключил:

– Каждый из этих недостатков приводит к тому, что пушка без коренных переделок является непригодной для службы в армии.

Сказав это, я умолк. Молчали и Сталин с Махановым. Я не знал, как они отнесутся к моим словам, и испытывал некоторую душевную напряженность, но не жалел, что так сказал. «Если бы меня не спросили, я не сказал бы ничего, – рассуждал я мысленно, – ну а раз спросили...»

Помолчав немного, Сталин сказал:

– А теперь покритикуйте свои пушки.

Такого я уже совершенно не ожидал...»

Грабин охарактеризовал недостатки своих пушек. Это понравилось Сталину, и он тут же велел отправить Ф-22 на испытания в Ленинград, к тем самым сторонникам универсальной пушки!

На следующий день, 15 июня, в Кремле состоялось совещание; вел его Молотов. Собрались очень много и военных, и штатских. Один за другим выступавшие рекомендовали принять на вооружение универсальную пушку; за пушку Грабина высказались только несколько человек. Заседание затянулось, выступали по несколько раз. Сталин ходил, задавал вопросы, составляя свое мнение. Наконец все выговорились. Молотов спросил, не желает ли кто еще высказаться.

Продолжает рассказывать Грабин:

«В зале было тихо. Сталин подошел к столу Молотова.

– Я хочу сказать несколько слов.

Многие поднялись и подошли поближе. Я последовал их примеру, хотя сидел достаточно близко. Меня интересовало: что же он скажет по столь специфическому вопросу, который дебатировался уже несколько лет?

Манера Сталина говорить тихо, не спеша описана неоднократно. Казалось, каждое слово он мысленно взвешивает, а потом только произносит. Он сказал, что надо прекратить заниматься универсализмом. И добавил:

– Это вредно.

Думаю, читатель поймет, какую бурю радости это вызвало в моей груди.

Затем он добавил, что универсальная пушка не может все вопросы решать одинаково хорошо. Нужна дивизионная пушка специального назначения.

– Отныне вы, товарищ Грабин, занимаетесь дивизионными пушками, а вы, товарищ Маханов, – зенитными. Пушку Грабина надо срочно испытать.

Речь была предельно ясной и короткой... Линия, принятая Советским правительством в развитии артиллерии, была совершенно правильной. К концу 30-х годов советская артиллерия стала мощной, имела в своем составе современные образцы всех типов».

Накануне войны особое значение придавалось производству артиллерийского вооружения. Сталин говорил на одном из совещаний в 1938 году:

– Артиллерия, несмотря на появление новых, исключительно важных видов боевой техники – авиации, танков, – остается мощным и решающим фактором в войне... На нее должно быть обращено особое внимание...

В предвоенные годы были разработаны и изготовлены опытные образцы реактивных минометных установок, знаменитых впоследствии «катюш». В июне 1941 года Сталин и члены правительства осмотрели образцы вооружения и по достоинству оценили его.

Артиллерийское вооружение РККА было лучшим в мире. Советская полковая 76-миллиметровая пушка оказалась гораздо лучше 75-миллиметрового орудия немцев; 150-милли-

метровое тяжелое орудие немцев уступало соответствующим советским системам. Наша дивизионная и корпусная артиллерия, наши горные орудия были совершеннее немецких систем.

* * *

Сталин заботился о развитии всех родов войск, но особенно он любил авиацию. Летчиков называли «сталинские соколы», и они гордились этим.

На смотре авиационной техники в 1932 году на Московском центральном аэродроме все восхищались летными качествами истребителей И-5, развивавших скорость 280 километров в час. Сталин же после осмотра сказал:

– Это ничего. Но нам нужны не эти самолеты. Надо, чтобы самолет давал четыреста километров в час...

И в 1933–1934 годах под руководством Н.Н. Поликарпова был создан истребитель-моноплан И-16 с убирающимися шасси и скоростью 460 километров в час!..

При решении тех или иных вопросов, связанных с авиацией (как и вообще всех дел, связанных с техникой), Сталин неизменно собирал специалистов на совет.

5 августа 1933 года Ильюшина пригласили на дачу Сталина. Тут же были нарком Ворошилов, начальник Главного управления авиапромышленности П.И. Баранов, начальник ВВС РККА Я.И. Алкснис, авиаконструктор А.Н. Туполев.

В шесть часов сели обедать. Но это был деловой обед; Сталин начал задавать такие вопросы, что Ильюшину оставалось только изумляться: откуда Генеральный секретарь так знает авиацию? Зашла речь о мощных двигателях с воздушным охлаждением.

– Нам надо хорошие двигатели иметь, с воздушным охлаждением, – сказал Сталин. – Видно, что у нас с ними что-то не получается...

Баранов предложил купить лицензию у иностранных фирм. Сталин опросил всех присутствующих, и когда выяснилось, что мнение единогласно, тут же определил состав комиссии, которой предстоит закупать лицензию, и заключил:

– Комиссии без лицензии не возвращать...

Во время авиационного парада на летном поле Центрального аэродрома 2 мая 1935 года Сталин задержался у истребителя И-16. Чкалов ответил на вопросы о самолете. Сталин уже знал летчика по рассказам. Внимательно выслушав его, спросил:

– А почему вы не пользуетесь парашютом?

– Я летаю на опытных, очень ценных машинах, – отвечал Чкалов. – Их надо беречь во что бы то ни стало. Вот и тянешь до аэродрома, стараешься спасти машину.

Сталин сказал серьезно:

– Ваша жизнь дороже нам любой машины. Надо обязательно пользоваться парашютом, если есть необходимость!

На приеме в Кремле Сталин подошел с рюмкой к столу, за которым сидел Чкалов.

– Хочу выпить за ваше здоровье, Валерий Павлович!

– Спасибо, оно у меня и так прекрасное, – не стусевался Чкалов. – Давайте лучше, Иосиф Виссарионович, выпьем за ваше здоровье!

В рюмочке Сталина был боржом или нарзан – видно по пузырькам на стенках. Чкалов налил два фужера водки, взял у Сталина рюмку и, отдавая ему фужер, добавил:

– Выпьем, Иосиф Виссарионович, на брудершафт!

Сталин едва пригубил, Чкалов же выпил все до дна, обнял Сталина за шею, к немалому беспокойству охраны...

* * *

В годы довоенных пятилеток началось освоение Северного морского пути. 14 декабря 1932 года в Политбюро слушали доклад О.Ю. Шмидта, начальника экспедиции на «Сибирякове», прошедшем за одну навигацию Северным морским путем. Сталин задавал вопросы:

– Какие корабли могут пройти Северным морским путем? А миноносец пройдет? А подводная лодка? Сможем ли мы снабжать золотые прииски, расположенные на Севере?

Много вопросов задали и другие руководители партии и правительства. Затем Сталин коротко подвел итоги:

– По Северному Ледовитому океану проходит значительная часть нашей границы. Это – наши моря, где никто и никогда не помешает нам плавать. Это – единственный морской путь, который обеспечивает нам связь с Дальним Востоком. К тому же неосвоенные районы Севера, с их огромными богатствами, ждут своего часа...

Было принято постановление СНК об организации Главного управления Северного морского пути. Освоение Севера пошло быстрее. Из Арктики поступали удивительные, будоражащие воображение вести.

Старшее поколение помнит эпопею «Челюскина». Этот транспортный корабль, ведомый капитаном В.И. Ворониным, 14 июля 1933 года ушел с экспедицией, возглавляемой О.Ю. Шмидтом. В сентябре корабль застрял во льдах; дрейф продолжался несколько месяцев, 13 февраля 1934 года «Челюскин» затонул. Но члены экспедиции (101 человек, среди них десять женщин и двое детей) высадились на льдину. Вся страна следила за вестями «из лагеря Шмидта».

На помощь челюскинцам Советское правительство направило своих лучших пилотов: в Арктику вылетели Анатолий Ляпидевский, Сизигмунд Леваневский, Василий Молоков, Николай Каманин, Маврикий Слепнев, Михаил Водопьянов, Иван Доронин. Многократно рискуя своими жизнями, летчики сняли к 13 апреля со льдины всех челюскинцев. За героизм при спасении полярников каждому из летчиков было присвоено звание Героя Советского Союза.

Рекордные полеты советских летчиков следовали один за другим, и кое-кто из них лелеял самые дерзновенные, рискованные надежды.

В начале июня 1936 года в ЦК ВКП(б) было собрано совещание, где рассматривались причины большого числа аварий в авиации. В перерыве В.П. Чкалов, Г.В. Байдуков и А.В. Беляков подошли к Орджоникидзе с просьбой помочь добиться разрешения на полет через Северный полюс в США.

– Не сидится вам, – рассмеялся Серго и повел летчиков к Сталину.

– Зачем лететь обязательно на Северный полюс? – поинтересовался Сталин. – Летчикам все кажется нестрашным – привыкли рисковать.

Чкалов был настойчив:

– Риска мало, товарищ Сталин, машина отличная, моторы тоже.

Сталин улыбнулся и предложил:

– Прежде чем лететь в Америку, надо хорошо и подробно все изучить. Наша страна огромна, места для полетов хватит. – Подумал и добавил: – Вот вам маршрут: Москва – Петропавловск-Камчатский.

19 июля 1936 года тройка смельчаков успешно его завершила. В Москве на аэродроме их встречали Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. Сталин спросил у Чкалова, что бы он еще хотел сделать.

– Еще разок полететь... Куда-нибудь подальше, – был ответ.

Неоднократно просил Чкалов разрешить ему полет через Северный полюс. Осенью 1936 года М.И. Калинин привез Чкалова, Байдукова, Белякова с женами на дачу Сталина в Сочи. Сталин и Жданов встретили их у ворот. Видя, что гости стесняются, хозяин предложил прогуляться, стал рассказывать о посаженных деревьях, особенно подробно – об эвкалиптах, о их противомаларийных свойствах, угощал лимонами. Когда возник разговор о полете через Северный полюс, Сталин сказал, что необходимо иметь метеорологическую станцию в районе полюса.

В мае 1937 года авиаотряд М.В. Водопьянова и И.Т. Спирина высадил на льдину в районе Северного полюса четверку отважных: И.Д. Папанина, Э.Т. Кренкеля, Е.К. Федорова, П.П. Ширшова. Двести семьдесят четыре дня дрейфовали они на льдине в океане.

Благодаря метеорологической станции Чкалов, Байдуков и Беляков смогли перелететь через полюс и приземлиться в Америке.

Через несколько месяцев по тому же маршруту полетели М.М. Громов, А.Б. Юмашев и С.А. Данилин.

Когда при следующей встрече Сталин спросил Чкалова, чего бы еще он хотел, Чкалов мечтательно вздохнул:

– Махнуть бы вокруг шарика!..

Успехи советской авиации в середине 30-х годов, казалось, могли настроить на благодушный лад. Но во время гражданской войны в Испании выяснилось отставание наших истребителей И-15 и И-16 по сравнению с германскими: «Мессершмитт-109» имел большую скорость и был вооружен пушкой калибра 20 миллиметров. Не все ладно было и с бомбардировщиками. Это беспокоило Сталина.

В воспоминаниях конструктора А.С. Яковлева подробно рассказано, как «внимательно, всесторонне» рассматривалось в Политбюро решение срочно сконструировать и запустить в серийное производство новые типы самолетов.

В апреле 1939 года Яковлева вызвали в Центральный Комитет партии, Сталин стал задавать вопросы, интересуясь мнением Яковлева о сравнительном уровне немецкой, английской и французской авиации. Яковлев был поражен осведомленностью Сталина: Генеральный секретарь ЦК вел беседу как специалист. Особенно налегал он на вооружение самолетов:

– Почему англичане на истребителе «Спитфайр» ставят не пушки, а пулеметы?

– У них нет авиапушек, – отвечал Яковлев.

– Верно, верно. – Сталин был доволен, что его сведения подтвердились. – Но мало иметь пушку, надо и двигатель приспособить под установку пушки...

– У англичан нет и такого двигателя.

– А вы знаете авиационный двигатель Климова? На него можно установить авиационную пушку Шпитального.

Яковлев ответил, что знаком с работой Климова. Тогда Сталин спросил:

– Не возьметесь ли вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

Авиаконструктор просил дать время на раздумье, так как до того истребителями не занимался. Время было дано.

Такие же беседы члены правительства имели и с другими работниками авиастроения. Вскоре в Кремле собрали ветеранов самолетостроения и молодых конструкторов. В кабинете Сталина, где собрались и члены Политбюро, каждого принимали в отдельности.

Дошел черед до Яковлева. На вопрос Сталина, обдумал ли он предложение, Яковлев отвечал, что, получив все данные от Климова, его бюро тщательно проработало предложение и может взяться за конструирование истребителя.

– Какое вооружение будет у истребителя? – поинтересовался Сталин.

– Пушка калибра двадцать миллиметров и два скорострельных пулемета.

Выразив одобрение, Сталин сообщил, что правительство заказывает одновременно истребители нескольким конструкторам, их задача заключается не только в разработке истребителя, наилучшего по летным и боевым качествам, но и в том, чтобы как можно быстрее сделать его и запустить в серийное производство.

– Машину надо сделать к новому, сороковому году. Сможете?

– Американцы новый истребитель делают за два года...

– Американцы! А вы покажите, что может молодой русский инженер. Покажете – чашка чая за мной. – Сталин засмеялся.

Конструкторам, проектировавшим новые самолеты, создали все условия для работы, оказывали любую помощь, в том числе и материальную. Сталин вмешивался сам, если возникала малейшая заминка.

Сталин организовал не только создание и производство современных самолетов, он вел лично самую настоящую разведку авиации возможного противника. Для этого посылал в Германию самых компетентных специалистов.

В октябре 1939 года в Германию была направлена торговая делегация во главе с И.Ф. Тевосяном. В состав делегации был включен конструктор Яковлев, ему была поставлена конкретная задача – ознакомиться с авиационной техникой Германии.

В марте 1940 года Сталин вторично направляет делегацию в Германию. В составе этой делегации опять Яковлев, которому Сталин лично поставил задачу. Суть ее конструктор излагает в своих воспоминаниях так:

«...в возможно короткий срок закупить в Германии авиационную технику, представляющую для нас наибольший интерес, как для сопоставления уровня наших самолетов с немецкими, так и для изучения технических новинок в области авиации вообще.

В разговоре выяснилось, что следовало бы выделить какую-то сумму в валюте для непосредственных, непредусмотренных закупок, помимо тех сумм, которые предоставлялись в обычном порядке.

– И сколько же нужно вам валюты? – спросил Сталин.

– Тысяч сто – двести.

Сталин снял трубку и соединился с наркомом внешней торговли Микояном.

– В распоряжение делегации надо выделить миллион, а если израсходуют – дайте еще столько же.

Окончив разговор с Микояном, добавил:

– Если же возникнут затруднения, обращайтесь прямо ко мне. Условный адрес: Москва, Иванову».

Сложилось так, что Яковлеву пришлось воспользоваться помощью Сталина. Об этом Яковлев пишет:

«После поездки по заводам и встреч с Мессершмиттом, Хейнкелем и Танком у членов авиационной комиссии составилось вполне определенное мнение о необходимости закупить истребители «Мессершмитт-109» и «Хейнкель-100», бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Дорнье-215».

Однако из-за бюрократических проволочек аппарата торгпредства мы не могли быстро и оперативно решить порученную нам задачу, то есть принять на месте решение о типах и количестве подлежащих закупке самолетов. Я, видя такое дело, попробовал послать телеграмму по адресу: «Москва, Иванову». Торгпредское начальство телеграмму задержало и запретило передавать ее в Москву. Только после того, как я объяснил Тевосяну, что, предвидя возможность каких-либо затруднений и учитывая важность задания, Сталин разрешил при осуществлении нашей миссии обращаться непосредственно к нему и для этой цели дал мне шифрованный телеграфный адрес: «Москва, Иванову», он согласился и приказал не чинить препятствий.

Буквально через два дня был получен ответ, предоставляющий право на месте определить типаж и количество закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко, и поставленная перед нами правительственная задача была успешно решена.

В общем, вторая поездка в Германию была такой же интересной и полезной, как и первая, а может быть, еще интереснее, потому что если первая носила ознакомительный характер, то эта – деловой: мы отбирали и закупали интересующую нас авиационную технику.

В день возвращения в Москву из Германии, вечером, я был вызван к Сталину, у которого находились Молотов, Микоян, Маленков и Шахурин. Со мной долго и подробно беседовали, сперва в кремлевском кабинете, а потом за ужином на квартире у Сталина.

Сталина интересовало все: не продают ли нам немцы старье, есть ли у них тяжелые бомбардировщики, чьи истребители лучше – немецкие или английские, как организована авиационная промышленность, каковы взаимоотношения между немецкими ВВС – «Люфтваффе» и промышленностью и т. д.

Участвовавших в беседе, естественно, больше всего интересовало: действительно ли немцы показали и продали нам все, что у них находится на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунили ли нам свою устаревшую авиационную технику.

Я сказал, что у нас в комиссии также были сомнения, особенно в первую поездку, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранная нами техника соответствует современному уровню развития немецкой авиации.

Сталин предложил мне представить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал».

Сталин послал Яковлева с личным поручением еще и в третий раз. Случилось это (в октябре 1940 года) так:

«– Вас срочно вызывают в Кремль к Молотову.

В Кремле пустынно, правительственные учреждения по случаю праздника не работали, безлюдными были коридоры Совнаркома.

Молотов сразу меня принял и сообщил, что я назначен в состав правительственной делегации, отправляющейся в Германию.

– Завтра в 9 часов вечера вы должны явиться на Белорусский вокзал, поедем в Берлин. Это указание товарища Сталина.

– Но как же завтра? – удивленно спросил я. – Ведь у меня нет заграничного паспорта, и вообще я совершенно не подготовлен к поездке.

– Ни о чем не беспокойтесь, все будет. Чемоданчик со свежим бельем найдется?.. Больше ничего от вас не требуется. Значит, завтра ровно в 9 на Белорусском вокзале...»

(О переговорах Молотова с Гитлером, о том, как ими руководил Сталин и какая польза была извлечена из этих переговоров, изложено в отдельной главе.)

Пока Молотов осуществлял свою политическую миссию, конструктор Яковлев не терял времени и выполнял свою особую работу. Она была настолько важной для Сталина, что он пригласил к себе Яковлева в день его возвращения из Берлина.

«По возвращении в Москву, – вспоминал конструктор, – меня сразу же, чуть ли не с вокзала, вызвали в Кремль.

В приемной, здороваясь, Молотов засмеялся:

– А, немец! Ну теперь затаскают нас с вами.

– За что?

– А как же! С Гитлером обедали? Обедали. С Геббельсом здоровались? Здоровались! Придется каяться.

В этот вечер обсуждалось много всевозможных вопросов, большей частью не имевших отношения к авиации, но меня все не отпускали и нет-нет да и расспрашивали, что нового

видел я в этот раз в Германии. Сталина, как и прежде, очень интересовал вопрос, не обманывают ли нас немцы, продавая авиационную технику.

Я доложил, что теперь, в результате этой, третьей, поездки создалось уже твердое убеждение в том (хотя это и не укладывается в сознании), что немцы показали истинный уровень своей авиационной техники. И что закупленные нами образцы этой техники – самолеты «Мессершмитт-109», «Хейнкель-100», «Юнкерс-88», «Дорнье-215» и другие – отражают состояние современного авиационного вооружения Германии.

И в самом деле, война впоследствии показала, что кроме перечисленных, имевшихся в нашем распоряжении самолетов, на фронте появился только один новый истребитель – «Фокке-Вульф-190», да и тот не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Я высказал твердое убеждение, что гитлеровцам, ослепленным своими успехами в покорении Европы, и в голову не приходило, что русские могут с ними соперничать. Они были так уверены в своем военном и техническом превосходстве, что, показывая секреты своей авиации, думали только о том, как бы нас еще сильнее поразить, потрясти наше воображение и запугать.

Поздно ночью, перед тем как отпустить нас домой, Сталин сказал:

– Организуйте изучение нашими людьми немецких самолетов. Сравните их с новыми нашими. Научитесь их бить.

Ровно за год до начала войны в Москву прибыли пять истребителей «Мессершмитт-109», два бомбардировщика «Юнкерс-88», два бомбардировщика «Дорнье-215», а также новейший истребитель – «Хейнкель-100». К этому времени мы уже имели свои конкурентоспособные истребители – ЛАГГи, ЯКи, МиГи, штурмовики и бомбардировщики ИЛы и ПЕ-2.

Благодаря дальновидности и предприимчивости Сталина, выигрыш во времени был особенно дорог для нашей авиации: он позволил за 1939–1940 годы создать новые, вполне современные типы боевых самолетов и к 1941 году запустить их в серийное производство.

* * *

Так же настойчиво, внимательно и требовательно относился Сталин и к танкостроению. В августе 1938 года в ЦК состоялось совещание, на котором были рассмотрены перспективы развития танковой промышленности.

Советские танкостроители спроектировали и уже во второй половине 1939 года построили первые опытные образцы машин оригинальных конструкций: коллектив под руководством М.И. Кошкина, А.А. Морозова и Н.А. Кучеренко создал лучший в ту пору и на многие последующие годы вперед средний танк Т-34. Конструкторское бюро Ж.Я. Котина разработало тяжелый танк принципиально нового типа.

Танкостроением Сталин интересовался постоянно и вникал во все детали.

Из воспоминаний М.И. Кошкина:

«Доклаживал Ворошилов, держа в руке проект решения, подготовленного Комитетом Обороны. Сталин подошел к нему и взял листок. Прочитал его и, обращаясь к начальнику Автобронепаркового управления Я.Н. Федоренко, спросил:

– Какие тактико-технические преимущества имеет новая башня?

Федоренко стал говорить о том, что литую башню можно изготавливать в литейных цехах, в то время как при производстве башен старого типа для штамповки отдельных деталей требуются мощные прессы.

– Я вас спрашивал, какие тактико-технические преимущества имеет новая башня, а вы мне говорите о технологических преимуществах. Кто у вас занимается военной техникой?

Федоренко назвал генерала И.А. Лебедева.

– Здесь он?

Генерал Лебедев поднялся. Сталин повторил вопрос. Лебедев заколебался и начал, по существу, повторять сказанное Федоренко.

Сталин нахмурился и сердито спросил:

– Вы где служите: в армии или в промышленности? Я третий раз задаю вопрос о тактико-технических преимуществах новой башни, а вы мне говорите о том, какие возможности открываются перед промышленностью. Может быть, вам лучше перейти на работу в промышленность?

Генерал молчал. Я почувствовал, что решение о переводе на литье башни может быть не принято, и, подняв руку, попросил слова. Обращаясь в мою сторону, Сталин сказал:

– Я спрашиваю о тактико-технических преимуществах.

– Я об этом и хочу сказать, Иосиф Виссарионович.

– Вы что, военный?

– Нет.

– Что вы хотите сказать? – с недобрым выражением лица спросил Сталин.

Я вынул из папки карточки с результатами обстрела и подошел к Сталину.

– У старой башни, сваренной из отдельных деталей, имеются уязвимые места – сварные швы. Новая – монолит, она равнопрочная. Вот результаты испытаний обоих типов на полигоне путем обстрела.

Сталин посмотрел карточки, вернул их мне и сказал:

– Это соображение серьезное.

Он отошел в другой конец комнаты.

– Скажите, а как изменится положение центра тяжести танка при переходе на новую башню? Конструктор машины здесь?

Поднялся конструктор.

– Если и изменится, товарищ Сталин, то незначительно.

– Незначительно – это не инженерный термин. Вы считали?

– Нет, не считал.

– А почему? Ведь это военная техника. – Не спуская с конструктора глаз, Сталин спросил, как изменится нагрузка на переднюю ось танка.

Конструктор тихо сказал:

– Незначительно.

– Что вы твердите все время «незначительно» да «незначительно», скажите, вы расчеты делали?

– Нет, – тихо ответил конструктор.

– А почему?

Конструктор молчал.

Сталин положил на стол листок с проектом решения и сказал:

– Я предлагаю отклонить предложенный проект постановления как неподготовленный. Указать товарищам, чтобы они с такими проектами на Политбюро не выходили. Для подготовки нового проекта выделить комиссию, в состав которой включить Федоренко, его, – он указал на наркома автотракторной промышленности С.А. Аكوпова, – и его, – палец Сталина указывал на меня».

В июне 1940 года Политбюро ЦК приняло решение «О производстве танков Т-34 в 1940 году». К выпуску новых танков привлекалось значительное количество заводов, и в результате производственные мощности советского танкостроения к лету 1941 года в полтора раза превышали мощности танковой промышленности Германии. Но сложности организационного и технологического порядка сдерживали выпуск новых танков. В 1940 году было изготовлено 246 KB и 115 Т-34; в первом полугодии 1941 года производство новых танков возросло: было изготовлено 393 KB и 1110 Т-34. Однако этого количества танков было недостаточно для пред-

принятого перевооружения бронетанковых войск. Так же, как и авиация, бронетанковые войска Красной Армии вступали в Великую Отечественную войну будучи еще в стадии реорганизации.

В этом была одна из причин наших неудач в первые месяцы войны. Они могли оказаться еще более роковыми, если бы Сталин всеми дипломатическими силами не отодвигал нападение Германии и не использовал бы эту отсрочку для оснащения армии современным оружием и техникой.

* * *

Не забывал Сталин и Военно-Морской Флот. Однако будучи сугубо сухопутным человеком, в делах флотских Сталин допустил ошибку. Но ошибка эта была, как говорится, с добрыми намерениями.

Сталин в разговоре с флотоводцами настаивал на строительстве крупных кораблей, в особенности линкоров.

Нарком Военно-Морского Флота Кузнецов возражал:

– Балтийское море тесно для тяжелых кораблей, они могут подрываться на минах. Очень дорого обходится строительство таких кораблей.

Сталин поднялся из-за стола, прошелся по комнате, набил табаком трубку.

– По копеечке соберем деньги, а построим, – сказал он, строго глядя на Кузнецова.

Проектирование и закладка кораблей в 1937–1938 годах велись в чрезвычайно быстром темпе. Еще больший размах приобрело строительство в 1939 году, сотни заводов работали на флот. Для спуска на воду крупного корабля надо три, а то и пять лет, денег же, материалов и труда они требовали очень много. Между тем на Западе началась война, средства настоятельно необходимы были везде. И в 1939 году Сталин решил сократить число строящихся линкоров и тяжелых крейсеров, сосредоточив усилия на эсминцах, подводных лодках, торпедных катерах. В начале июля 1941 года строительство линкоров было прекращено. Так или иначе, Сталин исправил свою ошибку.

* * *

Укреплением обороны страны непосредственно руководили верные соратники Сталина – К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Киров, А.А. Жданов. Но совершенно особое место в этом отношении надо отвести тому вниманию, пристрастию, с которыми занимался оборонными делами сам Сталин.

На XVI съезде он говорил, что Советский Союз хочет мира и что Советское правительство будет вести мирную политику всеми средствами, но охотникам до чужих территорий следовало знать:

– Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому.

Когда я учился в академии имени Фрунзе, эти слова встречали слушателей на стене у входа в наше величественное здание, теперь они почему-то исчезли.

Война с Финляндией. (Осень 1939-го – начало 1940 г.)

Сталин вначале хотел мирным путем улучшить стратегическое положение Ленинграда. Граница проходила недалеко от города, и в случае войны финские орудия крупных калибров могли обстреливать Ленинград со стационарных позиций. Финское правительство, которое возглавлял Рюти, вело недружественную Советскому Союзу политику.

В «Советской военной энциклопедии», вышедшей в 1979 году, сказано: «Правящие реакционные круги Финляндии с помощью империалистических государств превратили территорию страны в плацдарм для нападения на СССР. В приграничных районах, и главным образом на Карельском перешейке, в 32 километрах от Ленинграда, при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов и финансовой помощи Великобритании, Франции, Швеции, Германии и США была построена мощная долговременная система укреплений, линия Маннергейма».

Это объяснение возможной агрессии Финляндии против СССР, если вдуматься, выглядит все же неубедительно. Да, многие страны были заинтересованы в столкновении Финляндии и СССР, но наступательную агрессивную доктрину характеризуют совсем другие способы подготовки к войне, нежели строительство долговременной оборонительной линии. Вести наступательные действия можно, подготовив обычную местность, на которой сосредоточивают войска и после создания ударной группировки начинают боевые действия. Затрачивать огромный труд и миллиардные капиталы, да еще с привлечением стольких государств, чтобы построить могучую линию якобы для наступления, – это, по военным понятиям, просто безграмотно. Даже не посвященный в военное искусство человек и тот понимает наивность подобного объяснения. Конечно же, линию Маннергейма финны строили для того, чтобы защитить маленькую Финляндию от такого грозного соседа, каким становился СССР. Но «добрые союзники» вкладывали деньги и в своих интересах.

Летом 1939 года в Финляндии побывал начальник генерального штаба Германии Гальдер, особый интерес он проявил к ленинградскому и мурманскому стратегическим направлениям. У. Кекконен позднее писал: «Тень Гитлера в конце 30-х годов распростерлась над нами, и финское общество в целом не может отречься от того, что оно относилось к этому довольно благосклонно».

Президент страны в 1931–1937 годах П. Свинхувуд заявлял: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». На территории Финляндии с помощью немецких специалистов в 1939 году были сооружены аэродромы, которые способны были принимать количество самолетов во много раз большее, чем то, которым располагали финские воздушные силы. На Карельском перешейке линия Маннергейма протянулась от Финского залива до Ладожского озера. Она имела три полосы укреплений глубиной почти в 90 километров.

В октябре – ноябре 1939 года между СССР и Финляндией проходили переговоры по вопросам взаимной безопасности. Однако финское правительство, подогреваемое своими западными доброжелателями, не пошло на заключение предлагаемого оборонительного союза. Свою поддержку финнам обещали как Германия, так и Англия, Франция и даже Америка. В Германии финских представителей уверяли, что в случае войны с СССР финны только выиграют (немцы не открывали свои планы, но, видимо, имели в виду свое решение о нападении на Советский Союз). Они даже гарантировали, что помогут впоследствии Финляндии возместить возможные территориальные потери. Хочется при этом еще раз обратить внимание читателей на вероломство руководителей третьего рейха. Давая такие гарантии дружественной Финляндии, они ведь прекрасно знали, что уже подписан секретный дополнительный протокол, в котором обещано Советскому Союзу не вмешиваться в какие-либо конфликтные ситуации, которые могут у него возникнуть не только с Эстонией, Латвией и Литвой, но и с Финляндией! И

действительно, когда началась советско-финская война, Германия формально соблюдала нейтралитет.

Поначалу считали, что военного конфликта не будет, что Финляндия примет советское предложение. Оно состояло в том, чтобы финны мирно уступили нам часть Карельского перешейка, взяв себе взамен определенную территорию на нашем севере. Однако обмен был явно неравноценный: на Карельском перешейке находились мощные укрепления, обеспечивающие прикрытие границы, а то, что мы предлагали взамен, было землей, не имевшей никакой ценности – ни экономической, ни военной. Финское правительство отказалось от такого обмена.

Сталин, имея секретную договоренность с Гитлером, решил воспользоваться этим и отодвинуть границу от Ленинграда, тем более что Ворошилов уверял Сталина: если дело дойдет до военного конфликта, то Красная Армия разделается с финской армией в несколько дней.

Осенью 1939 года был проведен Главный Военный совет, на котором был разработан план военных действий против Финляндии. План этот был составлен под руководством начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова. Зная характер укреплений на финской границе, Шапошников учитывал в плане реальные трудности, которые неизбежно возникнут в связи с необходимостью прорыва финских укреплений, и поэтому планировал привлечь крупные силы. Сталин, настроенный Ворошиловым на легкую победу, резко раскритиковал этот план. Было поручено штабу Ленинградского военного округа разработать новый. Такой план был разработан, и ориентирован он был на мнение наркома Ворошилова, что война будет недолгой и победу мы одержим малой кровью. Поэтому в плане даже не предусматривалось сосредоточение необходимых резервов.

Вера в то, что война будет завершена буквально в течение нескольких дней, оказалась настолько сильна, что начальника Генерального штаба даже не поставили в известность о ее начале: Шапошников в это время был в отпуске.

Финское правительство открыто просило защиты у Германии, о чем свидетельствует обращение финского посланника Вуоримаа к имперскому министру иностранных дел Германии. Он писал: «Есть основание предполагать, что Россия намерена предъявить Финляндии требования, аналогичные предъявленным прибалтийским государствам». И спрашивал: «Останется ли Германия безразличной к русскому продвижению в этом районе, и, если найдутся подтверждения тому, что это не так, какую позицию намерена занять Германия?»

Как повела себя в этих условиях Германия, мы уже знаем.

Советская же сторона, в соответствии с принятым планом, искала предлог для военного конфликта. 26 ноября нарком иностранных дел Молотов пригласил к себе посланника Финляндии Ирие-Коскинена и вручил ему ноту правительства СССР по поводу якобы имевшего место провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями, сосредоточенными на Карельском перешейке.

Вот текст этой ноты, с некоторыми сокращениями:

«Господин посланник!

По сообщению Генерального штаба Красной Армии сегодня, 26 ноября, в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться на провокации, воздержались от ответного обстрела... Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам...

Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке – на 20–25 километров и тем самым предупредить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел

В. Молотов.

26 ноября 1939 г.»

Отвести войска на Карельском перешейке на 20–25 километров – это означало оставить мощные укрепления линии Маннергейма пустыми, и как раз в тот момент, когда возникла реальная угроза вторжения, – а финское правительство, несомненно, имело разведывательные сведения о сосредоточении советских войск. Трудно было бы ожидать от Финляндии, как, впрочем, и от любой другой страны, такого самоубийственного согласия.

29 ноября поступила ответная нота финского правительства. Вот несколько выдержек из нее:

«В связи с якобы имевшим место нарушением границы, финское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 6 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы, близ упомянутого вами селения Майнила».

Предлагалось также, чтобы советские пограничные комиссары совместно с финскими на месте, по воронкам и другим данным, убедились, что обстреляна была именно их территория. Далее в ноте говорится о том, что Финляндия согласна на то, чтобы войска были отведены, но – с обеих сторон.

В своих воспоминаниях маршал К.А. Мерецков пишет:

«В конце июня 1939 года меня вызвал И.В. Сталин. У него в кабинете я застал работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О.В. Куусинена... Меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникли у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства...»

Далее К.А. Мерецков излагает известную концепцию о том, что Финляндия «легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазных империалистических группировок – немецкой и англо-франко-американской» и тем самым может превратиться в «науськиваемого на нас застрельщика большой войны». В этой связи Мерецкову предлагалось подготовить докладную записку с «планом прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны».

Как видим, Сталин говорил Мерецкову лишь о возможном нападении финской стороны, умалчивая о том, что нападение маленькой Финляндии на такого гиганта, как Советский Союз, маловероятно, и явно скрывая, что он сам намеревается первым нанести удар. Видимо, поэтому он, предлагая Мерецкову составить докладную записку о прикрытии границы от агрессора и о контрударе как противодействии возможному нападению, при этом все-таки приказал готовить войска к боевым действиям – скрытно, не вызывая подозрений у окружающих.

Далее Мерецков пишет:

«Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии

в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. Когда я стал говорить, что собранных сил на операцию такого масштаба не хватит, мне заметили, что я исхожу из возможностей ЛВО, а надо учитывать силы Советского Союза в целом. Я попытался сделать еще одно возражение, связав его с возможностью участия в антисоветской провокации вместе с Финляндией и других стран. Мне ответили, что об этом думаю не я один, и предупредили, что в начале осени я опять буду докладывать о том, как осуществляется план оборонительных мероприятий».

В своих воспоминаниях Мерецков указывает на то, что «имелись как будто бы и другие варианты контрудара. Каждый из них Сталин не выносил на общие обсуждения в Главном Военном совете, а рассматривал отдельно, с определенной группой лиц, почти всякий раз иных». Одним из таких вариантов был уже упоминавшийся план Шапошникова. «Борис Михайлович, – подтверждает Мерецков, – считал контрудар по Финляндии непростым делом и полагал, что он потребует не менее нескольких месяцев напряженной и трудной войны в случае, если крупные империалистические державы не войдут прямо в столкновение».

Итак, после инцидента в Майниле, после советской ноты и ответной ноты Финляндии, 30 ноября в 8 часов утра части Красной Армии перешли в наступление.

И еще один штрих о советско-финляндской войне. Это, правда, неприятно признавать, потому что не украшают подобные факты нашу историю. Но истина дороже.

30 ноября 1939 года, в день начала боевых действий, в «Правде» было опубликовано сообщение о том, что из «радиоперехвата» стало известно об обращении ЦК Компартии Финляндии к финскому народу с призывом образовать правительство левых сил.

1 декабря 1939 года в занятом советскими войсками финляндском местечке Териоки (как стало известно тоже из «радиоперехвата») было создано такое правительство во главе с финляндским коммунистом, секретарем Исполкома Коминтерна О.В. Куусиненом. Оно провозгласило себя временным народным правительством Финляндской Демократической Республики.

В тот же день Советское правительство признало правительство Куусинена, с ФДР были установлены дипломатические отношения, а 2 декабря между СССР и ФДР подписан Договор о взаимопомощи и дружбе.

Версия о «радиоперехватах» нужна была для создания видимости непричастности советского руководства к образованию правительства Куусинена.

Но... вся эта дымовая завеса опрокидывается дубликатами документов «финляндского правительства» (которые хранятся в Архиве внешней политики СССР) – все они имеют правку и редактуру, сделанную рукой Молотова. Это свидетельствует о том, что до «радиоперехвата» документы лежали на столе нашего наркома иностранных дел.

Тут, как говорится, комментарии излишни.

Наше командование сосредоточило против Финляндии четыре армии на всем протяжении ее границы. На главном направлении, на Карельском перешейке, была 7-я армия в составе девяти стрелковых дивизий, одного танкового корпуса, трех танковых бригад плюс очень много артиллерии, авиации. Еще 7-ю армию поддерживал Балтийский флот.

Имея перед собой огромную протяженность фронта (всю советско-финскую границу) и располагая четырьмя армиями, советское командование не нашло ничего более разумного, как ударить в лоб по мощнейшим, пожалуй, самым мощным для того времени в мире сооружениям – по линии Маннергейма. За двенадцать дней наступления, к 12 декабря, армия с огромными трудностями и потерями преодолела только сильную полосу обеспечения и не сумела с ходу вклиниться в основную позицию линии Маннергейма. Армия была обескровлена и не могла дальше наступать.

На севере 14-я армия продвинулась в глубь территории Финляндии на 150–200 километров, левее ее 9-я армия вклинилась на глубину до 45 километров, а 8-я армия – на 50–80 километров.

Финская армия, хотя и значительно уступала нашей в силах, но, охваченная большим патриотическим подъемом, защищалась упорно и умело. Она наносила советским частям огромные потери.

Мировая общественность восприняла действия Советской страны резко отрицательно. Лига Наций исключила Советский Союз из числа своих членов и призвала все страны мира помогать Финляндии. Определенные круги в правительствах Франции и Англии надеялись, что этот конфликт разгорится в большую войну, что в поддержку Финляндии вмешается Германия, и даже, может быть, Гитлер посчитает этот момент удобным для нанесения своего удара по России.

Пораженное неожиданным упорным сопротивлением маленькой страны, советское командование было вынуждено приостановить боевые действия, создать на Карельском перешейке еще одну, новую армию и образовать Северо-Западный фронт под командованием командарма 1 ранга С.К. Тимошенко, члена Военного совета А.А. Жданова, начальника штаба командарма 2 ранга И.В. Смородинова. Таким образом, к пополнившимся дивизиям 7-й армии прибавилась еще 13-я армия, в которую входили 9 дивизий, много артиллерии и танков.

Командование вновь созданного Северо-Западного фронта тоже не нашло никаких более гибких форм военного искусства и продолжало лобовое наступление на линию Маннергейма. Главный удар наносился смежными флангами двух армий. Артиллерии на Карельском перешейке было столько, что участники боев говорят – места для орудий не хватало, они стояли чуть ли не колесом к колесу. Почти вся советская авиация была сосредоточена здесь и тоже наносила удары на главном направлении.

После трехдневных кровопролитных боев нового наступления, понеся огромные потери, наша армия прорвала первую полосу линии Маннергейма, но вклиниться с ходу во вторую полосу ей не удалось.

Опять началась подготовка к очередному удару – пополнялись обескровленные дивизии. 11 февраля советские части возобновили наступление. Наконец-то командование использовало возможность сделать обход правого фланга противника по льду замерзшего Выборгского залива. Выйдя в тыл Выборгского укрепленного района, наши части перерезали шоссе Выборг – Хельсинки. К 12 марта прорыв линии Маннергейма был завершен.

После окончания этой тяжелейшей, кровопролитной и самой бесславной войны, которую когда-либо вела Красная Армия, в марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором К.Е. Ворошилов доложил об итогах войны с Финляндией. На этом заседании было рекомендовано провести расширенное совещание Главного Военного совета совместно с участниками войны, что и было осуществлено. Главный Военный совет заседал в Кремле 14–17 апреля 1940 года. На нем выступил и Сталин. Он говорил о том, что командному составу необходимо изучить особенности современной войны, что культ опыта гражданской войны помешал нашему командному составу перестроиться на новый лад.

Главный Военный совет принял ряд постановлений по улучшению вооружения, оснащения, обобщению боевого опыта и другие меры по укреплению боеспособности Красной Армии.

Сталин после финской войны и разбора ее итогов на Главном Военном совете убедился в том, что наша армия слабая, что ее командный состав подготовлен плохо, что вооружение у нас устаревшее, что такая армия не сможет противостоять гитлеровской армии...

Добавлю к этому еще одно прозрение Сталина. Он убедился в отсталости и некомпетентности в военном деле своего ближайшего соратника – наркома обороны Ворошилова.

Надо было искать замену. Прорыв линии Маннергейма был заслугой Семена Константиновича Тимошенко. Ему были присвоены звания Героя Советского Союза и Маршала Советского Союза.

Если учесть, что все население Финляндии составляло немногим более трех миллионов человек и примерно такой же численности в то время была Красная Армия, да вспомнить огромные потери, понесенные нашей армией, то можно сказать: это была пиррова победа.

На заседании Политбюро Сталин сказал:

– Война с финнами показала слабость в подготовке высших командных кадров и резкое снижение дисциплины в войсках. Все это произошло при товарище Ворошилове. И теперь ему трудно будет в короткие сроки выправить эти крупные вопросы. А время нас поджимает: в Европе Гитлер развязал войну. Предлагается заменить товарища Ворошилова другим лицом и назначить наркомом обороны товарища Тимошенко.

Тимошенко стал отказываться, ссылаясь на то, что у него нет нужных знаний и государственной мудрости для работы на таком высоком и ответственном посту. Говорил он и о том, что едва ли достоин заменить товарища Ворошилова, которого не только армия, но и весь народ хорошо знает и любит.

– Все это верно, – сказал Сталин. – Но народ не знает, что у товарища Ворошилова не хватает твердости. А сейчас твердость особенно нужна во всем. У вас она есть. Беритесь, прежде всего, за дисциплину и за подготовку кадров. А насчет государственной мудрости – это дело наживное. Где нужно – мы вам поможем.

Так наркомом обороны был назначен С.К. Тимошенко, а для Ворошилова была создана престижная должность заместителя председателя Совета Народных Комиссаров.

Поскольку нам придется в этой книге довольно часто встречаться с Тимошенко, познакомлю читателей с краткой его биографией. Семен Константинович Тимошенко родился в 1895 году. В год назначения наркомом обороны ему было 45 лет. Боевой путь он начинал с Первой мировой войны. В 1915 году был призван в царскую армию, окончил пулеметную школу, участвовал в боях на Западном фронте. С первых дней революции защищал ее с оружием в руках: в 1917 году участвовал в ликвидации корниловщины, а затем – разгроме калединщины. Принимал участие в обороне Царицына. Командовал взводом, эскадроном, полком. С октября 1919 года командир 6-й кавдивизии в Первой конной армии Буденного. Награжден двумя орденами Красного Знамени. С 1925 года командовал 3-м кавалерийским корпусом.

Фундаментального образования не имел, окончил только Высшие академические курсы в 1922 и 1927 годах, а также курсы командиров-единоначальников при академии им. В.И. Ленина в 1930 году. Командовал военными округами – Киевским, Северо-Кавказским, Харьковским. В сентябре 1939 года командовал войсками Украинского фронта, совершавшими поход в Западную Украину.

Жуков в одной из своих бесед с К.М. Симоновым так отзывался о Тимошенко:

– Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко – старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой, образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока он был (наркомом), кое-что успели повернуть в армии к лучшему.

Наверное, я не ошибусь, если скажу еще об очень важном психологическом последствии этой неудачной войны. Сталин, как уже говорилось, обнаружив низкую готовность Красной Армии, был вынужден идти на сближение и в чем-то уступать гитлеровской Германии, которая

к этому времени уже показала, как молниеносно она может громить очень сильных противников. Сталину нужно было время для устранения слабостей своей армии.

Подведем итог. Стратегический расчет Сталина на обеспечение безопасности Ленинграда был оправданным, но выполнение конкретных мер по осуществлению этого замысла неумело проведено недальновидными воеводами, которые ввели в заблуждение Сталина как о силах противника, так и о возможностях своих войск. Война с Финляндией – одна из неудач в военной деятельности Сталина. Но она помогла выявить многие недостатки, которые были своевременно устранены.

Война в Европе. (Разгром Франции: май – июнь 1940 г. Война с Англией)

После того как Германией была оккупирована Польша, перед Гитлером встал вопрос – осуществить нападение на СССР или же сначала разгромить Францию и Англию? Если бы Гитлер пошел на восток и овладел жизненным пространством, о необходимости которого он открыто говорил, то это усилило бы Германию до такой степени, что Франция и Англия оказались бы неспособными ей противостоять. Они, конечно, не стали бы этого дожидаться, и, вероятно, началась бы и на западе настоящая, а не «странная» война, то есть – началась бы война на два фронта, чего так боялись и от чего предостерегали фюрера все стратеги Германии. Поэтому элементарная логика подсказывала Гитлеру: надо ликвидировать сначала западных противников. Но Франция не была похожа на те страны Европы, которые так легко захватил Гитлер до 1939 года. С Францией Германия в прошлом вела многолетние войны, причем битвы шли на равных, иногда верх одерживали французские вооруженные силы, иногда – германские. Это был серьезный противник, причем имеющий такого могучего союзника, как Англия.

К 9 октября 1939 года в ставке Гитлера была разработана «Памятная записка и руководящие указания по ведению войны на Западе». Этот секретнейший документ Гитлер доверил сначала только четверым, а именно – троим главнокомандующим видами вооруженных сил и начальнику штаба верховного главнокомандования. В этой «Памятной записке» были проанализированы возможные действия всех европейских государств в случае нападения Германии на Францию, изложены и варианты военных действий против Франции. Основной замысел заключался в том, чтобы обойти долговременные линии обороны Франции, созданные ею на своих границах с Германией, через территории Люксембурга, Бельгии и Голландии и этим избежать больших потерь и затяжных боев. А затем стремительным ударом танковых и механизированных войск ворваться на территорию Франции, сокрушить прежде всего волю противника к сопротивлению, окружить и уничтожить главные силы французской армии и экспедиционные части Англии.

На основании указаний Гитлера генеральный штаб и главнокомандующие начали разрабатывать план ведения войны, в результате чего был принят окончательный план вторжения во Францию, получивший условное название «Гельб».

10 мая 1940 года немецко-фашистские войска начали наступление в обход французской линии Мажино через территорию Голландии и Бельгии. С помощью воздушных десантов они захватили важные районы, аэродромы, мосты. 14 мая нидерландская армия капитулировала. Бельгийские войска отошли на рубеж реки Маас. На этот же рубеж выдвинулись части англо-французских войск. Но немецкая армия прорвала слабую оборону союзников и к 20 мая вышла к побережью. Особую роль сыграла танковая группа Клейста, которая прижала войска союзников к морю. Здесь произошла трагическая Дюнкеркская операция, в ходе которой англо-французские войска, понеся огромные потери, эвакуировались.

Быстро проведя перегруппировку сил, гитлеровская армия 5 июня начала вторую наступательную операцию – «Рот», в которой участвовало 140 дивизий! Эта операция ставила задачу разгрома французских вооруженных сил и выведения Франции из войны окончательно.

Французское правительство и командование были деморализованы. 14 июня по приказу Вейгана без боя был сдан Париж. Гитлеровские войска беспрепятственно продвигались в глубь страны. 17 июня на смену полностью беспомощному правительству пришел маршал Петен и тут же обратился к командованию вермахта с просьбой о перемирии.

Гитлер упивался одержанной победой, он пожелал, чтобы подписание капитуляции Франции было оформлено в том самом вагоне, в котором 18 июня 1919 года был подписан Версальский мирный договор. Вагон разыскали, привели в порядок, пригнали в Компьенский

лес на то самое место, где он стоял в девятнадцатом году, и здесь 22 июня 1940 года капитуляция была подписана.

Таким образом, в течение 44 дней, с 10 мая по 22 июня, были разгромлены французская армия и армия ее союзников – Англии, Голландии и Бельгии.

Командование союзников не смогло организовать сопротивление, хотя и обладало достаточными силами для активной обороны. Со стороны немцев в осуществлении операции «Гельб» участвовало 140 дивизий, 2580 танков, 3824 самолета, 7378 орудий. А союзники имели 147 дивизий, в том числе 23 танковые и механизированные, 3100 танков, 3800 боевых самолетов и более 14 500 артиллерийских орудий. Нетрудно заметить по этим цифрам, что силы союзников превосходили силы гитлеровской Германии.

О причинах быстрого поражения французской армии правильнее всего, на мой взгляд, узнать у самих французов. Вот что писал об этом генерал де Голль: «...командные кадры, лишенные систематического и планомерного руководства со стороны правительства, оказались во власти рутины. В армии господствовали концепции, которых придерживались еще до окончания Первой мировой войны. Этому в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что военные руководители дряхлели на своих постах, оставаясь приверженцами устаревших взглядов... Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом».

Таким образом, быстрое поражение французской армии и армий союзников было предопределено не только силой германской армии и умением ее военачальников, но и беспомощностью командования и самих войск союзников. Что касается плана германского наступления на Францию, то он не представлял собой какого-то нового открытия в области военного искусства, разве только мощные удары танковых группировок отличали его от действий германской армии в других войнах против Франции. Вот, например, что пишет Манштейн об этом плане:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.